

Епископ Михаил (Грибановский)
Над Евангелием

I. "И сказали Апостолы Господу: умножь в нас веру" Лк.17:5

Каждый из нас имеет свою глубину и напряженность веры. При этом та и другая всякое мгновение в нас изменяются. И чем мы слабее, тем более этих перемен, и тем они непредвиденней. Мы все это хорошо знаем, если внимательно наблюдаем себя. Сейчас мы сильны духом, чувствуем его подъем, и вера так осязательно близка нам, ее тайны так прозрачны и очевидны для нашего духовного взора Мгновение, - и волна веры отхлынула; самосознание померкло, потускнело; его цельный блеск покрылся точно рябью сомнений; уровень его сил упал, все в нас перепуталось и сжалось. Что сейчас было так ясно, казалось так возможным и очевидным, переживалось как близкое и родное, то стало чуждым, далеким, сомнительным, даже невозможным. Таинственная стихия отступила, и всплеск волн ее затих. Душа чувствует себя обнаженной и оставленной; тревога пустоты охватывает и сушит ее. Она призывает назад родную благодатную влагу, которая так любовно покрывала ее, и в безграничном просторе которой ей было так легко и свободно. Но она бессильна задержать ее закономерно идущий отлив.

Волны нашей веры - лишь прибой и отбой к нашему духу беспредельного моря божественной жизни. И он - в руках Бога; его движения и сила повинуются Господню мановению. Он учащает его темп, увеличивает его высоту и соразмеряет его силу. Он знает, сколько благодати веры для нас нужно. От Него зависит умножение ее, и не нам что-либо изменить в определении Его. Оно рассчитано на ту глубину нашего духа, которая недостижима для нашего мелкого сознания; оно направлено к тем вечным целям, которые постоянно ускользают от нашей слабой и колеблющейся свободы. Мы должны покориться мудрости Божией и детски вверить себя Его любви к нам. Прекрасно поется в псалме: Господи! не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недостижимое. Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей, как дитяти, отнятого от груди матери? душа моя была во мне, как дитя, отнятое от груди (Пс.130). Будем покойны на лоне Бога; не будем бунтовать против Него, когда дыхание Его благодати как будто отходит от нас, и вера не проникает и не расширяет нашего сердца своим горячим потоком. Не будем придавать цены нашим детским соображениям, отчего и зачем такие перемены со стороны Бога в отношении к нам; не будем забегать мыслью о себе вперед уделенной Им нам веры. *По данной мне благодати всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил* (Рим.12:3).

Однако все сказанное не означает того, что наша свобода и мысль совершенно бессильны в приумножении веры в нашей душе. Мы должны пользоваться мгновениями благодатного прилива веры, как пользуется благоразумный хозяин нахлынувшим разливом горной реки для своих садов и полей. Сколько энергии и умения он употребляет на это! С прибоем реки он поспешно углубляет канавки и отводит по ним воду, куда нужно. С ее убылью он старательно засыпает их входы, чтобы сохранить воду у корней до следующего благодатного ее подъема. Подобно сему и мы не должны легкомысленно и лениво пропускать находящиеся на нас приливы веры, а должны пользоваться ими и заботливо питать и освежать их благодатными струями те чувства, мысли и стремления, которые насаждены в нас Христом и которые покоятся в нашей душе, и всячески хранить эту влагу веры от иссушающих сомнений в периоды упадка духа. Тогда мало-помалу незаметные, как горчичное зерно, семена Христовой

жизни, при неусыпном внимании и заботливом уходе, дадут хороший всход, зацветут и принесут плод. Со временем же, став сплошным лесом крепких и ветвистых деревьев, они сами уже будут привлекать с неба благодатный дождь веры и низводить его к самым сокровенным и глубоким корням пашей души...

Преуспевай же в вере (1Тим.6:11), благочестивый читатель!

II. "Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие" Ин.3:5

Благодатное возрождение от Св. Духа есть необходимое условие для вступления в Царствие Божие и в основанную Господом на земле Церковь, для исполнения заповедей Христовых и для познания тайн Его учения. Если мы решимся идти по стопам Христа, отвергнув силу возрождения Св. Духом, то скоро увидим всю тщету наших стремлений. Если мы будем стараться исполнять Его заповеди, полагаясь только на свои силы, на своего природного, невозрожденного человека, то на первых же порах бремя кажется для нас непосильным, и мы с отчаянием падем, подавленные его тяжестью. Закон Христов для естественного человека непосилен; он гораздо тяжелее закона Моисеева, ибо утончает и усиливает его требования; осуществить его в жизни нашими слабыми и склонными ко греху силами безусловно невозможно. Закон Христов рассчитан исключительно на человека облагодатствованного; единственно только при помощи силы Св. Духа, чрез обновление нашего ветхого естества новой стихией благодатной жизни, он становится удобоисполнимым, и его заповеди являются только формой обнаружения и развития этой небесной стихии, а тайны Его учения тайнами нами же переживаемой нашей внутренней духовной жизни.

В настоящее время христианские общества по-видимому преклоняются пред нравственными требованиями Христова учения. И, однако, что свидетельствует нам действительная жизнь? Не чувствуют ли себя все более и более бессильными исполнить эти требования в их внутренней высоте и чистоте, в их настоящем, подлинно христианском и, потому, единственно истинном и спасительном значении? Не становятся ли люди все более и более рабами внешних условий жизни, непрерывно усложняющихся ее форм, а с тем вместе и соединенной с ними жестокой борьбы за существование, за влияние, за власть, борьбы страстей и самолюбий, борьбы всего мелочного и узко-злобного? Несомненно, это раздвоение нравственных идеалов и хода действительной жизни представляет из себя нечто поистине трагическое, полное великих мук и всяких печальных злоключений. И причина всего этого заключается в том, что благодатная сила возрождения Св. Духом перестала служить для сознания и свободы современного человека источником его будничной, частной и общественной жизни и деятельности; все думают быть христианами при помощи только своих естественных сил и соображений. Понятно, из этого никогда и ничего не может выйти надежно доброго, и пред нашими глазами неизбежные последствия такого ложного пути: все распространяющееся недовольство жизнью и все усиливающиеся ее страдания... И как больно смотреть на эти страдания людей, горько и тяжело сознавать, что ничто извне не может помочь им! Все, что ни сделаешь, только одна капля воды, попавшая в море огня. Страдания проникают в самую глубь жизни, в ее ежедневные мелочи; как тяжелый горький осадок, они съедают самое дно человеческого сердца. Человек ходит, говорит, смеется, заботится о себе и других, - а посмотрите, что он внутри: весь изъеден скорбью жизни, как едкой ржавчиной, весь надломлен и опустошен ее бесцельностью и ненужностью, как невидимой молью и тлей. Всё кругом нас и мы сами только повапленные гробы...

И так было, есть и будет всегда, везде и всюду. Жалко видеть, как люди, точно маленькие, неразумные дети, стараются залечить зло своей жизни самоизмышленными лекарствами и

мерами. Неужели до сих пор всем нам не ясно, что зло мира заключается в самом корне нашей жизни, что оно не излечимо никакими частными, земными человеческими усилиями, что вся культура, вся цивилизация - только цвет того же корня и цвет ядовитый, хотя и обольстительно красивый, хотя постоянно и утончающийся в своем аромате? Римляне были умнее и вдумчивее нас: пред пришествием Христа они ясно сознали, что со злом жизни ничего нельзя поделать теми средствами, какими располагает человек. Зло так радикально, что может быть излечено только радикальным же средством, т.е. должен быть обновлен самый корень жизни, должна быть создана новая жизненная стихия, положено новое семя ее развития. Если этого нет, потому что это не в силах человека, если этого не может быть, потому что нельзя представить себе, как это возможно, - то нет и не может быть избавления от зла жизни; человек и мир должны погибнуть, должны сгореть в огне страданий; все должно исчезнуть в пучине ничтожества, беспредельно нелепого и чудовищно жестокого... И римляне сознательно погрузили себя в это ничтожество, насильственно прерывая нить своей жизни...

Но что человек не мог себе представить, то на самом деле совершил Сын Божий, наш Господь и Спаситель Иисус Христос. Он затем и пришел, чтобы чрез ниспослание Св. Духа дать людям новую жизнь, обновить самый корень ее, положить в них новое семя к ее дальнейшему развитию. В этом Он полагал и существенную задачу Своей божественной миссии на земле.

Прошло около 2000 лет с тех пор; в десятках поколений предков мы именуем себя христианами, - и однако всмотритесь внутрь и кругом себя: как мы невосприимчивы, как мы тупы к усвоению божественной идеи и силы возрождения и обновления! Как мы легкомысленно, а иногда и преднамеренно не хотим видеть, что только в этом одном и есть выход для нас и для всего мира из бездны страданий и конечной гибели! Как мы все еще надеемся на свои силы и суеتمدим по-пустому, всячески стараясь или скрыть, или залечить извне ту язву, которая растет внутри и подъедает самый корень нашей жизни, делает нас совсем бессильными в устройении ее радости и ее спасения! Как удивиться сему, как оплакать, как вразумить наше безумное легкомыслие! Мы так измельчали в суете и сложности внешней, поверхностной, показной жизни, что самая мысль о коренном, всецелом нашем возрождении кажется нам чем-то невозможным. У нас голова кружится при попытке заглянуть в глубину души и уверовать в новую жизнь, положенную в ней Св. Духом во Христе; у нас не хватает нравственного мужества и решимости оторваться на время от захватывающего нас житейского шума и спуститься туда, в эту покойную тишь, где бьет самый родник жизни, где совершается самое творчество ее, где человек в безмолвии остается один сам с собой и с невидимым Богом. А между тем все христианские мысли, чувства, дела и поступки должны возникать и расти единственно из того нового семени, которое положено на дне этого родника неизменных сил нашей души, из того животворного веяния Св. Духа, которое дышит по мановению Божию в этой таинственной области... Неужели же мы и дальше будем все так же глухи к призыву нашего Господа возродиться и обновиться? Все так же будем считать самую идею обновления и возрождения неподходящей к непрерывно и быстро текущему нашему времени, которое, чем дальше, тем больше и глубже захватывает нас вихрем своей суеты? Неужели мы все будем только ахать и охать, изнемогая от бесцельной сутолоки жизни, от своих страданий и немощей, от своего утомления и бессилия, и отвергать в то же время свое единственное, дарованное нам Богом лекарство?! О, не дай, Господи, чтобы так было! Покаемся в своем прошлом, покаемся в своем легкомыслии, в своей самонадеянной гордости, в своих страстях и грехах, решим, с Божией помощью, начать новую жизнь! Устремим все свое внимание, всю свободу своего сердца и ума на дарованную нам благодать возрождения! Будем непрестанно молить Бога, чтобы Он прорастил в нас Им же положенное семя новой духовной жизни! Будем холить и питать это семя добрыми расположениями сердца, хорошими мыслями и делами на благо нашей душе и на благо нашим ближним! Будем непрестанно помнить своим сердцем и умом, что мы - новая тварь о Христе, и, сообразно с этим, во всем и внутри и вне

себя поступать по воле Божией, по обновленному человеку, по силе всегда призываемой и всегда помогающей нам благодати Св. Духа! Отвергнем старое и ветхое, вступим с ним в беспощадную борьбу, и начнем растить в себе и кругом себя новое, Христово. А главное, перестанем надеяться только на себя, а возложим все упование на силу Божию, действующую в нас, на благодать Св. Духа, возрождающую нас и постоянно дающую нам источник новых сил на творчество добра в себе и других! Отбросим свое самомнение и самочиние и покоримся всецело божественному водительству... И тогда спасение будет близ нас; тогда мы поймем, что такое жизнь в Церкви, тогда жизнь будет для нас легкой и отрадной, тогда все заповеди и уставы ее, весь закон Христов будет лишь желанным и радостным путем к Царству Божию, к наследию вечной блаженной жизни, тогда мы найдем силы совершить все предназначенное нам во славу Христа, тогда радость жизни обнимет и захватит нас, как облаком небесным, на сретение нашему Господу... О Господи! буди, буди!..

III. *"Вы не от мира"* Ин.15:19

Наше призвание не здесь, на земле, наша родина и наша цель там, в том мире, к которому призвал нас Господь. Этой мыслью мы бываем иногда склонны оправдывать наше невнимательное отношение к тому, что нас окружает, и нашу холодность к тем людям, с которыми мы живем. Ею мы воспитываем в себе и то мечтательно-беспредметное настроение, при котором мы помещаем наше небо где-то в пространственно-недостижимой дали и совершенно оторванно во всех отношениях от нашей земной жизни. Мы готовы чуть не с телескопом в руках отыскивать тот мир, куда мы вдруг будем перенесены по таинственному мановению свыше. С высоты далеких небесных перспектив, в мнимом величии как бы обитателя имеющей в будущем появиться отдаленной планеты, мы в самом лучшем случае лишь снисходительно смотрим на ту маленькую сферу деятельности и на тот уголок природы, которые предстоят нам в нашей наличной жизни. Люди, не сочувствующие Церкви, пользуются этим, чтобы указать на церковное учение о той жизни, как на какой-то темный и беспредметный мистицизм.

Так ли это? и правы ли мы?

Мы, христиане, не от мира сего. Но это не значит, что наш мир где-то отсюда за миллиарды верст, где-то за бесконечными звездными мирами. Совсем нет. Он внутри нас же самих, в окружающей нас природе, на всяком месте, в каждой душе. Он отделяется от нас не внешними далекими пространствами, а лишь поверхностью той же самой жизни, которая на этой же земле со всех сторон охватывает нас. Его свет и дыхание непосредственно близки нам; они обвевают меня из внутренней глубины духа сию минуту, вот здесь, на этом месте, где я пишу, в моей же собственной душе, которую я сейчас чувствую, из-за этой же вот природы и обстановки, которая в настоящий момент окружает меня.

Стремиться из этого мира в тот - не значит нестись и рваться куда-то в беспредельную звездную даль, в неизвестные пространства солнц и созвездий. Нет, - это значит просто войти внутрь того, что находится в нас самих и кругом нас. В моей душе, какова бы она сейчас ни была, все же просвечивает нечто высшее, благороднейшее и святое, хорошие мысли, чувства и желания, та же душа, но только в более совершенной и прекрасной форме бытия. Идти туда, к тому просвету, осваиваться с тем, что открывается через него, вживаться в его атмосферу, ткать из нее свои жизненные нити, - это и значит идти в тот небесный мир, к которому мы призваны Господом. В моем теле много дурного, но и в нем, в его Богом созданной форме, в волнах его жизненной энергии, чувствуется высшая красота, высшее благо бытия, отблеск чистого счастья жизни. Низводить свой дух и свое сердце в эту благороднейшую стихию своего собственного тела, в это совершенство его идеальных форм, заключенных в нас же,

вдыхать в себя только чистейший аромат жизни, веющий в ее гармонических проявлениях; напрягать и собирать свое жизненное внимание только в эту утонченную светлую область своего же телесного самоощущения, никак не распуская себя и не давая разливаться грубым волнам похоти, не поддаваясь внешним и внутренним дисгармоническим влияниям, одухотворяя и просветляя каждое свое жизненное движение, - все это и значит идти в царство не от мира сего.

Кругом меня природа, вот на этом клочке пространства, который обнимает мой глаз. Если я небрежно пробегаю по ней своим сознанием, или грубо внешне отношусь к ней, то она ничего особенного для меня не представляет: я или прохожу мимо нее, или внешне пользуюсь ею, или истребляю ее. Но стоит мне с любовью, с цельным чувством и сознанием, по-детски, по-божьи, не разбегаясь во все стороны, а всецело отдаваясь ей, взглянуться в нее, - и каждый листок деревца, каждый крохотный цветочек, каждая былинка, травка вдруг засияет для меня такой лучезарной райской красотой, обдаст меня таким теплом и светом жизни, таким изяществом каждого изгиба и каждого тона, что мне откроется воочию рай... Что это значит? Откуда такое чудное превращение? Очень просто: мы проникли внутрь того, что ежедневно видели извне; мы своим цельным чувством ощутили ту цельную жизнь природы, которую постоянно дробим своим рассеянным внешним сознанием; мы в созерцании любви отдались на миг беззаветно вот этому деревцу, этому цветку, вместо того, чтобы эгоистически думать, нельзя ли срубить одно и сорвать другой. Одним словом, в этот чудный миг природа осталась та же, но мы вошли в тот просветленный божественный мир ее бытия и ее форм, который заключен в ней же, но которого мы, по рассеянности и грубости, доселе не замечали... Стараться отдавать свое глубокое и цельное внимание всему окружающему нас живому, всему около нас существующему, всякой былинке и вещи, входить своим умиротворенным сердцем в то светлое и прекрасное бытие, которое проникает во все и отражается во всем, - созерцать все в Боге, отказавшись от себя, - это значит идти в царство не от мира сего.

Мы не от мира сего; но это не значит, что мы отвернулись от этой природы, глядим в какую-то пустоту, во что-то темное и совершенно неизвестное. Нет, тот мир есть лишь просветление, утончение и одухотворенный расцвет этого. Мы смотрим на то же, на что смотрят и другие, но видим в нем тот мир, который для других пока остается скрытым. По-видимому в мертвом - для нас трепещет внутренняя духовная жизнь; в немом - для нас звучат небесные глаголы; в случайном и механическом - нам открывается чудный смысл и высшая разумная красота. Можем ли представить себе, что говорил незаметный цветок - лилия - сердцу и очам Господа, когда Он всю славу Соломона повергал пред нею ниц?

И этот открывающийся духовно мир красоты и высшей жизни - не иллюзия, не фантазия поэта. Он есть, он реально существует за теми же формами, за той же природой, которая окружает нас. То, что для поэтов мира сего только идея, мечта, то, в еще более просветленном виде, для христианина не от мира сего - высшая реальная действительность, в которой он живет, которая скрыта для телесных очей и нечистых сердец, которая невыразима грубым человеческим языком и непредставима бледными земными красками.

Мы не от мира сего. Это однако не значит, что мы должны внутренне чуждаться тех людей, с которыми сводит нас действительная жизнь, и мечтать о других существах, которые более подходили бы к нашему идеалу. Да, мы должны быть как можно дальше от всего худого и в нас и в других; наш долг - бороться с этим неустанно и беспощадно. Но ведь это худое и есть то, что отчуждает людей друг от друга и производит между ними вражду и нестроения. Удаляясь этого, христианин именно уходит из этого стихийного мира, где люди - взаимные враги, в тот мир, где они могут быть друзьями и братьями. Но этот мир не в мечтательной выси фантазии, а как раз в той же самой среде и в тех же самых людях, среди которых мы

живем. Как бы они ни враждовали меж собой, они все же чувствуют, что в них есть некоторый высший мир добрых чувств: любви, истины, благожелания и самопожертвования. Извне и по инерции страстей они ведут жестокую взаимную борьбу, но внутри они не могут не чтить общей единой святости всех, которая невидимо и неслышимо проникает самую глубину их грешных душ. Вот в этой-то действительной святости действительных окружающих нас людей и есть "тот" мир, в котором мы должны жить, как христиане.

Люди мира сего думают, что эта святость - только одна мечта, только несуществующий идеал: что она только в личной фантазии и в благих порывах каждого и ничего действительно-властного и сущего из себя не представляет. Она скрашивает эту тяжелую и прозаичную жизнь своими грезами, но сама только греза и не более. Умер человек, развеется тело, - и греза исчезает, как туман.

Христианин своим духом непосредственно переживает реальность этой святости. Он чувствует, что этот мир любви и гармонии уже существует, уже есть в глубине духа в каждом из окружающих, только нужно захотеть и суметь войти в него. Он сознает, что это не его только создание, не его только благой порыв, а более, гораздо более объективная и вечная действительность, чем все другое, видимо предстоящее нам. Он проникает до той внутренней глубины, где враждующие вокруг него люди сошлись им самим неведомыми корнями своего духовного бытия и погружены в благодатный мир небесного царствия. Этот мир внутри их, но только так глубоко и за столькими, сотканными часто ими же самими, покровами и масками, что они не знают его хорошо и не чувствуют всей красоты и силы его вполне реальной жизни. Христианин видит его и идет к нему.

Христианин должен всецело жаждать этого внутреннего царства. Но это не значит, что он должен быть поэтому косно недействительным или праздно-мечтающим в этом мире. Благодатная жизнь неба открывается для нас по мере свободного просветления земли. Делать душу и тело свои чистыми и святыми, возводить окружающую нас природу к ее совершеннейшим формам; просветлять всю сферу данной нам конкретной жизни, животворить ближних тем дыханием, которое мы сами получаем свыше; передавать им ту радость, ту благодать, которая охватывает нас; открывать в них небо, которое открылось в нас; отдавать им свою жизнь, чтобы она возродилась и зацвела в них; короче: подражать Христу, Апостолам, Святителям и мученикам, - вот самый верный и надлежащий путь к царству "не от мира сего".

Таким образом, верующий в "то" царство входит в самое внутреннее общение с окружающими его людьми, хотя часто и неведомо для них. Не помимо их он ищет того неба, которому призван, а в них же и через них же. Он идет к тому миру через деятельное общение с ближними этого мира, будь оно в сфере мысли, дела или невидимой молитвы и любви. То, что может казаться уединением христианина, только видимость. Он ближе к своим ближним, чем сами ближние между собой и к самим себе. Он не мечтает, а реально живет в том действительном мире, который скрывают от нашего духа паши земные мечтания. Его царство "не от мира сего", - не в туманной дали времен и пространств, не в отвлеченной пустоте измышлений и призраков, как у земных поэтов и мыслителей, а сейчас, в этот миг, на этом небольшом пространстве, в этой среде, между этими ближними. Он сквозь них же, в их собственной глубине, видит просветленный чудный мир того царства всякой красоты, жизни и гармонии, который всегда обнимает их, но в который они никак войти не могут, неудержимо скользя по блестящей поверхности этого мира в развертывающийся пред ними ряд грандиозных внешних перспектив. *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк.17:21)

IV. "Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю" Мф.5:5

Мир, полный лукавства и беззакония, преуспевает на пути своем; он с шумом и тожественно несется по пути внешнего развития, не зная Бога и не нуждаясь в Нем. Благочестивый человек, пребывая в Церкви, остается совсем в стороне от этого шумного и победного шествия; он нравственно никак не может примкнуть к нему и сделаться одним из деятелей и участников его. Однако внешний успех мира, его победные клики, его презрительное отношение к смиренной Христовой Церкви - не могут ли иногда смутить и верующее сердце, не могут ли иногда заронить искру зависти и ревности даже и в мужественную душу? Люди мира сего во лжи и без Бога, обгоняя и попирая друг друга, покоряют землю и овладевают ее благами. А живущие во Христе, стараясь блюсти внутреннюю правду и жить по-божьи, конечно, но необходимости должны отстать в этом состязании, и, конечно, на них свысока и с презрением будут смотреть обгоняющие их на всех путях гордые деятели мира.

Но не будем смущаться этим. Пути Церкви в руках Бога. Предадим Ему пути наши и не будем бояться. Он выведет, как свет, правду нашу и справедливость нашу, как полдень.

Мы должны твердо верить в силу и крепость нашего Бога. Даже гнева мы не должны допускать в своем сердце, видя успехи беззаконников, а тем более ревновать до того, чтобы им делать зло. Не наш ли Бог еще устами Давида открыл нам, что делающие зло истребятся, и кроткие наследуют землю и наслаются множеством мира? Разве это обещание Бога может не исполниться? А Христос не то же ли сказал нам: *Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю?* Конечно, для нас это обетование звучит несколько странно: неверие и безбожие мира успело и на нас набросить свою тень, и мы колеблемся верить в торжество кротких на этой земле, и наследование земли готовы понимать в общем туманно-отвлеченном виде какого-то иносказания...

Но тут прямой смысл и прямая правда, и она осуществится вполне, когда придет Христос на землю со всеми святыми, когда будет новое небо и новая земля, и когда кроткие, обновленные, подобно Ангелам Божиим, наследуют эту землю, данную им Богом в удел при создании мира.

И посмотрите, как уже во многом исполнились откровения Божий относительно кроткой Церкви Христовой. Не скрежетали ли на нее зубами своими представители иудейского народа, и не посмеялся ли над ними Бог, предвидя день их национальной гибели? Не обнажали ли своих мечей, не натягивали ли своих луков язычники, чтобы низложить церковь бедных и нищих, чтобы пронзить идущих прямым путем? И не вошел ли меч их в их же сердца, и не сокрушились ли их луки? Не преклонилась ли языческая сила к подножию креста Христова, предварительно в безумии распяв на крестах множество невинных жертв? И кого хотели стереть с лица земли всяческими способами муки и смерти, - не они ли терпением и кротостью победили своих мучителей и наследовали их землю?

Но борьба мира против Церкви не прекратилась. Насилие из одной формы перешло в другую. Победенное в одном роде оружия, оно схватилось за другое. Безбожные владетели несметных богатств мира, воюющие и теперь против Христа и Церкви, держащие в своих руках судьбы народов и забирающие в свою власть землю, - кто они, как не те же прежде скрежетавшие зубами на апостолов еврейские начальники, как не те же бичевавшие и казнившие их представители языческой силы?

Но и их судьба предсказана. В то время, как они, соединившись вместе, войдут в славу и вознесутся, - их постигнет гибель; исчезая исчезнут они, как дым... И современный социализм и анархизм не есть ли предвестники исполнения этого предсказания? Нашествия полчищ кровожадных варваров извне и изнутри также в руке Божией, как и все во вселенной, и злые

силы, побивая и ниспровергая друг друга, а иногда карая и добрых за преступления и грехи, исполняют великий закон нравственного возмездия и неумытной справедливости, которая присуща самым стихиям мира, и от которой никто и нигде вырваться не сможет. И этот закон рокового саморазрушения зла, насилия, гибнущего от собственного же насилия, исполняясь здесь, на земле, очищает на ней место торжеству кротости. *Уповай на Господа и держись пути Его, - и Он вознесет тебя, чтобы ты наследовал землю (Пс.36:34).*

V. "Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать и того не оставлять. Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие"
Мф.23:23-24

Вот ответ на вопрос: как относиться к внешним и мелким обычаям Церкви? Те, кто исполняет их, должны всегда знать, что это лишь частные и мелкие обнаружения внутреннего и важнейшего, имеющие значение единственно только при соблюдении последнего. Если же внутреннее и важнейшее из Евангелия и заповедей Церкви ими не исполняется, то они подлежат осуждению, как книжники и фарисеи, которые лицемерно оцеживали комаров, чтобы незаметно и под шумок поглотить верблюда.

Те, которые не исполняют обычаев Церкви и даже считают себя вправе соблазняться ими, должны принять во внимание слова Господа: "Сие надлежало делать и того не оставлять". Господь даже лицемерным книжникам и фарисеям прямо не говорит: вам не то нужно делать, - не мяту, анис и тмин одесятствовать, а соблюдать суд, милость и веру. Он не говорит так; Он не противопоставляет одного другому; Он лишь разъясняет, что это нужно делать и того не оставлять; Он их обличает лишь в том, что они, оцеживая комаров, поглощают верблюдов. Но Он никак не говорит, что нужно пить с комарами: оцеживайте и комаров, но, главное, не поглощайте верблюдов.

Таким образом, Он указывает на то, что уничтожена гармония между главным и второстепенным, что соблюдение мелких обычаев служит лишь отводом глаз, лишь лицемерным прикрытием, чтобы нарушить главнейшее и существеннейшее. Только это Он и имеет в виду, отдавая подобающее место и внешним обычаям.

Господь тонко различает степень важности соблюдения несущественного и существенного: первого *не нужно оставлять, не нужно опускать*, а второе - главное - *должно делать*; одно выражение в отрицательной, другое в положительной форме: то - как внешнее украшение, дополнение главного; это - как основание, фундамент. Кто пускает пыль в глаза внешними проявлениями благочестия, чтобы незаметно положить гнилое или фальшивое основание, тот лицемер. Но кто добросовестно создает здание Богу, тот, устроая его на прочном фундаменте, заботится и о красоте его форм, и об изяществе каждой мелочи так, чтобы во всякой детали сияла одна и та же высшая идея и гармония целого. Это и есть вся поэзия обычаев Церкви; и кто строит здание без них, тот строит казармы, а не храм, казенное здание, а не любимое жилище Бога...

VI. "Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтоб они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби пред собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая: чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно"
Мф.6:1-4

В приведенных словах Евангелия Господь устанавливает исключительно религиозное значение милостыни. Она имеет отношение только к Богу; она должна совершаться только пред Ним, пред Его очами, как жертва во славу Его. У нас теперь обычный взгляд, что благотворение есть дело гуманности, что оно должно иметь внутреннее отношение только к человеку или к обществу. Когда мы подаем милостыню, мы смотрим на это так, что мы делаем добро человеку, благотворительствуем ему. Когда мы жертвуем на какое-нибудь общественное дело, мы думаем, что приносим благо обществу... Мысль о Боге у нас при этом если и есть, то занимает второстепенное место. Поэтому-то естественно, что мы смотрим, как отразилось наше добро в сознании тех, для кого мы его сделали. Мы положили в руки нищему монету - и смотрим, благодарен ли он нам; мы пожертвовали обществу денег - и ожидаем от него признательности. Разговоры о нашей щедрости, статья в газетах о ней, - все это, совершенно понятно, требуется нами, как необходимое следствие нашего доброго дела, если мы делаем его только ради человека. Мы бросили зерно на ниву людей и, естественно, ожидаем всхода на ней, который показал бы нам, что мы бросили не напрасно, что почва благоприятна...

Господь совсем не так повелевает нам смотреть на это. *Я и Бог* - вот только кто должен быть при благотворении. *Я даю милостыню* - это все равно, что я приношу жертву Богу. Человек, которому я подаю, это только живой жертвенник. Я должен быть благодарен ему, что он есть, что он около меня, и я могу на нем выразить свою любовь к Богу посильной жертвой. Его признательность или непризнательность - для меня дело постороннее, как качество материала, из которого сделан жертвенник. Он должен быть сделан из хорошего материала, но собственно к моей жертве мысль об этом не имеет никакого внутреннего отношения. Одного следствия я должен желать: это - чтобы моя жертва была угодна Богу, чтоб Он принял ее. А это тем скорее может быть, чем чище она, т.е. чем менее в ней посторонних мотивов и мыслей о славе и человеческих соображений о благодарности, чем пламенней она устремляется к Богу и только к Нему одному. В священной истории есть картины, изображающие жертвы Каина и Авеля. У Каина дым стелется и разносится по земле, у Авеля же прямо возносится к небу. Может быть, это и, действительно, было знаком, по которому они узнали, что жертву одного Бог отверг, а жертву другого принял. Во всяком случае, у древних народов это было средством узнавать, угодна ли жертва Богу или нет. То же самое может быть приложимо и к нашим благотворениям. Худо, если молва о них стелется по земле, разносится ветром газет по всем городам и селам. Хорошо, если они, как жертва Авеля, возносятся прямо к Богу, в чистой, лазурной тишине нашего сердца.

Если мы будем так смотреть на милостыню и на всякую благотворительность, то, само собой разумеется, мы не только не будем трубить о ней во все стороны, но, наоборот, постараемся укрыть ее от взоров людей, как мы укрываем все наиболее дорогое и внутреннее, как мы делаем это в отношении самой сердечной молитвы, как мы, вообще, избегаем посторонних отвлекающих взоров людских, когда хотим остаться одни пред Богом.

Понятно тогда и то, что наша левая рука не будет знать того, что делала правая, т.е. что мы ни на один шаг не будем самодовольно останавливаться мыслью на сделанном и придавать ему внешнее значение. Что бы мы ни сделали, - мы этим принесли только Богу жертву и воздали Ему хвалу в данную минуту.

Какая бы ни была жертва, - она ничтожна пред Богом и только дорога Ему по мере нашей веры в Него, нашей любви к Нему. Ты положил кусочек ладана в кадило, ты зажег восковую свечку пред образом: прошел миг - и все сгорело. Большой или маленький кусочек ладана положишь ты, с золотом или без золота поставишь ты свечку, - разве не все равно для Бога, разве пред Ним не вера только твоя ценна, разве Ему не любовь только твоя к Нему дорога? И будешь ли ты останавливаться мыслью и хвалиться пред собой, что ставил большую свечу? Разве она

имеет какую-нибудь важность сама по себе для Того, пред Кем светят миллионы солнц? Разве она не сгорит так же, как и маленькая? Так точно и с благотворениями. Кто приносит ими жертву Богу, тот знает, что много ли, мало ли он принес, - для Бога это равно ничтожно: Ему принадлежит и небо и земля и все богатства вселенной. И потому такой благотворитель никогда не станет останавливаться на мысли о важности сделанного им и только поблагодарит Бога, что в данный миг удалось сильно выразить Ему свою любовь и прославить Его... И в следующий миг он уже заботится о новом прославлении Бога и не думает о прежнем, которое уже прошло, как благоухание кадила, о котором долго размышлять не имеет никакого смысла.

Кто своему благотворению придает только человеческий, личный или общественный характер, кто пускает свои добрые дела в оборот людских отношений, рекламируя себя, ища благодарности, домогаясь славы, хвалясь пользой, - тот должен знать, что делает он дело человеческое, а не Божье, что он поступает, как, может быть, и хороший язычник, но не как христианин, что плоды его дел не оставят никакого следа в вечности и погибнут вместе со всем шумом и со всей суетой этого мира, что до Бога они не доходят и с исполнением заповеди Христа не имеют ничего общего... Различные толки газет и сообщения о благотворениях так же в существе дела уместны, как отчет о том, насколько кто усердно молится Богу в церкви, как вздохнул и когда перекрестился. Все это дело чисто внутреннее, сокровенное, - дело, которому подобает быть вдали от посторонних взоров, и кто лезет сюда с непрошенным любопытством, тот совершает нравственное преступление. Так и относительно всякого доброго дела: оно должно быть *только видом нашей молитвы к Богу*, нашего прославления Его имени, нашей Ему благодарности.

ВН. *"И сел Иисус против сокровищницы, и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много. Пришедши же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант. Подозвав учеников Своих, Иисус сказал им: Истинно говорю вам, что бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу. Ибо все клали от избытка своего; а она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое"* Мк.12:41-44; Лк.21:1-4

Вот как Господь оценивает нашу благотворительность. Он не смотрит на то, тысяча рублей или одна копейка положены в сокровищницу; а смотрит только, с какой степенью самоотвержения и преданности Ему сделано это. Вдова все, что имела, положила; значит, ее любовь к Богу была сильнее, чем у богача, который положил сотую или тысячную долю того, что имел. Поэтому и Господь оценил ее две лепты дороже всех богатых вкладов. Для Него имеет значение только внутренняя сторона благотворительности, для Него дорого только одному Ему ведомое чувство, которое породило ее, а не внешнее качество жертвы. Отсюда видно, что наш обычный взгляд на благотворение с чисто внешней стороны не может быть назван христианским.

У нас теперь все только и говорят о росте общественной благотворительности в христианских государствах, о тех крупных пожертвованиях, которые сделаны в Англии, Америке и Франции. Конечно, все это хорошее дело; но мы должны всегда помнить, что эта внешняя оценка имеет чисто языческий характер и с христианской оценкой не имеет ничего общего. Ведь и язычники раздавали деньги неимущим, делали пожертвования, строили общественные здания и пр. И, конечно, с внешней стороны это было не худое дело, даже если при этом они думали только о своей славе или лишь умело бросали лишние у себя деньги... Язычество не имело дела с внутренним человеком, который стоит пред Богом и только пред Ним одним... Христианство же только и знает этого внутреннего человека, и для него внешнее само по себе не имеет никакой цены. Христу дорога только негибнущая душа человека; Ему дорого только то чувство бескорыстной любви, которое цветет и благоухает пред одним Богом в самой

сокровенной глубине нашего духа, а не то внешнее, что пройдет и погибнет, когда наступит час...

Не с тем все это говорится, чтоб осуждать внешнюю благотворительность: ведь и Христос не осудил тех богачей, которые приносили от своего избытка в сокровищницу храма... Хотелось бы только указать, что не нужно смешивать языческую точку зрения на добро, как на что-то внешнее, с христианской точкой зрения на то же добро, как на сокровенно внутреннее; что не нужно считать рост внешней общественной благотворительности за рост христианства, которое может не иметь с ней ничего общего, что не нужно измерять свою христианственность, или церковность, пожертвованными копейками или рублями, тысячами или миллионами, милостыней нищему или громадными зданиями. Кто так оценивает добро, пусть тот знает, что он оценивает по-язычески. Христос взвешивает только ту силу любви к Нему и пламенной ревности по Боге, которая двигает твоею благотворящею рукою и которая ведома только Ему одному, смотрящему прямо в твое сердце.

Чтобы богатому, пожертвовавшему тысячи или миллионы, сравниться с бедной вдовой, отдавшей Богу свою последнюю копейку и выразившей тем свою пламенную и всецелую любовь и преданность Ему, он должен отдать также, как и она, все, что имеет, и с такой же, как и у нее, беззаветной любовью к Богу и верой в то, что Он позаботится о нашей жизни и нашем пропитании.

VIII. "И когда выходил Он из храма, говорит Ему один из учеников Его: Учитель! Посмотри, какие камни и какие здания! Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? все это будет разрушено так что не останется здесь камня на камне" Мк.13:1-2; Лк.21:5-6

Глубокая и многозначительная внутренняя связь между словами Господа по поводу бедной вдовы, положившей в сокровищницу храма две лепты, и последующим вопросом учеников и ответом на него Господа о богатстве и благолепии храма Господь видел у сокровищницы, что богатые приносили мною, и однако отдал преимущество бедной вдове, говоря этим, что благотворение ценно только с внутренней стороны и с этой последней только и может быть измеряемо Богом. А ученики сейчас же указывают на богатство храма и говорят "Как же так? А посмотри, что сделали богатые приношения! Посмотри, какая красота храма и сколько в нем драгоценностей! Разве это могли сделать бедные вдовы, вносившие по лепте? Это - заслуги богатых..."

И что Господь отвечает на это? "Придут дни, когда из того что вы здесь видите, не останется камня на камне: все будет разрушено". Вот ценность всех богатств, всех внешних украшений и сокровищ: наступит час, когда все это пройдет, как прах, как пыль, обратится в ничто...

Не все ли и мы, подобно ученикам Христовым, подпадаем под соблазн внешнего? Разве, в самом деле, не кажется великим делом - само по себе, помимо всякого внутреннего достоинства - вся эта внешняя сторона благотворительности, все эти воздвигаемые великолепные храмы, музеи, богадельни, приюты и пр.? - Пусть кто пожертвовал на это, сделал так не ради Бога, или если и для Него, то не забывая и себя, - что нам до того? Перед нами то, что они сделали: эти храмы, дома, дворцы, эти богатые украшения в них...

И всем нам отвечает Господь: не обольщайтесь! От этого не останется камня на камне; и все это внешнее великолепие, взятое само по себе, помимо веры и любви к Богу, помимо души человеческой, - не имеет никакой цены. Все это хорошо, поскольку оно показывает, что вы живете Богом и для Бога, и, по устройству человеческой природы, непременно хотите

выразить это вовне, на деле. Тогда пусть проходят эти внешние украшения и сокровища - ваша душа, произведшая их, останется, и вера и любовь будут вечно в ней и ценны пред Богом. Но если взять постройки и украшения помимо этой веры и любви, - они прах и тлен и ничего пред Богом не стоят, ибо пред Ним ценно только вечное, только то, что не умрет и не разрушится ни ныне, ни завтра, ни во веки веков, - то, что внутри нас, перед Всевидящим Богом... И для нас самих, как существ, предназначенных для жизни вечной, только одно это и имеет значение. Придут дни, когда земля и все наши дела сгорят, - где будут тогда наши постройки? и не с одной ли душой мы очутимся пред Богом?..

IX. "Да приидет Царствие Твое" Мф.6:10

Чего мы просим здесь у Бога? Какой смысл мы должны придавать этим словам в настоящее время, если мы не хотим лгать перед Богом и своею совестью? Первенствующие христиане молились о пришествии Христова царствия в таких словах: "Да приидет благодать, и да прейдет мир сей!" (*Учение XII апостолов*). Готовы ли мы повторить эти слова от чистого сердца? О, конечно, нет! Где у нас такая жажда благодати? Мы даже утратили ее живое ощущение и понимание: как же мы можем призывать ее царство? А молиться, чтобы прешел этот мир, нам кажется или смешным, или безумным. Так далеки мы от смысла и воззрений первых и пламенных последователей Христа, от чаяний их жизни, от небесной высоты их духа. А между тем мы должны, должны об этом молиться. Если когда эти мольбы подходят ко времени, то именно сейчас... Посмотрим на себя. Где у нас одушевление? где пламень любви? где героизм свободы? где не знающее пределов самопожертвование ради истины? Короче сказать: где в нас и среди нас жизнь? Не окованы ли мы все каким-то роком, влекущим нас куда-то помимо нашей воли? Не чувствуем ли мы вместо одушевления свободных героев в гигантской борьбе тоскливую казарменную тяготу заведенного будничного порядка жизни? Известна ли нам истина, ради которой мы готовы сейчас умереть и всю сладость которой мы переживаем всеми фибрами нашего существа? Что же такое жизнь наша, как не тина, полная всякой будничной бессмысленной и засасывающей тяготы? Все подавлены ее смутным гнетом, все жалуются на ее нелепость, и все-таки ни у кого не хватает силы и высоты повторить с нашими духовными предками-гигантами: "Да приидет благодать, и да прейдет мир сей!.."

Перед ними была грандиозная Римская империя, по-видимому, несокрушимая, с ее видимой блестящей обстановкой и цивилизацией... И однако они, ощутив и осознав всю ее роковую нелепость, были достаточно высоки и смелы духом, чтобы на своих собраниях повторять этот горячий молитвенный призыв. А мы, подавленные всем современным строем и шумом жизни, не можем даже вообразить, как можно просить себе с неба ограды, отдыха; как можно жаждать новой, совсем новой жизни, полной огня и радости; как можно думать, допускать возможность - а не то, что уж надеяться на то, чтобы эта каторга наличной жизни, эта машина всех ее роковых заведенных порядков перешла и заменилось благодатью свободы, полной жизни и любви!..

Да, мы не верим в пришествие с неба благодатного царства Христова! В наших устах эта молитва - ложь. Для нас царящие над нами законы непреложны! Мы лицемерно подмениваем благодатное царство, пришедшее с неба, мыслью об идеально-хороших порядках жизни на земле, к которым приведет сама цивилизация своей же собственной силой... Но это иллюзия! Мы внутренне чувствуем, что это неправда, и что рок нигде и ни в чем не дает нам ручательства, чтобы он выполнил эту иллюзию. Да и во всяком случае не о том царстве заповедал молиться Христос, не того царства жаждали возрожденные Им Его последователи. Они верили в царство Христа и святых, которое придет с неба и обновит землю. Они верили в это по заповеди Христа - и без всяких уверток и лукавства мысли, без всяких лжетолкований.

Они своими мольбами привлекали к себе с неба благодать и доселе невидимо для нас привлекают ее, чтобы, когда настанет час Божиих предначертаний со Христом и во Христе, ее потоком смыть и сжечь все неправды мира, разрушить все его узы и затворы и низвести сюда новое небо и новую землю, "в них же правда живет", - тот небесный, благословенный Иерусалим, в котором будет царствовать во веки Христос...

О, будем об этом молиться и мы! Пусть скорее приходит с неба царство благодатной свободы и любви во Христе! Пусть скорее преходит этот роковой, изживающий мир!.. Не будем обольщаться и не будем трусливыми рабами существующего! Правда, панорама знаний и откровений, богатство и великолепие окружающей нас природы все больше и больше раскрываются пред нашими глазами; но зато свет жизни все больше потухает, ее теплота становится все меньше и все, что приобретается культурой, - все становится лишь мертвой роскошью, не увеличивающей запас жизни, а сжигающей его. Правда, перспектива идеалов как будто все дальше уходит в лучезарную даль, - по разве вы не замечаете, как действительность идет прямо вопреки им, и воля людей и народов сковывается роком во все более тесные и узкие рамки железной необходимости?.. Идеалы становятся мечтами, а пушки и динамит непреодолимо овладевают исторической ареной. Может быть, колесо рассудка вертится все быстрее и все тоньше оттачивает наши понятия, может быть, образы фантазии, цепляясь и переплетаясь, все причудливей принимают формы, рея над поверхностью жизни... Но разве это может заменить для нас самую жизнь? Разве эти смутные тени согреют нам сердце, разве они дадут реальную истину, преобразующую все наше существо, реальную, всецело увлекающую нас красоту?.. Никогда!..

Истина становится простым отвлечением, нимало не возрождающим нас, скорее, наоборот, иссушающим, уводящим куда-то от действительной жизни. О ней пишут в книжках, о ней говорят на кафедрах, ее призывают в бойких фразах молодые ораторы, - но ее мужественно не свидетельствуют всем строем личной и семейной жизни, за нее радостно и серьезно не умирают, в ореоле ее света, как в броне, никто не выступает против темного рока, никто беззаветно не верует в ее конечную победу, окрыленный и возрожденный ее небесной внутренней силой... Все лишь разыгрывают комедию, как будто сражаясь за нее, усердно размахивая картонными мечами и думая только об одном: как бы под шумок попокойней и поудобней провести и устроить свою жизнь...

Укрепимся же духом и будем молить Господа, чтобы Он дал нам силу просить Его о пришествии Его царствия с той же пламенной верой, с тем же горячим воодушевлением, с той же сознательной решимостью вменять сей мир ни во что, каковые мы находим у наших великих предков по вере - христиан первенствующей церкви.

Х. "Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался; ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо. И предлагал Ему многие вопросы; но Он ничего не отвечал Ему" Лк.23:8-9

Сколько среди нас таких же Иродов! Они много, если не слышат, то читают о Христе; желали бы видеть чудо от Него, раз Он Сын Божий и Спаситель мира, и предлагают Ему много своих вопросов и сомнений, ища на них ответа в возвещенном Им Евангелии и в основанной Им церкви. И, по-видимому, как же не ответить Христу? как не показать чудеса в удостоверение Своей Божественной Личности? Ведь Его спрашивал царь; ведь Его спрашиваем мы - великие мира умственного и политического, скептики и реформаторы XIX века. И что же? Он, несомненно, и теперь так же молчит, как молчал некогда и Ироду. Он молчит, потому что мы спрашиваем Его только умственно, формально, внешне, а не сгорая от жажды спасения и отчаянного сознания своей немощи; Он молчит, потому что одно любопытство сквозит на

лицах спрашивающих, любопытство, всхолщенное довольством жизни и гордыней эгоизма; Он молчит, так как, что бы Он ни ответил, Его не могут понять, Ему не могут поверить: почва неглубока, и нет возможности бросить в нее животворного семени; да и кроме того, Его божественная благодатная сила, принесенное Им па землю Царствие Божие, царство радости, мира с Богом и разрешения от грехов, - все это не может быть передано только словом и воспринято одним умом; Он молчит и будет молчать на всякое совопросничество, на всякую досужую, не прошедшую чрез горнило духовных и жизненных страданий, любознательность... Не так нужно знакомиться с Господом, как хотел познакомиться с Ним Ирод; не так нам следует спрашивать Его, как некогда спрашивал он. Царские чертоги гордыни, хотя бы и европейской, и самомнения, хотя бы и научного, не арена для Его божественных спасительных речей. Он отзывается только на зов сердца и отвечает лишь на безграничное к Нему доверие. Не звать властно к себе на допрос нужно Христа, а самому смиренно прийти к Нему и поучиться от Него; не предъяслять гордо Ему нужно свои вопросы и сомнения, а преклониться перед Ним и доверчиво вручить Ему свою жизнь и душу со всеми их мятежными тревогами. Жажда спасения и небесного совершенства приводит к исканию Его; любовь влечет к Нему; благоговение преклоняется перед Ним; доверие всецело отдается Ему. И жаждущему сердцу Он дает свой божественный отклик; любовь Он принимает и возвращает Своею любовью; благоговейной и смиренной вере Он решает конечные вопросы бытия. И как Он решает их? Не отвлеченной логикой, не убедительными словами, не внешним чудом: Он решает их путем следования за Ним по Его стопам, путем усвоения Его совершеннейшей жизни, путем духовного и телесного соприкосновения с Ним. Доверчивое сердце с умилением принимает Его божественные заповеди и отдает на выполнение их в простоте души все свои силы, всю свою жизнь; и на этом жизненном пути восхождения в меру полного возраста Христова Господь духовно открывает и разъясняет те великие тайны, постижение которых было и всегда будет недоступно одному гордому рассудку. Посмотрите, как Апостолы, эти из рыбаков учителя вселенной, научались Господом? Они не предъясляли Ему своих сомнений подобно ученым книжникам и саддукеям, не допрашивали Его с такой назойливостью, как гордые самоуверенные фарисеи. Они смиренно следовали за Ним, самоотверженно любили Его и с благоговейной верой прислушивались к каждому Его слову, хотя бы оно и разрушало их прежние надежды и мечты. Он, по своей нравственной чистоте, по своему духовному величию, по недостижимо высоким совершенствам Своей жизни, был для них божественным авторитетом, и они довольствовались тем, что Он Сам находил нужным и возможным сказать им. И Господь оправдал их бесконечное к Нему доверие, не отверг призыва их горячего, жаждущего истины сердца: по мере возрастания их духовных сил Он открывается им как Спаситель мира, наставляет их, как Своих избранных друзей, и, наконец, проведя их чрез горнило величайших нравственных страданий, объясняет им тайны Царствия Божия, подготавливая их к восприятию силы Св. Духа, этого источника всякой истины и всякого примирения.

А Мария Магдалина? Разве она совопросничала с Господом? Разве она требовала, чтобы он разрешил ее вопросы: зачем в ней бушуют такие страсти? Кто виноват в ее грехах: она ли или ее родители или, может быть, окружающая ее среда и пр.? Нет; она пришла в покаянном сознании своей блудной жизни и блудной души; пришла полная только слез и любви; она смиренно стала позади возлежавшего Господа у ног Его и плача обливала их слезами, отирая волосами головы своей, целовала их и мазала драгоценным миром; она чувствовала всем сердцем, сознавала без всяких вопросов, что это - Сама Святыня, Сама Чистота, пред которой прилично и можно только плакать о своей низости и греховности, и которая сама без лишних с ее стороны слов очистит, облагородит ее, даст мир и святыню ее измученной душе. И Мария не обманулась. Она стала возлюбленной ученицей Господа, и Он после своей Пречистой Матери ей первой явился по Своем воскресении...

Подвигни, Господи, и наши вялые сердца и грешные расшатанные сомнением души прийти к Тебе, преклониться пред Тобою, омочить Твои пречистые ноги слезами веры и умиления и всецело отдаться Твоей любви и Твоему отеческому водительству, не мудрствуя лукаво, а с простотой исполняя Твои Божественные заповеди. Тогда откроется нам Твое слово, сами собой постепенно разрешатся наши сомнения, и увидим мы великое чудо нашего духовного просветления и примирения...

XI. "Посмотрите на полевые лилии, как они растут? Не трудятся, ни прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них" Мф.6:28-29

Из этих слов видно, как любил Господь природу и как тонко ценил Он ее красоту, особенно ее, так сказать, доверчивое почивание в мудрой и промыслительной любви Божией, - тот ее мир, ту ее величавую простоту, которой от нее веет на мятущегося человека, то божественное изящество ее бесчисленных форм, в которых несомненно отражается само Небо, Сам Бог во всей Его неисчерпаемой любви и жизни.

И христианин должен питать в себе те же чувства к природе, которые были и во Христе Иисусе. Мы должны любить ее, мы должны видеть, чувствовать в ней Бога, нашего Небесного Отца, Который создал из нее живой храм Своей славы и сделал его обителью для нас. Мы никак не должны закрывать глаз от ее красот; наоборот, должны питаться и наслаждаться ими, как бесценным Божиим даром, несравненно более дорогим и лучшим, чем все прекрасные вещи, созданные руками человека. Мы должны хранить и возделывать землю во всем разнообразии ее чудной жизни - этот вверенный нам рай. Мы всюду должны вносить в него свою любовь, лелеять его, трудиться над ним, жить его ростом и преуспеванием... Внесенная нами в него любовь не пропадет бесследно. Когда будет обновление мира, когда будет новое небо и новая земля (2Пет.3:13), когда все живущее на земле облечется нетленной вечной красотой и войдет в свободу возрожденного человека (Рим.8:21), - тогда мы увидим и свою долю участия во всем этом, своею любовью сольемся с той струей любви, которую внесли в природу в ее настоящем состоянии, и будем в блаженстве восхвалять Бога вместе с теми лилиями и горлицами, которых так любили здесь и за которыми так ухаживали...

Земля пройдет в своей грубой материальности, но ее формы жизни, отражающие вечную красоту Бога, останутся, чтобы в своем обновленном расцвете еще громче и гармоничнее славить Господа и наслаждать наши духовные очи и сердца...

Любя природу, мы любим не временное, не преходящее, не тленное, а вечное, данное нам Богом в наш удел навсегда, с чем мы связаны неразрывными узами одной и той же творческой любящей руки (Быт.1:26-28, Мф.5:5). Природа - это та обетованная земля, в которую мы войдем владыками с победителем Иисусом. Теперь мы должны только завоевывать ее своею любовью и своими трудами над ее хранением и развитием. Мы должны воевать со всеми ее врагами, со всеми теми хищниками, которое смотрят па прекрасный мир Божий как на предмет временной наживы и удовлетворения низким корыстным расчетам и немилосердно грабят ее богатства, разрушают ее красоту, обращают ее в место служения мерзким и гнусным идолам Маммоны и Астарты... мы должны видеть в себе вечных обладателей возлюбленной Богом и обещанной нам земли; она будет тем раем, куда мы войдем воскресшими и обновленными, как Ангелы Божии, брачным чертогом, живым, одухотворенным и преображенным, где будет непрестанная радость Христа, веселящегося о Церкви, и Церкви, славословящей Христа и отдавшей Ему (Апок.21:1-4).

Не будем забывать нашего высокого жребия на земле: мы не случайные торговцы, тем более - не временные хищные наездники на ней, а ее вечные обладатели, возделыватели и хранители

ее вечной красоты, ее рая, который откроется нам с пришествием Христа Спасителя. Мы должны оплакивать поругание этого рая современными язычниками и с великой любовью защищать и отвоевывать его своею любовью и царственно-отеческой заботливостью... (Апок.11:15-18).

ХII. "Когда же приидет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину" Ин.16:13

"Когда же приидет Он, то наставит вас..." Как приблизить к своему пониманию тайну исполнения этого обетования? Как представить себе такое нисхождение Духа истины, т.е. Божественное вдохновение свыше с одной стороны, и приятие этого Духа человеком, т.е. боговдохновенность - с другой, - соединенные в одно неразрывное и живое целое, сознаваемое человеком, как наставление от Духа Божия? Прежде всего несомненно и очевидно, что это нисхождение есть *дыхание Духа* Божия в подобном ему *духе* человека. Но дыхание Духа Божия в духе человека нужно представлять себе так, что им нимало не нарушается свобода человека: иначе Бог самым делом противоречил бы Себе, в акте наивысшей Своей милости и благоволения низводя человека в ряд несвободных животных существ... Если Бог, *по Своему произволению*, ниспосылает в дух человека таинственную силу Своей жизни - дар Святого Духа, то человек со своей стороны должен также *свободно* принимать ее, т.е. сохраняя при этом свои природные душевные особенности и те черты, которые налагают на него история и та среда, в которой он живет. Божественное начало и человеческое, сопроникаясь изнутри, взаимно должны пополнять, а не нарушать одно другого: Бог в Своем благодатном действии может не зависеть от частных и случайных свойств человека, а природа и характер последнего не должны подавляться Божественной силой.

Таково должно быть "*наставление*" от Духа Божия. Понять такое гармоничное соотношение между божеским и человеческим началом возможно единственно только при церковном учении о различии души и духа. Дух человеческий может свободно подчиняться силе Святого Духа, черная из нее свою мощь и свое духовное содержание; но предметное сознание и словесное выражение их находятся в неизбежной зависимости от той степени развития и тех его форм, до коих дошла *душевная* жизнь. Потому-то на всех *Боговдохновенных* писаниях отпечатлелись, однако без малейшего ущерба боговдохновенному содержанию, черты времени их происхождения и личные особенности их писателей, т.е. *душевные* стороны человека. В свою очередь и душевные силы человека не остаются без самого проникновенного влияния со стороны живого *духа*, дышащего силой Божией: сердце очищался и утончается, становится крепким, как адамант, и пламенным, как горячий уголь; воля закаляется па великие подвиги жизни, сгорая жаждой славы живого и Святого Бога на грешной земле; мысль проясняется, и ей изнутри открывается то, что было для ее косности доселе тайной, язык становится способным хотя отчасти передать то, что прежде казалось вполне неизреченным.

"Когда же при идет Он, Дух истины, наставит вас на всякую истину". Муж боговдохновенный направляет свое действие на все стороны человеческой жизни: и на очищение сердец людских и на прояснение их мыслей и на подвиг их воли. Он может карать людей и может умилять их; может раскрывать всю наготу порока и может указывать божественные идеалы добродетели; но во всем и всегда он исполняет неизменно одну и ту же миссию - открывает *человеку истину*, т.е. ту *истинную действительность* настоящего, прошедшего и будущего, которая недоступна ему или вследствие жестокости и омрачения сердца (Ин.3:20), или потому, что она в том или другом случае вообще находится за пределами земного постижения. Мы хотя живем в *настоящем* и окружены его действительностью, но не знаем ее, не можем проникнуть в ее духовные основы, не в состоянии разобраться в ней и найти ее внутренний смысл, найти тот Божий перст, который ведет ее к известной цели; мы живем в непрерывных иллюзиях, в тягостном заблуждении относительно настоящего; мы видим только то, чего хочет наше

сердце, к чему тяготеет наша воля; мы нарочито измышляем такую действительность, которая оправдывала бы наши проступки, и *верим в ее реальность*. Поэтому мы менее всего видим *действительность, какова она есть в себе, как она проходит пред очами Божиими* во свете чистого сознания. Боговдохновенные мужи и открывают эту *истинную действительность* людям, призывая их к покаянию и к прозрению, чтобы отвратить несчастья, грядущие на них за их заблуждения и самочинные пути. *Прошедшая* действительность также извращается и затемняется нами, и мы не в состоянии удержать в себе ее правдивого облика и тем более не видим в ней тех письмен Божиих, которые ярко горят на темном фоне человеческой жизни для боговдохновенного писателя. Еще более недоступно нам *будущее*. Но взор боговдохновенного мужа проникает и туда, прозирая грядущую истину. Будущее коренится в основах настоящего, оно уже намечено в той духовной действительности, которая подлежит воплощению. Темный внебожий (удалившийся от Бога) мир идет по темным роковым законам судьбы, светлый Божий мир свободы и добра развивается по нравственным внутренним, но, тем не менее, также непреложным законам, и боговдохновенному взору открывается, как в блеске молний, возникающая из них грядущая действительность, и явственно рисуется во свете очей Всевидящего Бога будущая борьба добра и зла и все иногда страшные и губительные, а иногда и спасительные для человека последствия. Так Святой Дух наставляет Своих избранных *на всякую истину*.

ХIII. "Утешитель же, Дух Святой... напомнит вам все, что я говорил вам Ин.14:26

Евашелие свидетельствует об исполнении этого обетования Господа Писатели Евангелисты передают нам доселе то, что *напомнил* им Дух Святой из жизни и бесед их возлюбленного Учителя.

Под действием Св. Духа они стали способными в наивной простоте и чистоте созерцать открывающуюся их сознанию и пережитую ими действительность, верно воспринимать ее духовные основы и столь же верно передавать ее другим. Напоминаемые им Св. Духом евангельские события отражались в их душе, как в чистом зеркале, нимало не искажаясь и не затемняясь под влиянием их личною человеческого чувства, мы видим у них полное беспристрастие к себе, всецелое отрешение от всякой мысли о своем личном "я". Апостол Петр, например, в своих евангельских рассказах записывающему их Евангелисту Марку так заботливо относился ко всем малейшим колебаниям своего личного человеческого чувства, что умолчал о всех тех событиях, которые так или иначе выдвигали лично его самого.

Затем событие выражалось у них в строго соответствующей ему мысленной и словесной форме. Но в Евангелиях мы находим драгоценное указание, что соответствие это не заключается в подробном и протокольно-мелочном описании происшедшего или географически буквальной передаче сказанною. Нет, проникая в духовные основы событий из жизни Господа, Евангелисты свободно относились к случайным частностям, облакающим и окружающим эти события. Одно и то же событие Евангелисты описывают каждый несколько отлично от другого, имея в виду или разные моменты в событии, или различные его стороны. С какой свободой они смотрят на букву описания, видно из того, что, например, один и тот же Ев. Лука рассказывает о вознесении Господа два раза (в своем Евангелии и в Деяниях Апостолов) - и каждый раз в иных чертах и словах, дополняя одни повествования другими, очевидно, не видя в этом ничего такого, что бы наводило тень сомнения на достоверность сообщаемого им. Для них важно было не то, чтобы все моменты, черты события были занумерованы в словах; они сознавали всю невозможность исчерпать сполна какую бы то ни было действительность, а тем более действительность с таким бесконечным внутренним содержанием и смыслом, какая проходила пред их взорами. Да, для них это было бы и совершенно бесполезно, так как их цель состояла совсем не в мертвом книжном занесении

случившеюся па ту или другую страницу пергамента; их дух имел пред собой бесконечную, божественную и притом живую задачу: отметить событие хотя бы, может быть, и одной чертой, но так, чтоб оно *затрепетало жизнью в душе читателя* и *привлекло* его внутренние силы к источнику возрождения - Христу.

Мысль Евангелистов всецело была направлена именно па исполнение этой задачи, и этого они достигали тем, что сливали свою волю с волей Бога, желающего в отношении человека только одного: возродить его во Христе и чрез то спасти его. Евангелист Иоанн говорит, что все, что написано им, написано для того, чтобы читающие уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и веруя имели жизнь во имя Его (20:31). Писатель является, таким образом, только органом божественной воли, проводником деятельности Божественного Духа; не о себе он собирается писать, не летописцем он хочет быть, - он является лишь выразителем той же самой Божией спасающей силы, которая создала самые события, о коих он сообщает; он как бы сливается с нею, продолжает ее же живое дело, воспроизводя в повествовании то, что раньше совершилось в действительности. Потому-то словесно *воспроизведенное* событие носит в себе ту же живую Божественную силу, которая была и в *действительном* событии. Воля Евангелиста является как бы только ручейком, соединившим свои струи с многоводным потоком воздействия на мир силы Святого Духа. Эта свободная и всецелая отдача своей воли в волю Божию и отождествление своих целей при *повествовании о событиях* с целями Божественными *при самом совершении их* и делает возможным то, что писатель совершенно отдается созерцанию события без всякой косвенной мысли о себе и что он рисует событие с такой же свободой слов и очертаний, с какой свободой деталей оно могло бы произойти на самом деле, оставаясь столь же действительным и спасительным для человека.

Отсюда понятно, в чем состоит "напоминание Св. Духа", т.е. *бог вдохновенная* сила Евангелия никак не в протокольной точности описания воспоминаемых событий, совсем не в подробности деталей в их изображении, а в том, что они передаются духу читателя жизненно, т.е. Духом Святым, и потому так же *действительно, как это было в самой действительности в отношении писателя*. Поэтому в Евангелии пред нами не мертвые *описания* событий, а *сами живые события*, дышащие на нас своим благодатным влиянием, не *преходящие воспоминания* человека, носящие всегда личный отпечаток, а вечные напоминания Бога грядущим векам только раз совершившегося на земле и отразившеюся навеки в небе, в Его Божеском созерцании; постоянное жизненное воспроизведение в *глубине духа* того, что произошло когда-то во плоти и в *материальной обстановке* человека.

Теперь становится понятной живая божественная действенность Евангелия на души людей. В его повествованиях живет та же божественная сила Св. Духа, которая была и в самых событиях земной жизни Господа. Это не одни слова и не просто рассказы, - в них говорит *творческая, спасающая нас Сила*; повествования - только средства воздействия на нас живого Господа, пребывающего постоянно с нами, хотя и невидимого нам. Потому-то оно и есть *нетленное семя*, из которого возникает наше духовное возрождение (1Петр. 1:23). Напоминания Св. Духа, сообщенные нам Евангелистами, творчески проникают в наш дух и порождают в нем новую жизнь, полную радости и утешения от благой вести, приносимой нам Господом.

Утешитель же, Дух Святой... напомнит вам все, что Я говорил вам (Ин. 14.26).

XIV. "Исследуйте Писания... Они свидетельствуют о Мне" Ин.5:39

Так говорил Господь неверовавшим в Него иудеям. Но они ли не исследовали Писаний, изучая их каждую строку, считая в них всякую букву, истолковывая отдельные изречения на

всевозможные способы!.. и все-таки это не повело их к вере во Христа, как Сына Божия и Спасителя людей, и Господь приглашает их к *исследованию* Писаний. Очевидно, под исследованием Он понимает здесь не внешнее, формальное, кропотливое изучение мелочей, а духовное проникновение в самые основы, во внутренний смысл боговдохновенных повествований и речений.

Слова Господа, по справедливости, могут быть обращены и к нашему времени, к тем лицам, которые занимаются исследованием Св. Писания вне духа и веры Церкви. Среди христианских ученых и любителей Писания так методично поставлено это изучение! Столько полагают они в него трудов, необычайной кропотливости и всесторонней оценки каждого известия и всякой мысли! И однако можно ли сказать, что в зависимости от этого возрастает вера в Господа, как Сына Божия и Искупителя? Не наоборот ли? Внешнее изучение Писаний не ведет ли скорее к неверию? Не служит ли оно и теперь, помимо своей воли, чисто человеческим тенденциям и стремлениям, как служило оно им у иудейских книжников, фарисеев и саддукеев?

Действительность в виде протестантского и сектантского толкований Св. Писания вполне подтверждает это. И причина этого та, что подходят к Писанию не из Церкви, не от веры и духа, а извне, из чисто личной рассудочной области, с обычными внешней науке критическим приемами, имеющими в основе всех своих изысканий метод недоверия и сомнения. В этом и заключается коренная ложь. Писания даны только вере и любви Церкви, и только в ней и ее верными сынами могут быть истолковываемы.

Превращение боговдохновенных записей, врученных верующему духу Церкви, в простые исторические письменные памятники, подлежащие критике всякого даже вполне неверующего человека, - это прямой признак церковного умирания. Это показывает разрыв с небесной Церковью, от которой идут Писания, со Св. Духом, который говорит в них и воспроизводит в нашей вере живые, когда-то бывшие события. Это значит отнестись к Церкви и ее словам совершенно - в строгом смысле слова - извне, т.е., следовательно, быть вне Церкви, выйти из нее.

Извне во всем можно сомневаться, все можно заподозрить и критиковать. Мы знаем из философии и из жизни, что этого сомнения не избегает самое очевидное и жизненно неопровержимое. Тем более это возможно в отношении исторических событий, случившихся много столетий тому назад. Если мы возьмем какую угодно эпоху и из нее какое угодно событие и будем исследовать его во всех деталях и побочных сочетаниях и со всеми приемами недоверия к их действительности, со всей системой заподозривания ее, - то не может быть ни малейшего сомнения, что мы найдем в нем много противоречий, неясностей, ничего совершенно достоверного и неопровержимого. Разве могут быть такие всесторонние и глубокие знания какой-нибудь эпохи, а особенно древней, чтобы в ее событиях не оставалось ничего смутного? А тем более это приложимо к евангельским событиям, полным необычайности и извне и изнутри. Если мы представим себе, какое неисчислимо громадное количество энергии потрачено на критику евангельских событий, сколько самого ярого сомнения вложено в них, какие страсти неверия, отрицания и злобы направлялись на эти три с лишним года из мировой истории и этот небольшой клочок земли на всем земном шаре, если мы поймем, что тут, на этой критике, сосредоточены все главнейшие силы той земли, которая враждует против неба, - мы ничуть не будем удивляться, если эта критика сомневается в каждом слове и не оставляет камня па камне из всей евангельской истории.

Это так и должно быть. Это вполне неизбежно. Но только все это вне Церкви, все это в стане врагов ее. И когда мы думаем, что внешняя историческая критика должна быть и в Церкви, в

ее собственной жизни в качестве самостоятельной деятельной силы, то мы пускаем врагов в свою ограду и подрываем свою Церковь, врученную в данный момент на земле нам, живущим здесь.

Но как же? Разве не возможна, разве не нужна историческая критика в Церкви? Разве не очевидно, что истина не боится исследования и в конце все-таки восторжествует?.. Да, историческая критика нужна в виде защиты, как нужны пушки против пушек врагов. Но нужно знать, что это - метод, враждебный Церкви, чужой для нее. Он нужен, когда нападают на нее, но не для наступления и не для внутреннего подъема жизни. Он может только убивать врага и отражать его и потому должен применяться только к врагам, нападающим на нас. Как нельзя пушки, хотя бы и отбитые у неприятеля, направлять на своих, потому что они только и могут что убивать, куда бы ни были направлены, - так нельзя и внешнюю критику Писаний обращать внутрь Церкви, вводить в ее среду. Это ничуть не послужит к жизни и развитию ее и потому никогда не даст прочного преобладания над врагом... Последнее достигается только ростом и красотой внутренней и внешней жизни Церкви, ее верой и деятельной любовью, ее общением с небесной Церковью, ее полным и жизненным воспроизведением в вере тех событий, которые легли в основание ее жизни и о которых ей передали очевидцы и свидетели.

Святые Апостолы писали Евангелия и Послания той верующей среде, той Христовой общине, которой записанные ими события были уже хорошо известны, и никакого сомнения в них не возникало. Нужно было только утвердить письменно то, что было уже сообщено устно и было воспринято верой слышавших, и привести все сообщенное в порядок. Неверующих Евангелисты совсем не имели в виду и не стали бы доказывать им, если бы они стали критиковать их известия. Они только указали бы, что сами видели то, что передают, сами осязали то, о чем свидетельствуют, что они призваны к свидетельству истины и жизнью и смертью. Собственно, самое написание Евангелий было вызвано лишь желанием помочь верующим как можно вернее разобраться во всех известиях о Христе и как можно жизненнее воспроизвести священные события по показаниям самих очевидцев и непреложных свидетелей, в безусловную правдивость которых община уже веровала и пастырскому водительству которых она была уже совершенно предана.

Итак, в чтении и толковании Писаний мы должны выходить от Церкви, от присущего только ей одной свидетельства Св. Духа и порождаемой Им веры. Это ничуть не значит, что в Церкви можно верить только без рассуждения. Нет, именно в ней можно и должно верить с рассуждением, но не рассуждать без веры. Кто рассуждает без веры, тот не в Церкви, и Писания писаны не для него. Кто верит без рассуждений, тот верный раб Церкви, но не свободный сын ее, и враги Церкви могут легко переманить его за ее ограду в свой стан, прельщая своей мнимой свободой. Кто верит и старается разумно укрепить и прояснить свою веру, постоянно вчитываясь в Писания и вживаясь в них, гот участвует в создании Церкви на земле, в ее ограде и укреплении и становится ее сознательным гражданином, свободным сыном ее и другом Христа (Ин.15:15).

XV. "Когда поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите: ибо не вы будете говорить, но Дух Святой" Мк.13:11

Кто живет во Христе, у того все должно быть вдохновенно, все вытекает из воздействия на него Святого Духа. Такому последователю Христа не нужно мучить себя предварительными расчетами и предугадываниями, что и как в данную предстоящую минуту сказать. Когда настанет минута, Дух Святой подскажет, как действовать и что сказать. Эта вера во вдохновение, эта надежда на Святого Духа, Который в каждую минуту настоящего озарит

мысли и укрепит волю, должны быть постоянно у истинно верующего во Христа и живущего в Нем, и не только у отдельного человека, но и у целого народа...

Жизнь в Церкви, и частная и народная, должна быть жизнью во Святом Духе, в Его свободе, в Его вдохновенном озарении мысли. Все это несомненно, но все же нужно иметь в виду, что для такого вдохновения, для такой свободы во Христе должна быть известная душевная почва. Если в душе полный хаос, полная неопределенность мыслей, мелкота и поверхностность чувств, отсутствие крепких привычек воли, то что может сделать с ними даже и вдохновение свыше? Как мы можем понять голос Бога, услышать и облечь его в ряд определенных мыслей? Чем мы можем почувствовать его тишайшее и глубочайшее дыхание? Где у нас силы и решимость следовать его велениям и жизнью свидетельствовать его истину? Когда Господь призывал к возрождению своих соотечественников, когда Он им указывал путь вдохновенного руководства свыше, от Отца, Он имел пред собой в высокой степени культурную почву. Не в книжничестве она была, не во внешнем формализме, а в величайшей, непоколебимой прочности народно-религиозных традиций, всасывающихся в каждого с молоком матери. С первым лепетом уст, с первым проблеском сознания младенец вступал в строй строго определенных религиозных и народных воззрений. Чувства воспитывались в известном направлении и в полной гармонии со всем строем жизни, верований и убеждений и потому были цельными; каково бы ни было иногда их качество, но они во всяком случае не были расшатаны, мелки и поверхностны. Воля, чрез долговременные исторические испытания и религиозное воспитание, становилась твердой, закаленной. Конечно, этот строй души, под влиянием книжников и фарисеев, направлялся в ложную сторону; но все же он был строем, а не хаосом, он был определенной силой, а не колеблющимся бессилием, он был установившейся культурной почвой, а не сбродом всего случайного и наносного...

И понятно, если этого душевного строя касалась благодать Божия, если он направлялся не к ложным целям, а к голосу свыше, к вере в Господа, то он был в состоянии воспринять этот голос, истолковать его и свидетельствовать его истину всей жизнью...

Таковы и были апостолы. Они не получили школьной раввинской заправки, исключая апостола Павла и, может быть, Варнавы, и таким образом избегли ложной и односторонней крайности воззрений; но тем яснее и цельнее была их культурная душа, проникнутая мессианскими чаяниями и от самого рождения воспитываемая со всех сторон самыми разнообразными воздействиями жизни в этом направлении. Когда сошел на них Дух Святой, они всецело сделались Его глашатаями, слушателями, свидетелями. Но они и подготовлены были сделаться таковыми, в их распоряжении каждый миг был полный запас мессианских мыслей, чувств и стремлений. Они мыслили библейски, библейскими образами и изречениями; их чувства были продуктом тысячелетней религиозно-исторической культуры и были не наносными, не внешними, не случайными, а глубоко и древне-традиционными, пережившими тысячи испытаний и опытов, а потому ставшими их природой во всякое время, при всяких внешних обстоятельствах. Когда бы ни услышали они призыв Господа, голос Святого духа, они были готовы и в состоянии услышать, истолковать и свидетельствовать его в полном согласии с откровенной волей Божией...

Святой Дух сходил и на язычников, скажут. Да, но и здесь Он находил не каменистую, покрытую наносными валунами, почву. Что могло быть цельнее и пламеннее чувств этих несчастных, столетия изнывавших под гнетом рабов? Что могло быть глубже отчаяния, которое наполняло и поглощало жаждущие Бога души лучших людей? Какая обстановка могла крепче закалить волю человека, как не железная длань, все стирающая в себе, длань Римской несокрушимой власти и установившейся истории? Что могло лучше и крепче

дисциплинировать ум с его формальной стороны, как не многочисленные философские и ораторские школы, которыми полна была история Греции и Рима?

Но, однако, это не была культура, направляемая откровением Самого Бога. Она не была, правда, тряпичной, бесхарактерной и наносной; но все же она, по своему содержанию, не давала верного и надежного материала для полного и всестороннего истолкования голоса Святого Духа, присущего верующим. Потому-то в дальнейшей истории мы имеем дело с личными мнениями, и истолкования откровения, хотя и носят в себе след влияния Святого Духа, хотя и веют вдохновением свыше, но вместе с этим привносят и нечто частное, иногда неточное, одностороннее, или даже не совсем согласное с откровением. Это - отдельные отраженные лучи, не выражающие всей чистоты и полноты света Духа Христова, а иногда затемняющие и искажающие его. Их приходится оценивать и разбирать с помощью того же откровения чрез Апостолов, и судьей является уже вселенский голос всей Церкви в ее целом, в лице ее представителей на соборах.

С дальнейшим распространением христианства, благодать Святого Духа падала на более и более неподготовленную природную почву. Полагаться па личное вдохновение стало все более опасным, и историческое предание понемногу заменяет живой голос Святого Духа, Который говорил так ясно в избранниках Божиих первенствующей Церкви. Это требовалось самою совестью христиан, сознававших свою немощность по духу сравнительно с первыми носителями Христова возрождения. Так христианское воспитание получило исторический характер, подпало под влияние внешнего авторитета Церкви. Как для школы воспитания еще слабых и не установившихся внутренне народов, это было вполне законно и нормально. Закон, детоводитель во Христе, был, есть и будет и в отдельном человеке и в целых народах...

Но он не должен заменять собою все, а должен лишь воспитывать и вводить затем в жизнь Святого Духа, присущую Церкви... И это, конечно, так бы и было, если бы только Церковь в ее вселенском значении была воспитательницей новых народов. Но, к сожалению, воспитание чисто церковное отступило на второй план, в него стали вноситься национальные односторонние черты и чисто внешняя государственная сила

Рим внес во вселенское понимание Церковью Христова откровения свои особенности и, присоединив к ним свою чисто государственную культуру и внешнюю силу, стал в этом одностороннем направлении внешним авторитетом властвовать над подпавшими его влиянию народами. Конечно, этот путь не был путем к свободе жизни Святого Духа, к полному возрождению и перерождению воспитываемых народов, к тому, чтобы им быть народами Божиими, носителями и вдохновенными выразителями жизни Христовой... Народы так и остались на пути или внешнего послушания Риму, или внешнего бунта против нею.

Русский народ, восприняв вселенское церковное понимание из рук Византии, избег ее власти, как государства и народности, и развивался более самобытно, хотя медленно, в атмосфере церковных идеалов. Внешний авторитет Церкви, в лице ее представителей в России, не будучи чужим и неприятельски-насильственным, или подавляющим по своей высшей культуре, не был так силен и влиятелен, чтобы дисциплинировать народные массы. Но сам народ, сознавая свою духовную слабость, всегда рвался установить этот авторитет и определить, ограничить им себя извне. Отсюда, с одной стороны, у нас слабость внешней церковной дисциплины, а с другой, - привязанность народа к внешним традициям и установлениям, к букве и обычаям церковным, даже вопреки центральной власти, как у старообрядцев.

России предстоит воспользоваться своим, уготованным Самим Богом, положением в истории воинствующей Церкви на земле. Она должна создать у себя образование, воспитание и формы

жизни в строго вселенском церковном духе, во всей высоте и широте христианских идеалов; она должна возделав из себя почву, где благодать Святого Духа нашла бы все удобства, чтобы произрастить роскошный цвет Христовой жизни, свободу святого вдохновения во Христе. Но эта свобода, эта настоящая жизнь во Христе возможна лишь после продолжительной культуры в строго христианском церковном духе. Только после такой школы возможно существование новозаветного народа Божия...

XVI. *"Я на то родился, и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это... вышел к иудеям..."* Ин.18:37-38

Мне представляется, что голос Христа и голос Пилата прозвучали где-то в двух противоположных мирах и замерли, ни в чем взаимно не соприкоснувшись, не перелетев бездны, которая их разделяла. Христос говорит, что Он пришел указать истину, привести к ней людей, дать им ее почувствовать, и всякий, кто стремится к ней, придет к Нему, ощутит ее и согласится с Ним. А Пилат на это не то скептически восклицает, не то пылливо спрашивает, не то грустно и мечтательно размышляет: "А что такое истина?!" Христос устремляет свой призыв в сферу бодрой жизни и действительного опыта, возбуждая дух человека к деятельному подвигу: прийти и испытать. Пилат устало направляет свою разочарованную мысль, как притупленную стрелу из ослабленного лука, в пустоту отвлеченного рефлекса, где никакой жизненной цели нет и быть не может. Потому-то на нее и не последовало никакого ответа со стороны Господа.

Теперь часто спрашивают: отчего Христос ограничивается указанием лишь на факты своего пришествия, своего мессианского и божественного достоинства и т.п., а не отвечает на те чисто рассудочные сомнения, которые возникали и возникают по поводу Его в недоверчивой человеческой мысли? Эти сомнения бывают иногда весьма существенными, а между тем в Евангелии они как будто считаются предрешенными. Например, тот же Пилатов вопрос - разве он не важен? Ведь поставленный па метафизическую почву, он совпадает с вопросом, есть ли Бог? и что такое Он? потому что раз есть Бог, значит, есть и истина, и каков Бог, такова и истина. А разве это не коренной вопрос?

Я думаю, что Евангелие молчит в подобных случаях потому же, почему и Господь ничего не ответил Пилату.

У современных скептиков и у Христа мысленные горизонты совершенно противоположны. Там горизонт старческого пустого рефлекса; здесь горизонт молодой, деятельной жизни. Вечерняя заря освещает совсем не то, что восходящее светило, и их лучи нигде не совпадают. Потому-то "важные" вопросы скептиков, подобно тающим в сумерках световым переливам, идут совсем в другую сторону, чем призывающий к дневному труду лучезарный свет Евангелия, и Господь точно их не замечает. И наоборот, Он озаряет ту пробуждающуюся действительность, которой нет уже в пределах власти их погасающих жизненных сил.

Возьмем видоизмененный пилатовский вопрос: есть ли вообще бог и что такое он? Нам представляется, что он своею тяжестью чуть ли не колеблет основы всего мира и всей жизни, а на самом деле это - вопрос отживающей души, вопрос совершенно праздный, выхолненный искусственно-тепличной культурой ума. Если мы им мучаемся, то это показывает только, в какой заколдованный круг отвлечений и призраков мы втянули нашу мысль. Ставит ли жизнь этот вопрос? и возможен ли он в ней? Нет. В то время, как больной ум изощрается в сомнениях, действительность свидетельствует, что у каждого живого человека и в каждом живом народе были и есть свои боги и нераздельная с ними истина, и без бога решительно

невозможна и не существует никакая развивающаяся человеческая жизнь. И это без всякого исключения.

В период ослабления жизненных сил образуется привычка к отвлечениям, не имеющим определенного реального содержания. Бог становится лишь самым высшим из таких отвлечений. Это своего рода ярлык, титул, который нужно к кому-нибудь приложить. И однако ум в то же время с тоской замечает, что в черте его кругозора такого предмета как будто уже нет... В молодой жизни ничего подобного не бывает и быть не может. В ней нет условных титулов. В ней все занимает относительное положение по своей действительной силе во взаимной борьбе, и взаимная группировка происходит сама собой. Более значительная сила влияет на жизнь глубже и интенсивнее менее значительных, и дает ей направление, притягивая ее к себе, становясь целью ее движений, являясь ей, как источник истины, как ее бог. И дается ли ей это название, или не дается - все равно: жизнь подчиняется ей, как царствующей в данный момент силе, пока не столкнется с другой силой, которая может ее к себе перетянуть и направить в другую сторону. Тут названия сами собой вытекают из жизни, а не жизнь вызывается названиями, как палочкой волшебника. И как жизнь кипит и меняется, так и названия, даже самые высокие, бегут и клубятся вслед за ней, далекие оттого, чтобы коченеть в холодной атмосфере условных отвлечений и леденить оттуда жизнь.

Посмотрите, как в жизни образуются конкретные религиозные представления. Для дикаря бог то, что оказало на него сильное впечатление, что, по его мнению, повлияло, или может повлиять на его судьбу. Тут могут быть и камень, о который он споткнулся, и бурливый поток, разбивший было его челн, и молния, ослепившая его, и бесчисленное множество всякого рода предметов и явлений природы. Они в данный момент властвуют над душой и жизнью темного впечатлительного человека и становятся для него богами. Тут мысль непосредственно наивна: ты сейчас всецело владеешь мной, я поддаюсь твоему влиянию, преклоняюсь пред тобой, - значит, ты мой владыка, царь, бог, по крайней мере на сей момент. И я думаю, здесь мысль права, потому что она выражает действительный факт, хотя бы и мгновенный.

Возьмем библию и другие памятники религиозных представлений. Мы везде найдем, что каждый народ в своих богах выражает свое ощущение действительной силы определенных явлений, или сторон внешней природы, или собственной души. Боги для них были не почетные титулы *неизвестных* величин, а лишь названия *налицо существующих* грозных и могучих влияний. Потому-то народы так воевали из-за своих богов, так верили в победу, подаваемую ими, так жестоко и настойчиво приводили побежденных к подножию своих алтарей. Одни несли с собой богов страшной всеокрушающей силы; другие - производительности и сладострастия, иные - красоты. Аврааму открылся духовный, личный Бог, но и Он был для Авраама вполне реальной силой, повеления которой властно звучали в его духе, и которой он в своей жизни самым делом всецело подчинился.

Во всем этом не было ничего искусственного и условного. Народ по тем или другим причинам поддается преобладающему влиянию известной силы или нескольких сил. Он отдается им, верит в их правду и могущество, верит чрез это в себя и свою правду, работает, цветет, становится историческим народом. Достоевский в "Бесах" устами Шатова говорит, что каждый народ имеет своего бога, и только до тех нор он может быть историческим народом, пока верит в него. Это несомненная правда. Когда, с дальнейшим усложнением исторической жизни народа, влияние природы преломляется в слоях общества и отдельных личностей, и внутренняя жизнь становится многосторонней и дробней, тогда и боги становятся многочисленнее. Они взаимно борются, как и силы природы; влияние их в общем ослабляется; цельность и сила веры в их истину поэтому слабеет, и народ разлагается вместе со своими мельчающими, изолгавшимися и умирающими внутри его богами. Без бога нет живого народа,

и во взаимной борьбе побеждают те народы, у которых сильнее боги: один народ во власти сурового чистого бога, другой поработен силой сладострастия в образе Астарты, - ясно, кто кого победит на поле брани, и кто кого обольстит после победы. Борьба народов даже и по приемам была борьба их богов.

Историческая жизнь нигде и никогда не ставила вопроса: есть ли бог? Не ставила его по той простой причине, что всегда предreshала его, имея налицо того или другого бога, или целое семейство их. Когда боги теряли свое властное обаяние, и известный народ разлагался, тогда, правда, являлась возможность вопроса: есть ли бог? Но он тут только показатель рокового момента старчества: в нем говорит никак не энергия мысли, а только наступающее бессилие души - не более. Это не аромат цветущей жизни, а запах разлагающегося трупа. Беречь его, копаться в нем - значит только помогать его дальнейшему разложению. Жизнь в таких случаях выдвигает на сцену истории новые народы, с новыми богами, и костлявые скептики становятся добычей вновь прилетевших мощных орлов.

Что было прежде, то совершается и сейчас. Где есть жизнь, там есть и бог. Какова эта жизнь, и каков это бог - вопрос иной. Но только где есть энергия, где есть одушевление, там непременно есть влияние мощной, внутренней или внешней, определяющей силы, преклонение пред ней, как пред источником истины, как пред своим богом, и вера в ее победу. Мы можем лицемерно не придавать ей этих титулов, мы можем говорить, что признаем другого бога, или не признаем никакого, - но ведь вопрос не в том, что мы *признаем* или *не признаем*, а в том, за чем мы *жизненно следуем* в данный момент. Бог и истина есть конечный пункт жизни, а не конечный пункт *теории*. Вся происходящая в настоящее время борьба направлений жизни есть борьба тех же самых в большинстве случаев богов, которые создавали и прежде историю мира. Борьба ушла внутрь, вышла из пределов национальных, переменялись названия, гимны, культ, - но сущность осталась та же. И человек и народ, пока он жив и молод, всегда под властью какой-либо силы; и чем больше в нем даров, тем более могучей и высшей силе он отдается, и тем шире и благороднее разворачивается его жизнь.

Таким образом, жизнь предлагает только выбор богов, но никогда не ставит вопроса: есть ли бог? Жизнь, пока она жизнь, есть непременно движение; движение непременно уже идет по какому-нибудь направлению; направление, очевидно, определяется какой-либо из существующих сил; эта сила и есть для нее в данный момент ее сила и ее бог. Но жизнь человека и извне и изнутри подвергается влиянию многочисленных сил; возникающие отсюда движения принимают разнообразные направления; эти направления могут быть самые противоположные; чрез это жизнь постепенно запутывается, источники ее иссякают, и ход ее постепенного развития прекращается... Тогда возникают всякие раздвоения и сомнения; жизнь или разрывается противоположными влияниями, - умом, например, следуя одному богу, а волей другому, - или, усталая и изжившаяся, не поддается глубоко ни в ту, ни в другую сторону, вибрируя лишь поверхностью, в области легких чувств, рефлекса и сомнений... Так и было всегда в истории человечества. Природные боги под конец не развивали жизни народа, а запутывали ее и приводили к полному расстройству, измельчанию и гибели. Поэтому дух человека всегда нуждался в такой силе, которая регулировала бы все влияния и вела бы жизнь к непрерывному гармоничному развитию.

Христос в удовлетворение этого и принес на землю силу Св. Духа и призывает ощутить ее и отдаться ей. Он свидетельствует, что она ведет к вечной жизни и есть сила божественно-царствующая на всеми доселе господствовавшими среди мира силами, властно гармонирующая их влияние в том, кто отдался ей. Он пришел не для того, чтобы *рассуждать* с людьми, а для того, чтобы *низвести* в среду их *всемогущую реальную силу*, указать не нее и привлечь к ней сердца.

Но кому может предлагать Христос свое свидетельство? Кто может Его послушать и за Ним последовать? Конечно, только те, кто от истины, т.е. в ком сохранилось еще настолько энергии духа, чтобы воспринять влияние духа Христова и отпечатлеть его в себе, у кого есть еще инстинкт жизни и жажда ее цельного непрерывного развития, кто жив и бодр. Могут ли отозваться на его призыв те, у кого иссякли жизненные источники, кто уже нечувствителен к воздействию высшей силы, кто не может уже отдаться никакому богу, кто спрашивает свое опустевшее сердце: да и есть ли вообще он? Что могут сделать рассуждения ума, когда отлетела жизнь? Может ли восходящий день воротить потухающую зарю дня прошлого? Мудрое молчание не есть ли в таких случаях самый красноречивый, хотя и безнадежно грустный, ответ на скептические вопросы отживающей культуры? И ее представителям, сумеречным теням, неизбежно погрузиться во тьму, и никому не вернуть их к жизни никакими словами и рассуждениями... А что призвано жить, то откликается и на молчаливый призыв молодого восходящего солнца и пышно развернется во всей своей красе под могучим потоком его животворной силы.

XVII. "Бог есть дух" Ин.4:24

Так сказал Господь жене самарянке у колодца Иаковлева. Понятен ли нам смысл этой открытой Господом истины? Кажется, вполне понятен; мало того, мы не только эту истину понимаем, но так привыкли к ней, так сжились с нею, что она не останавливает уже нашего внимания; мы считаем ее вполне достоверной и ясной. Для нас очевидно, что Бог может быть только существом духовным, что Его нельзя представить себе, как представляли и представляют доселе язычники, какой-либо материальной силой или каким-нибудь явлением природы: грозой, солнцем, луной или в виде того или другого животного и т.п.

При всем современном удивлении к силе электричества, никому не придет в голову обожествлять эту силу, признавать ее богом, приносить ей жертвы и пр. Для нас представляется совершенно ясным, что Бог не может быть ничем материальным или природным; Он несравненно выше всего этого; Он - духовен.

Но имеет ли эта очевидная истина какое-либо непосредственное и жизненное для нас значение? Этого не видно. Нравственного смысла мы из нее не извлекаем; своим сердцем мы на ней не останавливаемся; нашу деятельность она не освещает и ею не руководит; нашу совесть она ни к чему не обязывает; к высокому подвигу нас не влечет; мы скользим по ней своим сознанием так же равнодушно, как, например, над отвлеченным положением: "безусловное - безгранично".

Почему же это так? Может быть, откровение Господа, что Бог есть дух, действительно, только философская, отвлеченная истина? Конечно, нет. Это невозможно предположить по тому одному, что у Господа каждая мысль так всесторонняя и полна, что непременно имеет жизненное и нравственное приложение. Дело не в истине, а в нас самих. И мы, к сожалению, доказываем это отрицательным образом своими печальными злоупотреблениями в отношении этой истины.

В великом откровении, что Бог есть дух, мы не только не видим для себя побуждения к высокому жизненному подвигу, но очень часто пользуемся им, как средством оправдать нашу лень, нерадение и косность в своих отношениях к Богу.

Бог есть дух... Не думается ли нам при этом, что он бесконечно далек от нашей обыденной жизни и так возвышается над ней, что трудно и поставить Его в какую-либо близость к нашему житейскому обиходу? В слове "дух" нам звучит что-то туманное, неуловимое, что-то

такое, во что можно и должно верить, но веру во что нельзя проявить ни в каких определенных образах и действиях. И выходит так, что наша жизнь идет своим чередом, а вера в Бога витает у нас где-то в безвоздушном пространстве, отделенном от всего живого, не оказывая на нас никакого деятельного влияния. Это точно томный свет луны, в лучах которого мы склонны помечтать иногда о том, что само по себе прекрасно и возвышенно, но что не имеет никакой связи с действительностью и никаких прочных надежд на осуществление, что мы сами в душе признали лишь прекрасной химерой.

Бог есть дух. Это - что-то стоящее бесконечно выше всякой материальной природы, отделенное от нее но самому своему существу, противоположное ей. Трудно найти между высочайшим духом и грубой материей точки соприкосновения и взаимодействия. А природа, между тем, совершает свой путь но своим собственным непреложным законам: мы все в ее власти и сами - часть ее. Какое же практическое значение, думается нам, может иметь для нас вера в духовного Бога? Верить в него должно, но ведь колесница нашей жизни катится себе но наклонной плоскости, но выбитой событиями дороге, и все ее винты и колеса подчинены не зависимым от нашей веры механическим законам. Какой же смысл, говорят нам, в призывании Его на пути жизни, в молитвенном обращении к Нему во время житейских неудач и скорбей?!

Бог есть дух... Но что такое дух? - говорим мы. Это - идея, мысль, нечто отвлеченное, нечто доступное лишь мысли.

Чем дальше мы рассуждаем в этом направлении, тем безжизненнее, неопределеннее, туманнее становится для нас Бог. Мы начинаем и называть Его уже не Богом, а божеством, абсолютom и иными именами, говорящими не о живом личном существе, а о какой-то отвлеченной идее... Мы мысленно признаем Его, мы не станем отвергать Его существования, наша мысль не удовлетворяется грубым отрицанием материализма... Но все это наше признание очень дешево нам стоит: оно не составляет для нас какого-либо свободного подвига или хотя бы существенного жизненного вопроса. Лукавое сердце подсказывает нам: почему бы Его и не признать?!

Мысль как будто находит в этом успокоение, а практически это не обязывает ни к чему особенному.

Такими хитрыми извивами мы в открытой Господом истине, что Бог есть дух, находим средство оправдать свою леность и косность, свою холодность и нерадение в отношении к Богу, признавая Его умом и оставаясь без Него в жизни, отдавая себя во власть стихийных сил природы.

В чем же кроется причина таких лукавых изворотов человеческой души? Прежде всего обратим внимание на то, что так происходит дело не только относительно данной истины, но и многих других, не менее важных и высоких. Тут, очевидно, кроется общая причина и весьма глубокая.

Кто, вдумываясь в жизнь, не замечал, что чем ни выше, ни жизненнее какая-либо идея, тем искуснее мы умеем своим рассудком исказить ее, заставить служить ее своим низменным инстинктам и именно ею оправдать свою косность и негодность?

Идея как будто не теряет своего величия, но она производит свое действие, как раз противоположное своему истинному предназначению. Она точно отражается в каком-то другом противоположном, темпом мире и оттуда уже греет и произращает своей силой

обращенные туда низшие стороны нашей природы... Где же и в чем эта темная сила, своим отражением искажающая лучи божественной истины и направляющая их для достижения своих темных целей? Это - та же враждебная сила, которая искони борется со всякой истиной и мешает всеми способами человеку стремиться к божественному свету жизни, и пользуется для этого косностью нашей телесной природы и эгоизмом душевной. Это - та же сила, которая пригвоздила ко кресту Подателя вечной жизни, которая боролась с Его последователями яростью язычников и, побежденная здесь в открытой борьбе, вступила, наконец, в скрытую борьбу путем всяких софизмов и хитросплетений нашего лукавого и перебежного ума...

Обратимся к истории - и мы увидим, какова тактика этой враждебной силы, и какова та цель, к которой мы невольно идем сейчас, повинувшись ее внушениям.

Если мы вспомним предшествующую появлению Христа историю человечества, то увидим, что она носит по преимуществу характер религиозный. Вся жизнь народов принимала часто трагический отпечаток вследствие суровых запросов национальной веры. Тысячи, десятки тысяч жертв человеческих бросались под колесницу мрачного индийского бога Джаггернаута. Младенцы бессердечно и неумолимо сжигались в ненасытной утробе Молоха; женщины отдавались невольному и позорному разврату в угождение богине Мелитте. Недаром в индийских ведах весь мир представляется лишь гигантской жертвой, воскуряющейся пред великим богом Варуной. Все тогда держалось на народной вере, все приносилось на ее алтарь. Все высокие характеры, все подвиги великих душ появлялись во время подъема народных верований. Как изживались боги, так иссякала и народная жизнь. Переходные эпохи были эпохами смены вер языческих. Божества были не безжизненными: в них были заключены источники всяческой энергии. Бог для языческого народа был той высокой природной силой, которая, по его верованию, в конце концов победит все и все разрешит в себя. Это казалось так просто и так реально. Тут не было бессилия туманности. Боги не были отвлеченными представлениями, мыслями или понятиями; они не выдумывались человеком, а создавались самой природой: реально предстоя людям в той или другой силе, возвышаясь своим грозным небосклоном, грозя бурей, громом или молнией, иссушая зноем солнца, возбуждая производительной силой жизни, - сама природа была их богом, могущества которого нельзя было не признать; оно переливалось в их собственных жилах огненным потоком. Повинувшись инстинкту олицетворения, в могучих силах природы они видели тех страшных и великих богов, во власти которых - судьбы отдельных людей и всего народа; они предавались им, верили в их действительную силу и в этой непоколебимой вере жили, развивая свои народные силы, воюя с другими народами и подчиняя их своим богам.

Так было до Рождества Христова. К этому времени мысль своим сомнением привела уже к полному разложению природные верования тогдашнего человечества. Последнее уже томилось тоской, предоставленное самому себе и не имея пред чем преклониться. Чрез это подготавливалась более или менее удобная почва для восприятия того, что было возведено Христом. А Им было возведено то, что природные боги - ничто, что вся сила в Том Всевышнем, Который есть всемогущий дух, сама любовь, сама святость, сама свобода. И это возведено было не столько словом, сколько - и это самое главное - делом, непосредственным влиянием Божественной Личности Христа, Его жизнью, Его смертью, воскресением и, наконец, ниспосланием Им Святого Духа на своих последователей. Они воочию, на самих себе, испытали божественную силу Духа и ощутили ее в своем собственном духе как силу Божию, как Бога. Вся жизнь их затем была выражением их непреклонной веры в торжество Духа на земле. Они видели, что вся природа подчинена Его силе; они видели это и в жизни своего возлюбленного Господа и Учителя, и на своих собственных делах и чудесах; они испытали на себе, что все природные душевные доблести, вся житейская мудрость, ученость и прочее, все это ничто пред той Божественной истиной, пред той жаждой спасения, любви и

самоотвержения, которые открыты им Св. Духом и совершенно изменили их и переродили их природу. Природные боги в их собственной душе были повергнуты во прах; ничтожество их, по их же собственному ощущению, было очевидно; явления и силы окружающего мира неизбежно потеряли в их глазах свой божественный ореол и казались вполне подчиненными властвующей силе Св. Духа; нравственное сознание, возрожденное Христом, ясно и громко возвещало славу новому, святому, духовному Богу, имеющему победить все враждебное Ему и освободить людей от ига темных сил природы, на служение святой всемогущей любви и свободе, на свободный подвиг святому и духовному Богу вечной жизни.

Язычество вступило в ожесточенную борьбу с христианством. Сперва была борьба открытая. Но здесь христианство силой своего духа одержало полную победу. Тогда возникла борьба окольными путями: соблазном всяких сделок ради внешнего торжества, софизмами в области рассудка и религиозной мысли и т.п. И здесь борьба оказалась довольно удачной; на этой почве она упорно продолжается доселе в различных формах.

Проследим ее в области взятой нами откровенной истины, что Бог есть дух. Сила Св. Духа, ниспосланная Иисусом Христом, сила личная, свободная, живая, реально переродившая последователей Христа и реально действовавшая в них, конечно, не замедлила отразиться и в области их рассудка и стать здесь самой возвышенной христианской идеей. Тактика темной языческой силы направилась на то, чтобы сделать эту идею из жизненного факта только мыслью, только теоретической истиной, только одним отвлечением. Последователи Христа, воспринимая своим свободным духом свидетельство Христа, что Бог есть дух, видели в этом свидетельстве лишь неизбежное признание той реальной непобедимой силы Духа Христова, которую они сами восприняли в свой дух, которая их переродила, которая чрез них, чрез их самоотвержение, все победит и все преобразит. Нельзя ли внимание человека от этой области внутренней духовной жизни направить на ее лишь мысленное отражение в душе? Это было бы очень выгодно: ведь мысль гибка; она может всячески изменяться, может благовидно, незаметно приспособляться к нашей косной природе, чрез которую главным образом и действует сила, влекущая нас долу. Люди, по самой своей натуре, особенно склонные к теории, могут помочь этому переходу жизненного убеждения в одну лишь мысленную форму признания. На помощь им придет и наша природа, ищущая всячески уклонения от подвига одухотворения и вместе с тем оправдания себя в этом уклонении, отлично пользуясь в этом случае нашим лукавым рассудком. Живой дух, объятый пламенем свободы и любви, не обманешь и не обойдешь; мысль же всегда готова к уступкам, и с нею бороться несравненно легче.

Если истина "Бог есть дух" станет только мыслью, всецело перейдет в рассудочную область, то для косных сил природы, чрез которые и действует главным образом темная, вниз влекущая сила язычества, положение для борьбы будет самое благоприятное.

Так в действительности и было. Отвернувшись от прежних природных богов, с чем в действительности люди остались? Указан новый Бог; Он - единственно истинный Бог; Он - дух; Он - всесильный Владыка природы; к единению с Ним, к приобщению Его силы, к усвоению Его свободы люди призваны. Все это хорошо; но дело в том, что природа с ее прежними природными богами властвовала над душой, не спрашивая нас; она насильно предъявляла нам свои права, давила нас своей силой или возвышала нас своей красотой. Не то с Духом Божиим: ощутить Его силу своим духом, признать сердцем Его права на нас, приусвоить Его благодатные дары можно лишь свободным подвигом, по мере борьбы с собой и победы над собой. А это трудно, это противно нашей косной природе, это трудный и великий подвиг, от которого мы всячески стараемся уклониться.

И вот - что же мы видим? Когда прошел благодатный прилив внутренней энергии, возбужденный тем одушевлением и той любовью, которые вызваны были Лицом Богочеловека, человек стал поддаваться стихийным позывам своей природы и мало-помалу опять очутился в ее власти. Что же делать? Признать Богом природу нельзя: мысль показала эту невозможность, и нравственное сознание, просвещенное светом христианства, не позволяет этого. Приблизиться во что бы то ни стало к новому Богу, в области духовной любви и свободы, приусвоить себе Его силу, сделать Его своим действительным, а не номинальным только Богом - весьма трудно, хотя мысль теоретически и подсказывает, что это - Бог истинный. Мы прибегаем к выгодному для нас извороту: мы умеренно признаем Бога-духа своим главой, мысленно преклоняемся пред Ним, а в действительности отдаемся во власть стихийной природы, не признавая теоретически ее царственных прав.

Какие же следствия этого? Прежде были природные боги, и они были для человека реальны и сильны. Теперь наш Бог есть бесконечный дух; но Он на вершинах, именующихся христианскими обществами, признается лишь идеально; Его реальной мощи мы не переживаем; Он для нас бессилен; Он для нас лишь идея, мысль, иногда просто даже звук. Сила природы была воочию; в нее нельзя было не верить; она сама давала чувствовать свою мощь во всем; человек верил в нее твердо. Сила духа дается лишь свободе; а где эта свобода? Где стремление, где любовь к ней? Наоборот, мы все более подпадаем под обаяние ума и открытых им непреложных законов внутреннего и внешнего мира! Свобода - это для нас ересь, бунт, целая революция. Только лишь у тех, у кого эти законы высосали всю кровь и разбили всю жизнь, - только у тех есть жажда подвига свободы, на которую и откликается Дух Христов. Но это больше в низших слоях верующих, которых мы обозначаем, как невежд; на верхах же нашей современной культуры никакого особенного позыва к освобождению от гнета наличной природы совершенно не замечается: должно быть, этот гнет достаточно для них легок. Поэтому нет и призыва к духу свободы, отсюда нет и реальной силы духа; мы ее не ощущаем, а потому и верим в нее слабо; в жизни она проявляется в самой ничтожной степени, почти что незаметно; рассчитывать на ее победу трудно; это даже и не приходит в голову: ведь мы предчувствуем победу только того, что в нас самих сильно и крепко; а разве это можно сказать про силы духа, о существовании которого мы даже совершенно забываем?

Христос говорит, что пламенная любовь и святость духа победят все; что они - действительные силы; что будут новое небо и новая земля, в которых любовь восторжествует надо всем. Но разве, по чистой совести, мы реально переживаем эту всепобеждающую силу, чувствуем ее? Разве для нас очевидна ее внутренняя мощь? Конечно, нет. Мы можем теоретически признать, поверить, что, действительно, это, пожалуй, так должно бы быть; но это лишь признание умственное, номинальное. Поэтому-то оно и не имеет живой силы. Против него говорит весь наличный опыт, против него говорит наше непосредственное земное чувство. В нас этот дух любви ничтожен, слаб, не имеет никакой силы. Как же нам реально поверить в его мощь и торжество? И приходится довольствоваться лишь словом, звуком. Таким образом случилось вот что: старые боги развенчаны, а новый Бог еще бессилен в нас, и когда он будет у нас Богом реально, на самом деле, в глубине души, а не на словах, не в одной мысли, - это вопрос. Природа уже не может занять прежнего места в храме веры, а дух еще не вошел в нашу религиозную жизнь; мы еще не живем им, как прежде жили, да и теперь живем природой. Как же мы можем веровать твердо, жизненно, что ему принадлежит божественная власть? Он для нас скорее фикция, чем действительность. И вот мы никому и ничему не можем всецело поклониться. Прежде переходные эпохи были промежутками от власти одного природного бога ко власти другого, были сменами династий природных богов; теперь все они с религиозных алтарей ниспровергнуты, их там нет; а в духе мы еще не создали алтаря новому Богу. Мы даже и забыли про Него. Отсюда наша тоска.

Мне приходит в голову сравнение. Представим, что у какого-нибудь народа была постоянная смена тиранических династий; при этом благосостояние внешнее и внутреннее становилось все хуже, исхода не было никакого, и отчаяние овладело всеми. Но вот является из неведомой страны царский сын и говорит, что есть страна, в которой под необыкновенным личным влиянием и руководством ее Царя-Отца можно жить свободно, радостно и мирно; говорит о законах и правах тамошних и предлагает идти к нему и стать под его власть. Одушевление объяло многих; местная династия было ниспровергнута; приняли некоторые улучшения, о которых говорил царский сын, и собирались идти. Некоторые, действительно, пошли, но... трудности переселения, тот образ жизни, те условия, которые должны были встретиться в совершенно новой стране, - все это устрасило большинство, нарушая его застарелые привычки и избалованные вкусы. Оно понемногу отлагало переселение. Лишь немногие втихомолку продолжали уходить; а остальные пока стали ограничиваться тем, что признали своим номинальным главой того сильного и мудрого царя, а управляться пока решили сами собой. Мало-помалу самая мысль о переселении стала позабываться; и даже те некоторые законы и обычаи, которые были внесены в жизнь страны со слов царского сына, стали выдаваться законодателями, как свои собственные, и стали искажаться; совершенно забылось, что они могли иметь благотворное влияние только благодаря живой, личной силе того царя великого и тем своеобразным особенностям природы и образа жизни, о которых говорил царский сын. В результате получилось полное расстройство.

Пока духовный Бог будет нашим только номинальным главой, пока мы не решимся на действительный подвиг порвать с нажитыми привычками и предпринять постепенное переселение в новую область духа, с его свободой, с его полнейшим самоотвержением, со всем его нравственным строем, - до тех пор мы будем так же немощны и шатки, так же неустроены и несчастны, как и сейчас. Половинчатое признание нового владыки-духа лишь по мысли, по одному пустому звуку не только не может принести реальной пользы, но еще более запутает нашу жизнь, обольстит, обманет нашу мысль, усыпит бдительность, подкупит совесть, покажет мысленно нас лучшими, чем мы есть на самом деле.

Подмена действительного, живого Бога-духа, к Которому можно прийти лишь свободным духовным подвигом, мысленной идеей о нем, есть грандиозная фальсификация, приносящая с собой неисчислимый вред для всей внутренней жизни христианского человечества.

XVIII. "Не ропщите между собою. Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня" Ин.6:43-44

Сколько душ, усердно, кажется, стремящихся ко Христу и, однако, не находящих в себе полной веры в Него! Постоянно их тревожат сомнения, многого они никак не могут допустить и понять. Евангелие не производит на них того благодатного влияния, которое должно бы производить, они не могут найти в себе веры во все то таинственное, что читают в нем; иногда и прямо соблазняются некоторыми непостижимыми речами и чудесными фактами, которые сообщаются им. Точно между ними и Христом что-то есть такое, что их не допускает к Нему, отчуждает и отдаляет от Него, что заставляет их относиться к Нему как бы извне, критически, а иногда и прямо душой расходиться с Ним. В глубине их сердец тот же недоверчивый ропот, те же ворчливые протесты и возражения, которые видел пред собой Христос, когда говорил окружающей Его толпе: Не ропщите ("Μη γογγύσετε" - "не ворчите") между собой.

Где же тому причина?

Мы очень склонны искать ее в нашем метрическом положении. Прежде, дескать, возможна была цельная вера; прежде не нарождалось столько "вопросов". Теперь мы живем в такую

несчастную эпоху, когда сомнения проникают всюду. Оттого мы и не можем относиться ко Христу так, как другие относились к Нему когда-то. Мы роковым образом, помимо нашей воли, несем на своих плечах тяготу нашего скептического века.

Это объяснение - скорее самооправдание. И оно не верно. Если оно общепринято, то только потому, что потворствует нашей косности, слагая нашу собственную вину на не зависящие от нас обстоятельства. Мало того, оно положительно вредно, потому что отвлекает наше внимание в ложную сторону от действительной опасности. Мы напрасно думаем, что наши сомнения - что-то новое и небывалое. Они были еще при жизни Господа и затем повторялись и повторяются непрерывно. Во все века они зарождаются в каждой человеческой душе при известных ее внутренних состояниях.

Мы смотрим на наши отношения ко Христу с точки зрения исторической перспективы, и, взбираясь мысленно на высокий, созданный веками протекшей жизни пьедестал, желаем оправдать этим наши сомнения относительно того, что когда-то совершалось в едва видной глубине времен. Это - печальное заблуждение. История не возвышается над Христом, а проходит внизу вокруг Него, и отношения к Нему каждой человеческой души определяются не ее историческим положением среди других, предшествовавших ей и последующих личностей, а степенью того свободного усилия, которое человек употребляет, чтобы обратить свои взоры па ту центральную Личность, что царит надо всем и может быть видна отовсюду всем и каждому. С тем напряжением свободы, которое мы сейчас в себе создаем и поддерживаем, мы и две тысячи лет тому назад, во время земной жизни Господа, верили бы в Него и поступали бы относительно Его так же, как веруем и поступаем в настоящее время. Разница была бы только в мотивах и названиях, которыми наш личный свободный дух воспользовался бы, чтобы заявить и оправдать такое или иное свое отношение ко Христу. Что в данный исторический момент имеется под рукой, то он и берет; не будь одних мотивов, он подберет другие, подобные им, и подопрет этим свою свободу на желательной для него степени. Тут история, собственно, не при чем: она только дает разные орудия, меняет обстановку и подрисовывает декорации, среди которых совершается одна и та же вечная драма человеческого духа, основанная на взаимной борьбе духовной веры против плотского неверия. Христос пребывает в области свободного духа. Мы устанавливаем к Нему свои отношения лишь настолько, насколько обращаемся к Нему именно этой силой. И степень ее свободной энергии определяет степень нашей в Него веры. При всякой исторической обстановке мы можем или держать свою духовную свободу в сильном напряжении, или допускать ее до значительного ослабления. Сообразно с этим и вера во Христа то будет светить сравнительно ясно, то мерцать сомнениями. Мы думаем, что тут на нас решающе влияют наличные мотивы и представления, а на самом деле мы сами выбираем из них только те и подтасовываем их именно так, чтобы обнаружить то, что уже предрешено самым делом в нашем свободном духе. Мотивы и соображения всегда имеются для того, чтобы подняться вверх, и для того, чтобы опуститься вниз. Мы пользуемся тем материалом, который в данное время подходит к уровню нашей свободы, и облицовываем им для видимости ее ступень, на которую мы уже заранее поставили себя. Итак, наши отношения ко Христу происходят не от исторического нашего положения, а от высоты или низости того духовного уровня, на котором мы сами себя держим своим свободным усилием, где бы мы ни находились и когда бы мы ни жили. Вместо того, чтобы, как очарованным, смотреть вовне и вдаль, объяснять оттуда свои сомнения и покорно преклоняться пред их призрачно-роковой неизбежностью, - нам нужно сосредоточить свое внимание внутрь себя и вверх, и мы увидим совсем с другой стороны надвигающуюся опасность, найдем мужество к борьбе с ней и обретем веру.

Внутренняя человеческая жизнь на всем протяжении истории имеет свои постоянные течения или сферы, возвышающиеся одна над другой. Есть течение чувственно-материальной жизни,

где люди стихийно несутся и движутся во взаимной жестокой борьбе. Есть сфера умственной жизни, в своем прозрачном свете соединяющая людей разных и далеких веков единством идей и вопросов, со своими законами и свойствами. Есть сфера высших человеческих симпатий и сострадания, проходящая горячей струей через всю историю, согревающая людей и составляющая из них на земле живой организм. Есть, наконец, сфера свободной веры, где собираются лучи духовного солнца, подающего всему и движение, и свет, и теплоту, созидающего жизнь, и которым мы *живем, движемся и существуем*. Какое бы историческое положение мы ни занимали, где бы и когда бы мы ни жили, все равно эти слои нашей жизни непременно существуют в нас, как, не взирая ни на какую долготу, всякое тело обязательно имеет и какую-нибудь свойственную ей высоту. В исторической перспективе эта высота в отдалении может казаться очень маленькой, и люди как будто превращаются лишь в математическую линию движения. Тем не менее, всмотревшись ближе, мы увидим, что и там человек был человеком, и там, внутри него, проходили и чувственно-материальное могучее движение, и умственные запросы, и токи сердечных симпатий, и живой мир веры. История лишь усложняет эти слои жизни, делает их более содержательными, более, так сказать, качественно-широкими, но не уничтожает их и не изменяет их взаимного положения.

И действительная драма человеческой жизни совершается совсем не на полях внешней истории, а именно в том внутреннем мире, где проходят эти основные течения, и состоит она в их взаимной и часто беспощадной борьбе. Каждое из них имеет свою природу, свои законы, свое направление, свои приемы борьбы. Перипетии ее и наполняют собой всю жизнь каждой отдельной души в каждой точке истории. Исконная борьба веры и неверия есть собственно взаимная борьба свободного духа и всех остальных течений нашей природы.

Во власти человека непосредственно только область его духовной свободы, и как бы ни была слаба эта сила, как бы ни ленился он ее сосредоточивать, она в нем не уничтожается совершенно никогда, и он всегда может ею пользоваться. Все другое течет и развивается по своим природным, совсем ничего общего не имеющим со свободой человека законам, и во власти человека находится только посредственно, через его свободу, ток, который он может сосредоточивать и направлять в различной степени и в разные стороны.

Как на земле солнце, бросая свои лучи в один уголок мира, порождает в нем могучую жизнь, а, оставляя другой, замедляет ее развитие и цепенит, так и духовная свобода человека, обращая свои лучи с большей или меньшей силой в ту или другую область, может вызывать там могучую жизнь, а здесь - едва заметные ростки. Может случиться и так, что человек вообще слишком слабо собирает и направляет лучи свободы, и тогда стихийные течения жизни идут и развиваются по своим законам и по внешним влияниям, бушуя и затопляя иногда собой все и разрушая всякие преграды, поставляемые слабыми остатками свободы.

Чем слабее свобода, тем более стихийно и независимо течет внутренняя жизнь человека, так что, под конец, он своим сознанием только пассивно присутствует там, где более в данный момент притягивающей силы и увлекающего движения. Если у него доброе от природы сердце, он живет своим сознанием в этой сфере и подчиняется ее законам. Если он имеет ясный и острый ум, - он следует за развертывающейся сетью его логических соображений. Если у него могучая фантазия, - он отдается миру образов и грез. Если в нем заявляет свою несокрушимую силу чувственность и эгоизм, - он становится их безответным слугой. Конечно, тут возможны всякие колебания, всякие перемещения из одной сферы в другую, вследствие и различного колебания свободы и различной силы стихийных влечений и внешних влияний, но схем остается одна и та же. Человек своим сознанием и остатком свободы то поднимается в высшую сферу, то опускается в низшую. И везде, раз вступив в то или другое течение, он уже принужден следовать его законам, подчиняться своеобразным его

путям, роковым образом идти, так сказать, по его орбите, захватывающей в себя известный круг явлений. Мало того, он самым присутствием своего сознания в той или другой области усиливает его природное течение, его быстроту и развитие, и вместе с ним, увлекаемый его волнами, неудержимо несется сам.

Область свободного духа раскрывается только свободными усилиями человека. Конечно, и здесь есть свои законы, своя постепенность развития, но это законы свободы, и человек может во всякое время или поднять эту свою силу на одну линию выше, или опустить ее ниже предшествовавшего уровня. Конечно, и в этой сфере - своя особая стихия, течению которой человек подчиняется, раз он в нее вступает; есть своя орбита, определяемая центральным солнцем, притягивающим наш дух; но в этой стихии и в этой орбите человек может держаться только по мере своей свободы и сознательности, а не по мере утраты той и другой, как в других областях. В этом их коренная противоположность, и из этой противоположности возникает их взаимная борьба.

Какова эта борьба, может каждый верующий наблюдать в самом себе. То берешь над собой власть, входишь в ощущение свободы, чувствуешь сладость духовной стихии и веяние Бога, постигаешь красоту человеческого образа; - и в это время истины веры доступны, ясны, очевидны, полны своего содержания и дышат жизнью. То вдруг ослабеваешь и подпадаешь под влияние природных течений, - сейчас же все прежнее тускнеет и пропадает: те же истины кажутся сомнительными; те же внутренние факты - внешними; те же родные предметы - чужими; та же полнота жизни - мертвым скелетом и пустой тенью. И в это время низшие стремления, чувства и представления овладевают сознанием и несут его вниз, совсем в противоположную сторону с головокружительной быстротой.

Христос совершает спасение людей в области свободного духа. Истинно уверовать в Него нельзя, отдавшись стихийным течениям нашей природы. Сколько бы мы ни неслись по ним, как бы ни развивались материально или умственно, в каком бы пункте истории ни находились, - будем ли мы современными Христу евреями или русскими нашего века, все равно - мы этими путями к Нему не придем. И это по очень простой причине: они не ведут к Нему; они проходят ниже и мимо Него; они лежат в другой стихии и направляются в другую сторону. Конечно, Его свет можно ощущать даже и в самых заскоружлых слоях себялюбия, Его теплом можно пользоваться и самым холодным умам, - но прийти к Нему, признать Его Божественную Личность, отдаться Ему вполне можно только по пути духовной свободы. А вступить на этот путь мы можем везде, в любом месте и в каком угодно времени; он всегда у нас под руками - в высотах нашего собственного духа. Никакая история не может служить здесь непреодолимым препятствием.

Теперь понятно, почему мы не можем иногда обрести полной веры во Христа и победить своего душевного ропота сомнений; почему между нами и Им какая-то преграда, что-то уводящее нас от Него. Мы ищем Христа совсем не там, где Он на самом деле есть, идем к Нему совсем не той дорогой, которая ведет к Нему. Живя в другой, чуждой Ему природной стихии, мы принуждены смотреть на Него как бы извне и следовать таким законам, которые необходимо ведут борьбу с Ним и удаляют от Него. Тут и сомнения и неверие фатально неизбежны, и ничего мы не в силах с ними поделать: они вытекают из самой природы той стихии, в которой мы находимся. Чтобы избавиться от них, мы должны войти в тот самый мир, в котором пребывает и Христос. Там вера в Него будет совершенно естественна, как прежде были естественны сомнения. Она будет вызываться природой и движением той самой новой стихии, в которую мы вступим.

Для этого мы должны своей свободой подняться вверх над сферами нашей стихийной, вращающейся вокруг земли жизни, и вступить в сферу духовную, имеющую своим центром притяжения не землю, а Небесного Отца. Там мы сейчас же почувствуем другие влияния. Там все святое в восторге движется вокруг Центрального духовного Солнца и увлекает с собой каждого вступающего. Там в лучезарном эфире любви совершает и Христос свой спасительный путь. Там мы подпадаем, держась своей свободой, токам той благодатной притягательной силы, которая и приведет нас непосредственно к Его светлому Лику.

* * *

Не ропщите между собой. Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня.

Рассказ Евангелиста Иоанна о впечатлении капернаумской проповеди на Его разнообразных слушателей представляет из себя неподражаемо верную картину, в которой только что высказанная нами общая мысль находит свое полное жизненное выражение.

Народная слава Христа достигла пред этим своего апогея. Накануне приходящих было так много, и они так непрестанно теснились около Господа, что Ему и ученикам некогда было вкусить и пищи (Мк.6:31). Когда Он, чтобы уединиться и дать отдых утомившимся апостолам, отправился в лодке на другую сторону, толпы пешком из всех ближних городов побежали за Ним и предупредили Его на том берегу (Мк.6:33). Когда Он уступил им, оставшись с ними, то все, позабыв о времени и пище, до позднего вечера с упоением слушали Его беседы о Царствии Божьем (Лк.9:11). Когда Он, милосердствуя, чудесно напитал их, то восторг принял размеры народного движения в пользу Его царской власти (Ин.6:15). Такова была видимая история отношений ко Христу и природная душевная почва к восприятию Его слов. Но вот Господь ночью тайно удаляется от них, и па другой день говорит им таинственно - духовную речь в капернаумской синагоге. И посмотрите, что совершается внутри тех же самых людей. Куда девается их ревность! К чему служит вся, по-видимому, благоприятная душевная подготовка!

Господь прежде всего направляет свою речь к тем, кто стремится к Нему из-за хлеба. Он сводит их с этой почвы, указывая на пищу не чувственную, а духовную; эту пищу они могут получить только от Него, и Он прямо призывает их к вере в Себя (Ин.6:26-29).

И что же? Сразу же этой веры не оказывается. Они стараемся не себя к Нему поднять, а Его низвести к себе, и просят дать им знамение (т.е. чувственное свидетельство), почему бы они могли веровать в Него (30). Он еще раз говорит им, что Он есть хлеб животный, и верующий в Него никогда не взалчет и не возжаждет; но в ответ на это Он встречает одно недоумение, которое, наконец, и вызывает Его слова: "Вы и видели Меня и не веруете" (36). Поворот на первый раз слишком резкий, а между тем психологически глубоко верный и необходимый. Толпа была обращена к Христу своими чувственными глазами и материальными инстинктами; восторгалась Им и искала Его в своих видах; а Господь призывает войти в область духовной жизни, и там отдаться Ему бескорыстной верой. Понятно, что это дело совсем иное, лежащее никак не на пути их обычной жизни; оно гораздо выше ее, и туда подняться нужна свободная решимость. И вот они остаются на привычной им чувственной стезе, а с этим вместе они решают и свою судьбу: видя Его глазами, они не могут видеть Его верой и внутренне отходят от Него. Это неизбежно.

Господь далее развивает Свое духовное откровение. Он понемногу вводит его в соотношение с областью более высшею сравнительно с предшествующей. На первом плане уже противоположность не пищи телесной и духовной, а земного и небесного порядка вещей. Он

говорит, что Он сошел с небес, чтобы исполнить волю Отца (38). Но вместе с откровением Бога открывается и душа человека; кругом слышится открытый ропот. Если только что Его не узрела грубая народная толпа (*ὄχλος*) со своими материальными стремлениями, то теперь поднимает голову сухой рационализм книжных Иудеев. *Возроптали на Него Иудеи за то, что Он сказал: Я есть хлеб, сошедший с небес, и говорили: не Иисус ли это, сын Иосифов, которого отца и мать мы знаем? как же говорит Он: Я сошел с небес?* (41-42). Причина сомнений совершенно понятна. Иудеи твердо стоят на внешне логической почве; прилагают к Нему мерку чувственных представлений; слушают плотским умом, соображающим лишь извне являющееся, а не той духовной силой, которая обращена к Богу и воспринимает внутренние откровения неба. И на своем пути они рассуждают вполне последовательно. Они нигде не видели и не могут представить и понять, как Он, будучи человеком, мог сойти с небес? Но Господь Своею личностью и словами именно и подает им повод сойти с этого земного пути, поддаться небесному влиянию Отца и подняться в область веры, которая имеет свою высшую последовательность, и где кажущееся сейчас противоречием найдет свое полное и действительное примирение. Но они этим поводом не пользуются; а на той почве, па ко юрой они стоят, никакие сомнения и споры не могут приблизить их к Господу. Он видит это и говорит им: *не ропщите между собою. Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня* (43-44).

Наконец, Господь еще определеннее и точнее уясняет центральное и мистическое значение Своей личности (48-58). Воспроизведя вкратке две предшествовавших ступени Своего откровения (48-49 и 50-51а), Он восходит ближе к сфере чувства и своими образами пытается найти отзвук духовной веры в сострадательном человеческом сердце. Он провозглашает, что отдает Свою плоть за жизнь мира, и призывает через вкушение этой мировой жертвы к полному общению с Собой. *Хлеб, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира* (51). Но если материальная толпа и узкие книжники не восприняли Его предыдущих речей, то тем более они отшатнулись от усвоения последней. Кажется, чего бы проще: откликнуться сердцем на призыв великого Учителя, который возвещает им, что добровольно жертвует собой за них, и прильнуть к Нему, прежде всего и помимо всего, бескорыстной благодарной верой; тогда само собой пришло бы к ним и понимание Его таинственных сравнений. Однако книжники упорно остаются книжниками; они тут же прерывают Его речь своими казуистическими спорами, в которых одна бессердечная пигмейская погоня за внешней буквой. *Тогда Иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть плоть свою?* (52).

Но может быть, на призыв Господа отзовутся более близкие, более привязанные к Нему лично, постоянно ходившие с Ним Его ученики? Если они, оставив все, следовали за Ним, то значит, действительно, всем сердцем жаждали царства Мессии и ждали от любимую Учителя избавления Израилю.

Кому же, как не им, подняться на крыльях любви в ту область веры, к которой призывает вся речь? И Господь как бы имеет в виду их личное чувство к Себе, когда, усиливая основную мысль Своего откровения, оттеняет, что вкусивший Его плоти и крови войдет в полное нераздельное общение с Ним: *Ядущий мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне и Я в нем* (56). Но даже и горячее, но все же земное чувство к Учителю само по себе не привело учеников Его к духовной вере в Него. И вот *многие*, повествует нам Ев. Иоанн, *из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова, кто может это послушать?* (60).

Господь ясно провидел причину такого к Себе отношения. Его слова падали не на ту почву, которая соответствовала их природе. Он говорил вечному духу, стремящемуся к Богу, а Его воспринимают плотским сердцем, отражающим только земное и создающим одни земные

мечты о народном счастье под властью Мессии. Он призывает к свободной духовной вере в Себя, не носящей в себе никаких земных мотивов, а они не хотят сойти с своих земных природных путей и соблазняются тем, что не могут приспособить Его слов к своим меркам и целям. Поэтому Он еще раз возбуждает дух учеников: *Дух животворит*, - говорит Он, - *плоть не пользует ни мало. Слова, которые Я вам говорю, суть дух и жизнь* (63). Т.е. войдите в дух, войдите в чистую стихию самоценной духовной жизни, без всяких земных мотивов, и вы поймете Меня и уверуете в Меня... Но увы! их слабый дух был долу, и на Его призыв ответил косным лишь неверием (64). Господь не удивляется, потому что ясно и твердо прозревает все, что происходит внутри людей. Он только объясняет им же самим их обнаружившееся к Нему отношение. *Для того-то* (για τουτο - "потому-то" ср. Ин.8:47) *и говорил Я вам, что никто не может прийти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего* (65), т.е. если он не войдет в сферу влияния Отца, пославшего Его.

От всей беседы получается впечатление, как будто Господь, привлекая к Себе многочисленные толпы слушателей, музыкой Своих божественных речей дает возможность им показать тон и высоту их душевных настроений, проявить излюбленные ими пути их внутренней жизни; и на пробном камне Своего небесного откровения Он испытывал достоинство их духа, степень его податливости притягательной силе Небесного Отца, способность восприимчивости к Его едва ощутимым вечным глаголам. Когда с сего времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним, Он и к двенадцать обращается с вопросом: *не хотите ли и вы отойти?* Но тут наконец-то откликнулось смиренное преданное сердце и свободных дух любви и веры, чуткой к велениям Небесного Отца. Симон Петр отвечал Ему: *Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной* (66-68).

Итак, что же мы видим? Видим, что вот люди, по-видимому, стремились ко Христу усердно и, пожалуй, искренно и, однако, не уверовали в Нею и отошли от Него. Отчего? Оттого, что шли к Нему такими путями, где истинной веры в Него и не может быть по самому существу дела.

Какая вера во Христа может быть у тех, кто рассчитывает через Него иметь даровой и легкий хлеб? Что они зовут верой, совсем не вера в Него, как в личность, а только благовидная низменная радость над грудой чудесно найденного хлеба, которого могло бы хватить на всю эту жизнь. А им в это время предлагается какая-то духовная пища, дающая вечную духовную жизнь. Но чтобы захотеть духовной пищи, нужно быть уже в духе. Чтобы возжаждать вечной духовной жизни, нужно иметь уже к ней вкус, иметь ее зародыш. Где же им, пока они стоят на своем пути, иметь веру в слова Господа? Как же им, среди втайне разгоревшихся материальных appetитов, не почувствовать глубокого разочарования, когда вдруг из-под их взоров желанная груда хлеба так неожиданно исчезла?

Как могли уверовать в Него на своем рассудочном пути книжные Иудеи? Они шли к Нему с аршином земных понятий и суждений, а Он прямо заявляет им, что сошел с небес! Они рассматривают Его сквозь сетку земную порядка вещей, а Он предполагает в них ощущение другого, небесного порядка, непохожего на первый! Конечно, Его слова для них были непонятны; они обозначали такие духовные предметы, которые они на своем чувственном пути совсем не видели. Понятно, и сочетание слов Господа должно было казаться им странным, противоречащим законам их обычной низменной речи, ничего подходящего и полезного к их наличной жизни не заключающим. И неверие возникло из полнейшего недоумения, которое вполне естественно и необходимо возникло на их чувственно-рассудочном пути.

Могли ли не отпасть от Него те, которые шли за Ним с пылкими надеждами на земное царство любимого Мессии? Их сердце, привязанное к земным ощущениям, радостям и печалям; их

воображение, полное чувственных образов и грандиозных построений; их чувство, втайне настроенное на победный торжественный тон, - могло ли все это воспринять речи Господа, рассчитанные на чисто духовный внутренний опыт? услышать их тихую небесную мелодию, едва звучащую на высших гранях бытия? откликнуться на призыв к самоотвержению, не имеющему никаких внешних эффектных красок? Конечно, нет. Это значило бы для них уйти от дорогого, яркого и шумного мира фантазий в неизвестную, безвидную и безмолвную бездну неопределенных и неиспытанных духовных ощущений. Конечно, они все это могли бы принести в жертву, если бы чутким любящим сердцем вошли в духовный внутренний мир Господа, полный иных ощущений, более тонких, чистых, более небесных. Тогда пустая бездна духа засияла бы для них всеми цветами и звуками небес. И это было бы так легко для них, если они любили Господа. А не поднявшись со своего пути, они, конечно, не могли увидеть Бога, Который говорил с ними, и уверовать в *Него*.

* * *

Те же самые отношения человеческой души к откровению Христа могут существовать и в настоящее время и неизбежно будут приводить к тем же самым результатам.

Если наша душа всецело вовлечена в поток стихийной материальной жизни, с ее житейскими заботами о пище, крове, положении и всяческих земных интересах, то она не найдет в себе веры в божественную Личность Господа. Мы можем слушать Его, когда Он говорит общие нравственные положения; мы можем возлагать на Него свои надежды в случае телесных болезней и житейских невзгод; но когда Он заговорит в Евангелии о том, что мы должны устремить все наши желания к вечной духовной жизни и всецело вверить себя Ему во всем, в целом направлении нашей жизни, в самом ее характере, - тогда мы не обретем в себе веры в Него и тоже готовы будем попросить у Него чувственного знамения себе. Как это так: изменить обычную материальную жизнь на духовную? Эта жизнь так очевидна; ее течение обладает такой не зависимой от нас силой, дает такие осязательные радости. А там, в духе - что там такое? и что такое эта духовная жизнь? А затем - как это: всецело ввериться Христу? на чем зиждется этот безусловный авторитет Его? Вот если бы мы знали до очевидности, если бы нам чувственно открыто было, если бы дано было какое-нибудь осязаемое свидетельство, - тогда так. *Какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе?* (30). И мы предоставляем колесу жизни вертеться по-прежнему и вертеть с собой нас. А Христа слушаем между прочим, не изменяя материальной колеи жизни и выбирая только то из учения Его, что выгодно для нас.

Если наша душа возвысится над сутолокой материальной жизни и пойдет по пути интересов умственных, то и тут она будет, так сказать, расходиться с Христом и никогда непосредственно не встретится с Ним. Мы будем предлагать Ему такие вопросы, на которые Он не даст никакого ответа, как бы считая их предрешенными. И наоборот, мы услышим от Него то, что совершенно не мирится с нашими земными понятиями, находится где-то в стороне от них, не охватывается ими, не заключается в цепи их логического раскрытия. Оттого и случается, что мы часто волнуемся и приходим в смущение: а почему вот этого Христос не решает? почему на то-то Он не отвечает? отчего того-то не доказывает или не открывает? А потом вдруг читаем то, что как будто совсем неинтересно, не требуется нашим умом, не относится к раскрытию теоретической истины и иногда превышает ее... Все это происходит оттого, что мы идем по одному пути, а Христос - по другому; перед нами - одни запросы, а Он отвечает на другие; мы исходим из этого мира опыта, а Он - из другого. Мы внизу ткем грубую паутину понятий и суждений, цепляя ее извне на подпавшие нам предметы и вырисовываем разные узоры, которые позволяет свойство материала и расположение предметов; а Он бросает пред нами сверху узорчатую ткань световых лучей, сотканную на небе и охватывающую искони всю внутреннюю духовную действительность. Понятно, узоры

не сходятся и не могут сойтись, сколько бы мы ни плели своей паутины и как бы усердно ни старались подогнать к ней непослушные лучи. Поэтому мы со своего пути, пожалуй, еще склонны признать те отдельные нити и участки, которые внешне как будто сходятся с нашими, например нравственные положения Христа. Но как только дело коснется центральных пунктов, например Его Божественной Личности, Ее особого реального значения для нас, вечной духовной жизни и т.п., мы не можем не сознать своего полного различия и совершенно отказываемся от понимания и согласия. Не видя духовной действительности, мы думаем, что небесные узоры проходят в пустоте и не обозначают собой ничего реального; мы ропщем и продолжаем плести свою прежнюю паутину: и нужно признать, что пока мы не сойдем со своего пути, мы иначе и не можем относиться, если будем добросовестны и не будем намеренно закрывать своих глаз на то, что видим, и указывать на то, чего не видим.

Мы можем подняться выше области холодного ума. Наше сердце могут волновать судьбы человечества в его жизненных отправлениях. Мы можем быть способны любить его и страдать с ним и видеть в Евангелии единственное средство сделать людей счастливыми и благоустроить всю их жизнь изнутри и извне. Мы можем себя в этом отношении считать постоянными почитателями и учениками Христа. И однако мы и на этом пути не будем свободны от соблазна и рискуем отпасть от Христа, как отпали от Него после капернаумской речи и долго ходившие с Ним ученики.

Дело в том, что мы и на этом пути все еще в течении, вращающемся вокруг земли, в сфере земной человеческой жизни. Мы в существе дела живем мечтами о земном Мессии и видим его во Христе. Мы представляем, как бы все прекрасно устроилось, если бы Евангелие восторжествовало в человеческой душе и жизни, и поэтому всячески стоим за него. Но что мы скажем, если мы услышим от Христа, что эта наличная земная жизнь неизбежно подлежит тлению, и не ради нее Он сошел с небес? что Он пришел положить начало новому организму человеческой жизни не в области земли, а в духовной стихии неба, и возвести туда людей? что только через вкушение Его плот и крови, только через полное и реальное приобщение Его духу они могут привиться к этому организму и вступить в сферу вечной жизни? Не скажем ли мы, постоянные ученики Евангелия: *жестокое есть слово сие, и кто может его послушати?* (60). И не пойдем ли мы своей земной дорогой, оставив небесного Учителя?

Таким образом, если мы будем идти каким-нибудь из перечисленных нами путей жизни, мы не придем ко Христу. Мы можем слушать Его, можем пользоваться иногда Его теплом и светом, можем быть дальше от Него или ближе к Нему, но все это еще не значит быть Его действительным последователем. Конечно, из толпы, окружавшей Иисуса Христа, многие воспользовались тем или другим Его наставлением. может быть, сделались лучше и добрее, но это не помешало им уйти от Него, и Он не считал их своими. Он от своих истинных учеников требует к Себе всецелой веры, а ее-то мы и не найдем в себе, в этих земных природных сферах нашей души. Не найдем веры потому, что жизнь в каждой из этих сфер идет по своим особенным законам, не охватывающим цельной Христовой истины, стремится к своим отдельным целям, не совпадающим с целью Христа, вращается вокруг центра, не имеющего ничего общего с Ним. Не найдем веры потому, что не будем в стихии веры. Наконец, не найдем веры потому, что не встретим Христа. А не встретим по той простой причине, что Его там лично совсем и нет. Лично Он обитает в личной же области свободного духа.

Христос в духе, и к Нему поэтому ведет только один путь - путь духа: путь духовной жизни. Вступив в него, мы войдем постепенно в особую сферу притяжения небесного Отца в ее стихии каждое слово Господа послышится нам полнозвучно и полносодержательно: все, прежде смущавшее нас, откроется нам, как вечная живая действительность. Там волны

духовной жизни мало-помалу принесут нас к стопам живую Господа, шествующего от Отца на спасение людей.

"Не ропщите между собой Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня".

**XIX. "Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня"
Ин.6:44**

Не указывает ли слово привлечет (ἐλκύη) на то, что для веры во Христа необходима сила и содействие Отца? что без этого человек сам не может уверовать во Христа и прийти к Нему?

Я думаю, что да, указывает. В этой же речи далее (ст.65) Господь заменяет это выражение так: *потому-то и говорил Я вам, что никто не может прийти ко Мне, если не дано будет ему от Отца Моего.* "Привлечет" заменено "дано будет". Итак очевидно, нужно, чтобы "дано бы то" от Бога, чтобы можно было прийти ко Христу Нужна привлекающая сила Божия, чтобы уверовать во Христа. Она только может привести к Нему. Без нее самому человеку прийти ко Христу нельзя.

Но означает ли это, что вера во Христа - нечто роковое и от самого человека независимое? что кому Бог захочет, тому вложит силы, и тот уверует; кому не захочет, - не вложит, и тот не уверует; и человек тут ничего поделать не может? Нет, этого ни в каком случае вывести нельзя. И вот почему. Тут говорится только одно: ко Христу можно прийти только в том случае, если Отец даст для этого силы, но тут ничего не говорится о том: а как прийти к Отцу? Ведь может случиться так, что ко Христу мы можем прийти только через Отца, но к Отцу-то мы можем прийти только через самих себя. Будет ли тогда вера во Христа чем-то от нас независимым? Конечно, нет. Указать путь к вам может только один-единственный человек; сам я никак не могу найти вас и прийти к вам; по значит ли это, что путь к вам для меня есть нечто роковое и от меня нимало не зависящее? От меня же зависит обратиться или не обратиться к тому человеку, который может довести до вас.

Весь вопрос, следовательно, в том, от нас ли зависит прийти к Отцу. Если от нас, то значит, наша свобода ничуть не стеснена, и слова Господа нимало ей не угрожают. Господь сейчас же (ст.45) разъясняет, что значит и от кого зависит прийти к Отцу: "Все будут научены Богом. Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне", т.е. Бог учит нас: нужно жизненно услышать Его голос; нужно услышать в Нем голос родного отца; нужно сделать этот голос путеводной нитью жизни. И тогда эта жизнь приведет ко Христу. Что же тут такое? фатализм? произвол Отца? роковое предопределение? Или свобода, свобода и свобода? Разве сосредоточить свое жизненное внимание, чтобы услышать голос, не от нас зависит? Разве сердцем стараться припомнить породившего нас не от нас зависит? Разве напрягать свои силы, чтобы идти за голосом Божественной Истины, не от нас зависит? Разве тут есть какой-нибудь фатализм? Но чтобы этот путь был легче, и обещается божественная сила. Бог не только ведет, но и дает силы идти, лишь бы мы не упустили Его из виду и шли за Ним.

Может быть, нас смущает самое слово "привлекает". Оно как будто дает оттенок насилия и ничего не говорит о свободе. Хотя бы даже и так было, и тогда бы это не означало никакого рока, потому что от нас зависит отдаться этой силе. Если вам нужно, чтобы переправиться через поток, отдаться чьим-либо мощным рукам, то значит ли это, что эти руки ваш рок, и не от вас ли зависит прийти к ним и воспользоваться их силой, или не прийти и сидеть дома? Рок в том, что если вы хотите быть на том берегу, необходимо воспользоваться чужой силой. Но эта сила нимало не насилует вашего свободного желания и хотения.

Но я это говорю в том предположении, что в слове "привлечет" выражается оттенок подавления свободы. На самом деле этого решительно нет. Господь употребил это слово еще только один-единственный раз, тем большее оно получает для нас значение. Стоит только прочесть его, чтобы увидеть, какая сила здесь разумеется. Пред своими страданиями, желая показать, какое значение будет иметь Его смерть на кресте для спасения всех людей, Он говорит: *Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе* (Ин.12:32). "Привлеку" здесь выражается тем же глаголом: ἐλκύσω. Уж, конечно, влияние страданий и крестной смерти Господа не может заключать в себе ничего насильственного, что бы шло вразрез с нашей свободой. Наоборот, потому Господь и избрал для спасения людей путь крестной смерти, чтобы не подавить их свободы, не насиловать их, а именно привлечь их сердца, тронуть глубочайшие основы их свободного духа и помочь их свободе. Крестные муки Господа для нас сила, но сила нравственная, духовная, окрыляющая нашу любовь и свободу. Следовательно, в слове "привлечет" мы никак не можем видеть, чтобы Господь хотел им оттенить момент чего-то, подавляюще нашу свободу.

Мне кажется, что мы сами произвольно вносим этот оттенок: самые звуки этого слова как будто клонят наше сознание к представлению чего-то мимовольного. Вероятно, тут действует привычка вносить в слово наиболее принятое ощущение и понимание. Мы думаем, что если что-нибудь привлекает нас, то это уже немало не зависит от нас, а проистекает исключительно от того, что привлекает. Мы говорим, что это привлекательный человек, - как будто он помимо нашей воли привлекает нас. Тут отзвук наших физических взглядов. Мы слышим тут намек на силу физического притяжения. Солнце притягивает землю - хочет она или не хочет. Магнит притягивает железо помимо его воли. То же самое и среди людей. И не хотели бы мы, а невольно влечемся к чему-нибудь.

Но нужно иметь в виду, что это ложный, несоответствующий действительности взгляд. В науке уже вполне установлено, что ни в каких процессах притяжения и привлечения не вносится в природу объекта ничего насильственного и ей несоответствующего. Солнце притягивает Землю, но это потому, что и в самой Земле есть притяжение, и она сама в свою очередь притягивает Солнце. Магнит притягивает железо и некоторые другие металлы, но это потому, что их элементы способны принимать известное положение. Магнит не вносит ничего нового, не производит ничего, не соответствующего их природе; он только дает возможность и толчок группироваться их же собственным элементам определенным образом. Также и среди людей. "Привлекать" - это значит возбуждать в ком-нибудь стремление к себе. Но это стремление не вносится вопреки нашей природе в нас, а только возбуждается, т.е. получает возможность проявиться. Оно уже в нас есть, но только недоставало такой силы, которая дала бы ему возможность выразиться вовне. Все на нас действует лишь настолько, насколько находит в нас готовое предрасположение.

Таким образом, в притяжении и в привлечении имеет значение не только субъект притягивающий и привлекающий, но и объект. И никакого насилия над природой последнего не происходит. Она отвечает настолько, насколько сама способна. А если мы примем во внимание, что Бог действует на наш дух, на его свободную природу, на вечно присущие ему силы и задатки, и что отзывчивость их зависит от того, соберем ли мы их в своем свободном внимании или рассеем, обратим ли мы их к Богу или не обратим, - то привлечение становится делом не только свободы Бога, но и свободы человека.

Мне кажется, что можно провести некоторую аналогию между физическим притяжением и духовным привлечением, чтобы закрепить в своем сознании оттенок свободы в слове Господа "привлечет".

Я уже говорил, что притяжение не вносит ничего не соответственного природе притягиваемого предмета, а только возбуждает его элементы к подобной себе группировке. То же самое и в духовном привлечении. Оно только и состоит в группировке уже готовых сил нашего духа.

Чтобы группировка элементов в притягиваемом теле произошла, нужна проводящая среда эфира, через которую и передается влияние и становится возможным взаимодействие. Если мы поставим непроводящую преграду или если допустим абсолютную пустоту между данными предметами, то ни возбуждения, ни группировки, ни притяжения не произойдет. То же самое и в духовном мире человека. Если оградить себя от влияния Бога элементами, прямо враждебными Его действию, или если мы не поставим между Богом и нашим духом среды нашего свободного сознания или внимания, то ни возбуждения сил духа, ни их богоподобной группировки, ни вытекающего отсюда привлечения не произойдет.

Сила магнитного притяжения усиливается при концентрации тела и ослабляется при его молекулярном рассеянии. Магнетизм пропадает даже и в магните при нагревании его до темно-красного каления. Охлаждение увеличивает способность притяжения, а нагревание уменьшает таковую. То же и в духовном мире. Только концентрация наших сил может сделать нас способными отозваться на привлечение Отца. Рассеяние меньше всего может поддаваться этому влиянию, подобно тому, как жидкости и газы почти все диамагнитны, т.е. не поддаются притяжению магнита.

Сила магнитного притяжения прямо пропорциональна произведению взаимного напряжения притягивающего и притягиваемого предметов. Так же и в духовном мире. Если предположить, что притяжение нашей свободы равно нулю, то никакого привлечения к Богу произойти не может. По мере возрастания нашего напряжения возрастает и сила привлечения. Когда мы думаем, что привлечение к Богу может совершаться насильно, то это так же нелепо, как думать, что магнит может притянуть пустоту, или что при увеличении множителя с множимым, равным нулю, увеличивается произведение.

Сила притяжения обратно пропорциональна квадратам расстояний, т.е., во-первых, чем больше расстояние, тем меньше сила притяжения; во-вторых, если расстояние увеличивается, положим, вдвое или втрое, то сила притяжения уменьшится не во столько же раз, как бы следовало ожидать по аналогии с предшествующим законом, а в квадрате, т.е. в четыре или девять раз. Следовательно, внешнее удаление действует в своей уничтожающей силе гораздо значительнее, чем внутреннее напряжение в своей положительной силе. То же самое и в духовном, внутреннем мире. Он также имеет свой центр и свою периферию и свои обширные области. Мы чувствуем, когда становимся ближе к Богу и когда отдаляемся от Него, ставим между Ним и своим "я" сферы мыслей, чувств и желаний, отталкивающих нас от Него. И также каждому известно, что чем больше мы отдаляемся внутренне, тем меньше чувствуем силу Божественного привлечения. Точно так же нетрудно заметить в своей внутренней жизни факт, что разрушительная сила этого нашего удаления от Бога гораздо интенсивнее по своим отрицательным результатам, чем созидательная сила нашей свободы по своим положительным. Подвиг созидания очень медлен, и возрастание ощущения Божественного привлечения идет тихо Между тем удаление от Бога совершается быстро, и мы сейчас же можем заметить, в каких поразительных квадратах уничтожается в нас ощущение Божественного привлечения, и уменьшается его притягивающая к себе нас сила. Если где, то именно здесь яснее всего сказывается наше личное значение в акте привлечения.

Таким образом, когда мы невольно вносим в слово "привлечет" смысл внешней принудительной силы, чего-то такого, что совсем не зависит от нас, то это не более, как отзвук

прежних, давно отвергнутых наукой взглядов на природу притяжения или привлечения, когда думали, что это нечто извне вливающееся в предмет, охватывающее его помимо требований и предрасположений его природы. Настоящие научные взгляды сводят эти процессы внутрь, только на возбуждение и группировку того, что уже есть в природе предмета. Приняв во внимание, что Бог привлекает наш дух, наше свободное сознание, можно провести, как мы видели, значительную аналогию между физическим притяжением и духовным привлечением и оправдать этим громадное значение нашей личной свободы в том религиозном процессе, который Господь обозначает как "привлечение от Отца".

XX. "Не вы Меня избрали, а Я вас избрал, и поставил вас, чтобы вы шли, и приносили плод..." Ин.15:16

Господь при жизни Своей в отношении к ученикам во всем проявлял Свою личную власть; Он нигде и ни в чем не совещался с апостолами; Он их избирает, кого хочет; Он их посылает, когда хочет; Он учит их иногда в таких таинственных изречениях, что они не понимают, и однако боятся и не смеют спросить Его; Он ведет их, а они, трепещущие, в страхе идут за Ним. К отдельным апостолам можно даже видеть Его отдельную, безусловно-повелительную волю. Но это - власть не внешне-принудительная, а Божественно-свободная... Хотя "не вы Меня избрали, но Я избрал вас", хотя Он понуждает их, повелевает им, но в то же время говорит: "Может быть и вы желаете отойти от Меня?"... Таким образом это единоличная власть, но - во имя Божественного авторитета и требующая только свободного повиновения. После Себя Господь дал эту власть всем апостолам вместе не одному из них, а всем вместе. Отсюда соборность. В этой соборной взаимной любви и пребывает Дух Святой и Христос. Отсюда ее безусловный авторитет: не сама по себе соборная внешняя форма, но Дух Святой, ясно в ней проявляющийся Своими дарами и внушениями. Отсюда, когда и единолично говорит кто-либо Св. Духом, ему повинуются беспрекословно. Но соборность не мешает единоличной власти. Соборность есть высший безусловный авторитет после Христа, как форма проявления и средство проявления Св. Духа. Но зачем частной власти и частному почину должен быть дан полный простор. Каждый апостол был полным инициатором в своей миссии, во всех частных своих действиях. Каждый действовал как орудие Св. Духа, пославшего его, как орудие Христа, проявлявшего в повелении и в совете всех Свою волю. И каждый должен быть в своей миссии среди вверенной ему общины тем же, чем был Христос среди не обновленных еще Св. Духом учеников. Он должен действовать во имя Божественного авторитета и полномочия Церкви властно, но не принудительно. Господь говорил и делал то, что слышал и видел в Отце Своем и что побуждал Его говорить и делать Дух Святой, обитающий в Нем. В согласии с волей Троицею Бога и выражалась Его полномочная Божественная деятельность, как отдельного лица. Именно как Лицо, Он действовал, как проявление воли Бога, в трех лицах нераздельного и неслиянного. После Него этот божественный авторитет Троицею Бога перешел в отношении нас к церкви, к апостолам. В их соборном единении выражается Его воля. И каждый должен с нею сообразоваться, как Христос сообразовался во всем с волей Божией. Но сообразуясь с ней, Он в отношении к людям был полномочен и полон свободы и независимого авторитета. Также и каждый из церкви - по отношению к врученным ему людям. Совершенное понимание соборности и выборного начала, как они даны и указаны нам Христом и Церковью, совершенно до противоположности не соответствует действительной соборности и действительному выборному началу, как они существуют в человеческих учреждениях. Соборность есть высший принцип, чем единоличие. Это справедливо. Но соборность эта должна быть никак не низшего порядка сравнительно с тем лицом, которое она уполномочивает на что-либо или которое она избирает или авторизует. Для Христа таким соборным началом был Троицею Бог, в недрах Которого Он и Сам, как Сын, пребывал, и волю Которого Он и пришел исполнить на земле. Отсюда Его постоянные ссылки для

подтверждения Своего авторитета и Своей истины на Бога, в полном согласии с Которым во всем, и в полном послушании Которому тоже во всем Он видел самое несомненное свидетельство Своей истины и власти. Отсюда же Его особенное указание на свидетельство Духа Святого в Нем, в Его словах: хула на Него ставится несравненно важнее, чем хула на Сына Человеческого. Короче, Христос главный Свой авторитет полагал в том, что Он послан Отцом и свидетельствуется Св. Духом, т.е. авторизуется божественным собором Святой Троицы. Потому Он и крестить повелевает не во имя Свое, но во имя Отца и Сына и Св. Духа. Будучи по Богочеловечеству уполномоченным Св. Троицы на земле и будучи по Божеству ее активным членом, Он по Своей собственной силе данной Ему власти действует свободно и организует собор Апостолов. Он дает им силы и полномочия потребные им, из тех сил и полномочий, которые Сам имел. *Примите Духа Святого... Как послал Меня Отец и Я посылаю вас. Дана Мне всякая власть: идите научите...* и пр. и пр... В день Пятидесятницы Он авторизует их собор авторитетом Святой Троицы, послав им от Отца дары Святого Духа. Каждый из Апостолов в силу авторитета, данного им всем вместе, уполномочивается на то или другое служение. Каждый идет и исполняет волю своего собора, видя в ней лишь выражение воли Бога, Христа и Св. Духа, т.е. Святой Троицы, осязательно давшей Свои силы па совершение данных Христом полномочий. Каждый из них идет и организует другие соборные отдельные церкви, будучи для них центром, из которого исходят и учения и силы благодатные и власть. Избраннейших лиц они облачают той силой и властью, которую имеют сами, делая их своими заместителями и преемниками. Каждый из этих заместителей и преемников - только исполнитель и выразитель тех полномочий, которые получил каждый из апостолов от всего своего собора, а этот последний - от Христа и Троицыного Бога. Над каждым таким образом власть не отдельного лица, не отдельного апостола, а всех их вместе, т.е. собора церкви; точно так же, как и над этим собором власть не Христа только, как Богочеловека, но и Святой Троицы в Ее нераздельном и неслиянном триединстве. Но все эти соборы - высшего порядка сравнительно с заместителями апостолов, с предстоящими отдельных церквей. Уж конечно не из общины их авторитет; всего менее сама община получает авторитет церкви от них, уполномоченных и заместителей апостолов. Их авторитет - община апостолов, уполномоченными которых является тот или другой апостол... Разве они от своей общины получили Святого Духа? Разве они от нее получили власть вязать и решить? Разве от нее они взяли свое учение и свою веру? Все как раз было наоборот. Община все получает от них. Они - центр и неточное начало жизни общин, как отдельной церковной ячейки в организме церкви. Но каждый из этих центров только передатчик полномочий того собора апостолов, от которого исходили отдельные апостолы. Таким образом, над каждым отдельным лицом действует власть собора, но власть высшего собора, а не низшего. Наоборот, в силу полномочий от этого высшего собора отдельное лицо имеет власть над низшим собором. Но не само по себе отдельно и самостоятельно, а в силу полномочий высшего собора. Таким образом, низшие соборы повинуются в сущности лишь высшим соборам, но *de facto* - в лице того или другого уполномоченного ими, когда этот последний выражает соборную волю и данные ему повеления и силы. Из сказанного видно, что соборность в Христовой церкви вытекает совсем не из демократических начал, а чисто из божественных, что ее полномочия идут не снизу, от земли, но сверху, от неба, что в ней важна не количественная сторона, а чисто качественная, что эта качественность определяется не человеческими соображениями и критериями, а исключительно историческим преемством полномочий от собора апостолов и свидетельством Святого Духа, проявляющегося в благодатных дарах и единстве участвующих в соборном решении. Теперешнее понятие соборности, как механического и арифметического начала большинства голосов, - полное извращение христианского понятия о ней. И насколько христианская соборность есть власть высшего над низшим, соединенного над разрозненным, любви над разделением, Божественного над человеческим, таинственно-жизненного над рассудочно механическим, внутреннего над внешним, - настолько мирская соборность есть власть низшего над высшим, партийного над общим, эгоистичного над нравственным,

человеческого над Божественным, рассудочно-механического над жизненно-органическим, внешнего над внутренним... Насколько церковный собор есть единый организм, действующий от лица Троицаго Бога на земле силой Святого Духа, настолько мирской собор есть скопище отдельных лиц, помимо Бога старающихся взаимной механической борьбой достичь той или другой чисто человеческой цели. С понятиями соборности неразрывно связано понятие выборного начала; оно точно так же имеет в Христовой церкви совершенно не тот характер, что в современных общественных учреждениях. Во-первых, и по разуму очевидно, что кто уполномочивает, тот и выбирает. И следовательно, раз в церкви соборность с ее полномочиями идет свыше от Бога, от Христа, от собора апостолов, понятно, и выбор идет оттуда же. Троицаый Бог в предвечном совете избрал и уполномочил Христа. Христос избрал и уполномочил апостолов; апостолы своих преемников и т.д. А во-вторых, и сам Христос сказал апостолам: не вы Меня избрали, а Я избрал вас. Отсюда раз и навсегда определен характер соборного начала святой церкви.

Но если в Христовой церкви и соборность и выбор идут свыше по нисходящей лестнице от неба к земле, а не наоборот, то значит ли это, что попирается земля, что деспотически уничтожается низшее? Ничуть. Разве индивидуальность апостолов попиралась? Разве свобода их уничтожалась, КОИ да они были около Господа, Который действовал с вполне независимой от них силой, властью и авторитетом? Разве Господь, организуя их единство, действовал насильственно, не уважая их прав? Нимало и ни в чем. Затем апостолы шли на проповедь, основывали общины, организовывали их апостольской властью в отдельные церкви. Разве они тем нарушали свободу и права членов этой общины? Защищая свой апостольский авторитет, разве они покушались на самостоятельность людей? Ничуть. Свобода и все права оставались у каждого и безусловно уважались. Ничего насильственного не вводилось. Но апостол приходит и призывает людей свободно сгруппироваться вокруг себя, чтобы своей свыше данной силой преобразовать их в живой организм. У всех остается полная свобода идти или не идти, вступить в организм или не вступить, и у каждого остаются полные права, вступив в организм, действовать в нем по своим личным, индивидуальным свойствам. Но организующим центром, направляющим все к нормальной жизни и цели, и источником сил и власти остается апостол. Тут отношение такое же, как души к телу, как семени к земле, в которой оно прорастает. В здоровом состоянии организующее начало вполне властвует над неорганическими элементами, хотя их законы и силы нимало не нарушаются. Плохо было бы, если б низшие неорганические атомы взяли власть над организующим атомом или клеткой. Наступило бы разложение и смерть организма. То же и в церковной организации. Каждому принадлежит свобода вступить в организм или не вступить. Индивидуальные свойства каждого, как и свойства того или другого неорганического элемента, вполне сохраняются. Действия и функции их нимало не нарушаются: став живой частью организма, они приобретают власть над подчиненными им элементами и действиями, как и центры нашей нервной системы имеют подчиненными себе центры и функции организации; по высшим, центральным началом все же должна остаться душа общины, из которой и исходит органическая сила и идея.

XXI. "Истинно, истинно говорю вам; вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились" Ин.6:26

Это было утром после дня чудесного насыщения Господом в пустынном месте истомившейся и голодавшей пятитысячной толпы народа пятью хлебами; после того, как эта толпа, объятая восторгом, хотела захватить Его и сделать своим царем, а Он тайно скрылся от нее по водам через море на противоположный берег; после той бурной ночи, когда ап. Петр, пылко устремившись к Нему по волнам, едва не потонул от охватившего его маловерия. Народ, с рассветом увидев, что Иисуса нет среди его, начал искать Его и наконец нашел в Капернауме. И вот Сердцеведец встречает их проникновенными словами, в которых

вскрывает их душевное настроение, может быть, неясно сознаваемое ими самими: *Истинно, истинно говорю вам: вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились*. Под видом своего преклонения пред учителем они хотели в сущности воспользоваться Им для удовлетворения своих земных appetитов.

В ответ на их вожделения Господь произносит Свою неисчерпаемо глубокую беседу о хлебе небесном. Он говорит им, что не о своей земной, телесной пище, которая все равно не избавит их от тления, они должны думать, а о небесной, духовной, которая даст возможность жить вечно, и которую могут получить только от Него; что не о том они должны стараться, как бы воспользоваться Его силой для своих материальных целей, а о том, как бы самим духовно Ему отдаться с безусловной верой, как носящему на Себе печать Бога Отца, как посланному Им, как сшедшему с небес истинному хлебу жизни. Когда послышался ропот, Господь, не входя ни в какие препирательства, еще точнее определяет свою положительную мысль. Он, и только Он один, есть источник вечной жизни; и лишь тот ее получит, кто сольется с Его духом своею верой, сольется столь неразрывно и всецело, что чрез приобщение себя Ею плоти и крови станет внутренним, сокровенным участником Его духовной личной жизни.

Великий день, когда произнесены были эти духовные, таинственные речи, был критическим днем в земном служении Господа. Оставленный многими даже из своих учеников, Он резко изменяет характер Своей общественной деятельности. Прежде он стремился в народ, ходил, окруженный его толпами, поучал и исцелял открыто. Отселе Он по возможности скрывается от народа, замыкается в среду Своих избранных учеников и готовит их к Своей смерти и воскресению.

Жизнь церкви, этого таинственного тела Христова, имеет в основных своих чертах некоторое сходство с земной жизнью Господа. И это по весьма понятным причинам Земная жизнь Господа слагалась из сочетания двух сил: силы Его Божественной Личности, влекущей людей к Себе, в небесную область его внутренней, духовной жизни, и силы людей, отстаивающих свои низменные, земные, материальные интересы и вожделения. Эти же силы действуют и в жизни земной церкви. Дух Христов неизменно живет в ней, благодатно соединяясь с свободой продолжателей Его дела на земле, и людская природа в своей самоотстойчивости осталась более или менее та же самая. То, что было в тесной рамке Палестины, перенеслось только на широкую арену мира. Что произошло при Божественной свободе Господа в три с половиной года, то неопределенно и неравномерно растягивается, при более широком районе действия, слабой духовной энергией и своеволием людей в долгие периоды, ведомые одному Отцу неизреченной вечности.

Настоящее время напоминает мне едва брезжащее утро знаменательного дня капернаумской проповеди о небесном хлебе.

Что христианские народы мнутя, что они не видят среди себя прежнего Пророка и Учителя, что они разбрелись и всюду ищут Его, - это несомненно. Но это - только внешнее сходство последнего момента, оно лишь вводит нас в глубину истории и во внутреннюю природу того, что мы сейчас переживаем. Спросим историю: что послужило толчком к тому, что под знаменем Евангелия сгруппировались столь многие народы, такие разнообразные общества людей, иногда совсем неподготовленных? Несомненно, она ответит, чудесное насыщение и обновление проголодавшегося и обессилевшего древнего мира. Пред появлением христианства прежние идеалы были все изжиты, в душе - голод, ничем ненасытимый, материальные источники народного благоденствия иссякали, общественная и государственная жизнь приходила в полное расстройство, тоска и отчаяние овладевали лучшими сердцами, и мир для них был мертвой пустыней, откуда нельзя было ждать никакого спасения. Но вот

Христос чрез Своих апостолов влили свежие силы в дряхлевший организм; мало-помалу на крови мучеников возникала новая жизнь; учение Евангелия вносило свет доброй совести и с нею внешнего благоустройства; новые идеалы и воззрения бурно отливались в старые формы, под влиянием мощной духовной энергии избранников, устремившихся ко Христу, мир как будто воспрянул и душевно и физически. Само собой, так сказать, косвенно - и государственная, и общественная, и частная жизнь стала изменяться к лучшему под лучами новой, небесной благодати истинных последователей Христа. Отсюда в глазах языческого мира христианство стало считаться уже прямо символом будущего исторического развития, под Его знамя собралось все жаждущее жизни, к нему приходят новые народы, около него слагаются новые царства. Так сошлось вокруг Евангелия, как некогда вокруг Христа, то разноплеменное, разнохарактерное, иногда совсем к нему внутренне не подходящее общество, которое носит в настоящее время общий титул христианского.

Но вместе с тем тогда же начали обнаруживаться те же самые земные эгоистические инстинкты толпы, какие проявились и после чуда насыщения пяти тысяч пятью хлебами. Как в тот вечер хотели Господа сделать земным царем, так и теперь в Риме в сумерках разлагающегося древнего мира стала смутно носиться в воздухе стихийная склонность облечь преемников Христа земной властью, чтобы чрез то воспользоваться Его чудесной силой для своего материального устройства. И тут произошло нечто таинственное, прообразованное той знаменательной ночью, которая предшествовала капернаумской проповеди.

Но тогда Господь, великий Сердцеведец, зная слабые, малoverные сердца Своих учеников и опасаясь, что их, нетвердых еще в вере в Божественную мощь Его личности и в Ее чисто духовную миссию на земле, может, пожалуй увлечь народное движение сделать Его царем, как только узнал о таком намерении, сейчас же, чтобы отделить их от народа, "понутил" их уехать... И мы знаем, что это сомнение в крепости их веры очень скоро нашло свое оправдание: в ту же ночь первоверховный апостол, отдавшись своему пылкому порыву, чуть было не погиб в волнах под гнетом одолевшего его малoverия.

А теперь Господа на земле воочию среди людей не было, преемников Его апостолов некому было "понутить" избежать искушения земным властолюбием, свободному проявлению его предоставлен был простор, и потому в истории церкви эти минуты вечера и ночи после чуда насыщения - увы! - раскрыты людьми в несказанно грустной, хотя, может быть, в высшей степени поучительной полноте в истории западной церкви... Темная, бурная ночь пред великой капернаумской проповедью растянулась на все средние века и обнаружила тяжкое малoverие преемников Петра. Как он со всем пылом своей энергичной природы устремился к Иисусу, чтобы увероваться в Его реальности, и, поддавшись сомнению, погрузился было в волны, так и Его преемники в Риме, с бурной энергией устремившись осязательно представить на земле Христа, от малoverия в Его чисто духовную мощь поддались соблазну земной царской власти во имя Его и захлебнулись было в темных бурливых волнах исторической жизни... Много борьбы за эту ночь они вынесли, много гигантских трудов положили, но и много самочинного сомнения показали, - и разъяренные волны разгоряченных народных страстей и всяческих людских appetитов совсем покрывали их. Но вот забрезжило утро просвещения; народы, не удовлетворенные в своей жажде счастья и стесненные в своих земных стремлениях, стали замечать, что обновившему мир Христова духа с ними нет; Христос ушел от них неизвестно как и когда, а тот, кто правил ими от Его имени, оказалось, действовал часто лишь сам от себя. С той поры, как заметили, почувствовали это, и начинается продолжающееся доселе бурное и коренное освобождение всех областей жизни от авторитета пап: и вера, и наука, и искусство, и общественная, и государственная сферы, - все сбрасывает с себя наброшенные за время ночи путы и рвется на свободу. Конечно, само собой понятно,

вместе с папским отвергалось много и такого, что касалось лишь внутреннего человека и что принадлежало действительно Христу, но кто же мог разобраться при полном прежде смешении того и другого и при страстной ожесточенной борьбе?

Рядом с этим отрицательным движением, с этой ожесточенной борьбой, которая вызвана самовольной отвагой преемников Петра и которая была направлена только на то, чтобы усмирить и ограничить их, на заре новых веков шло однако и другое, подобное происходившему когда-то и на берегу Генисаретского озера и направленное к тому, чтобы во что бы то ни стало отыскать подлинного Христа, Который чудесно обновил когда-то мир и Которого потом люди как будто проглядели, и Он незаметно исчез из среды их... Но, к сожалению, и здесь накопившееся негодование против папства отразилось крайнее печально. Все положительные поиски Христа стали сопровождаться и доселе сопровождаются стремлением непременно отрешить Его от того Божественного ореола, на который так налегали преемники Петра, конечно, в видах поднятия своего внешнего земного авторитета, и возвратиться к тому воззрению на Него, как на Пророка и Учителя, которое было когда-то в толпе, окружавшей Иисуса. Так явилась реформация, так возникли разнообразные сектантские движения, выродившиеся потом в чистейший рационализм. И в настоящее время мы видим, что христианская философия и этика усиленно стараются строить системы, в которых дух и смысл Христова учения будто бы очищаются от всех якобы позднейших догматических наростов. История со всеми вспомогательными науками старается воссоздать облик Галилейского Учителя, каким Он казался чувственным глазам толпы на берегах Генисаретского озера.

Однако все эти припоминания допапского Христа, все теоретические воспроизведения Его личности не приводили и не приводят ни к чему действительно успокоительному. И это вполне неизбежно и естественно, даже если не принимать в расчет их произвольности и ошибочности. Каковы бы они ни были, они, конечно, не могут заменить собою Христа живого, которого именно и жаждет человечество. Поэтому они никого собственно не удовлетворяют, и разброд мысли и жизни все увеличивается с каждым днем. Поиски желанного Пророка и Учителя принимают иногда какой-то тоскливый характер заметавшихся людей, которые в каждом собственном эхе готовы слышать голос исчезнувшего Учителя. Так будет продолжаться и далее, пока оставшиеся на том берегу народы не обратят своих взоров на противоположную сторону, куда при наступлении средневековой ночи направилась углая лодка восточной церкви с учениками Христа, среди которых, при всем их маловерии и окаменении сердца (Мк.6:52), будет найден и Сам Господь.

Однако зачем же ищут Иисуса? Что от Него хотят? Почему даже те, кто разорвал не только с папством, не только с Церковью, но даже и с Божественной Личностью Христа, невольно и иногда страстно желают стать под знамя того или другого провозглашенного Им нравственного принципа? Государство, каково бы оно ни было, становится под сень Его начал: защиты слабого, охраны святости личности и пр. Общественные реформы и социальные движения, как бы бурны они ни были, провозглашают своим девизом Его слова - свобода, равенство, братство. Открытия и усовершенствования, к чему бы они ни служили, выставляются, как триумфы той нравственной силы, которая дана Им в Евангелии. Нет такого крупного движения, руководители которого не заявляли бы, что они идут по пути к Иисусу, т.е. к осуществлению тех нравственных заветов, которые возвестил великий Галилейский Учитель.

Что все это значит? Что объединяет все эти разнообразные движения в сторону христианства? Что побуждает их развертывать над собой знамя Евангелия? Мне кажется, что я не ошибусь, если скажу, полная уверенность, что Христос, как бы его ни понимали, даст нам земное

благоденствие, что Евангелие, как бы его ни толковали, есть знамя нашего земного прогресса. Испытав крушение многих личных и общественных надежд на пути от Христа, в разгаре бунта против Его преемников, желают попытаться теперь наши их осуществление на обратном пути ко Христу. Все убеждены, что широкие и возвышенные принципы Христова учения, обновившие древний мир, и ныне представляют из себя самый надежный фундамент для дальнейшего построения величественного здания человеческой культуры на земле. Что может быть шире и глубже начал любви, истины, свободы, человеческого достоинства, положенных Христом в основу нашей жизни? Не на них ли только и может вырасти будущее личное и общественное благоденствие человечества?

По-видимому, ничего не может быть естественнее и благороднее такого взгляда на Евангелие. Оно есть знамя земного прогресса; оно должно быть положено в основу нашей культуры, только под его знамение может процветать наша государственная и общественная жизнь, наши науки и искусства, наше общее довольство и счастье. Чего же больше и чего же лучше? Не это ли, действительно, и может объединить теперь разрозненных и заматававшихся во все стороны людей? Не этот ли "подлинный" великий Учитель даст настоящий покой и отраду нашим сердцам и поведет нас прочно по пути всестороннего земного развития?

Но на самом деле все это не так уж утешительно, как может казаться с первого взгляда. Если мы всмотримся глубже, то не можем не увидеть, что в этом преклонении пред нравственной высотой Евангелия, в этом призвании его во главу нашей земной культуры проглядывает старая, знакомая уже нам склонность людей пользоваться Христом для своих материальных вожделений. Толпа на берегу Генисаретского озера, увидав, что Он напичкал ее хлебом, захотела поставить Его царем. После обновления древнего мира в руках преемников Петра действительно очутились прерогативы государственной власти. Теперь хотят поставить нравственного Учителя из Назарета в основу общественной жизни со всеми ее материальными, умственными и нравственными задачами на земле. Мотивы у всех одни и те же, - это мечты о земном рае, где все сыты, одеты, довольны, умны, сильны и пр.

Во время Своей земной жизни Господь скрылся из охваченной могучим народным движением толпы. Преемники Петра поддались соблазну, но опыт потерпел полную неудачу. Что будет теперь? Вероятно, протестантизм, так ищущий "подлинного" Христа в своих субъективных построениях и мечтающий руководить христианским прогрессом, возьмет на себя эту неблагодарную и нехристианскую задачу; может быть, совершится на время преобразование папства, и преемники Петра попытаются отбить честь у реформации стать во главе социальных движений. И на то и на другое есть уже определенные указания в настоящее время. Во всяком случае и этот опыт кончится тоже неудачей. Христос никогда не будет с теми, кто с помощью Его рассчитывает устроить земное царство со всяким комфортом и с общим сытым довольством всех. Рано или поздно Церковь избранных провозгласит от лица Господа во всеуслышание на арене всемирной истории великую Капернаумскую проповедь...

Чудо обновления древнему миру имеет две стороны, как и чудо насыщения пятью хлебами: Божественную и человеческую. Воспринятое с божественной стороны, оно призывает нас всецело, без всяких помышлений о себе отдаться небесной Личности Господа, пришедшего снасти души людей. Воспринятое с человеческой, - оно возбуждает желание пользоваться Его великой силой для своего личного или общественного, но во всяком случае земного благополучия. Мы отозвались на него так же, как отозвалась и та толпа, что окружала Иисуса. Мы все хотим эксплуатировать Христа для своих земных целей, сделать Его источником своего материального благополучия. Мы хотим от Него получать хлеб и благоденствовать... Мы думаем, что Христос будто только для того и существует, чтобы питать нас здесь на земле, снабжать нас всеми благами... И глубоко ошибаемся. Придет время, когда властно и

покойно прозвучат в ответ этим популярным идеям и стремлениям проникновенные слова: *вы ищите Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились. Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын человеческий* (Ин.6:26-27).

Все земное пройдет и рассыплется прахом, все материальное по самой природе своей подлежит тлению, и ничего мы тут не можем поделать. Тщетно мы мечтаем воздвигнуть что-то из этого непрочного материала и воспользоваться для этого силой Христа. Он пришел не затем, чтобы помочь нам построить фантастическое здание из зыбучего песка на зыбучем же песке, которое может смести зараза какая-нибудь космическая буря, не затем, чтобы исполнить сытости и довольства то короткое мгновение, которое мы называем земной жизнью, - а затем, чтобы открыть людям новую духовную действительность, не подлежащую тлению, ввести их в новую духовную жизнь, имеющую продолжаться вечно. Для этого Он в основу и полагает Свою собственную Личность, чрез прививку к которой мы получаем источник новых духовных сил. Поэтому-то Он и призывает к самому тесному единению с Собой, к вкушению Его плоти и крови, чтобы чрез приобщение себя к Его богочеловеческому организму (телу церкви Христовой) мы стали участниками Его духа и таким образом жизненно вросли бы в тот духовный мир, который представляет собой истинную действительность, органически сделались бы членами того духовного царства, к которому человек по своей нормальной природе и призван.

Когда Церковь, оставшаяся носителем истинного духа Христова, провозгласит на весь мир великие речи Господа о таинственном и чисто духовном значении Его Личности, сказанные Им в капернаумской синагоге, - они, как и тогда, вызовут соблазн, непонимание и ропот. Как и тогда, искатели и любители земного довольства и комфорта отхлынут от такой странной, непонятной и непрактичной Церкви, и Христос останется лишь с избранными. Как и тогда, малая, но избранная Церковь будет готовиться Господом к тому завершительному акту земного человеческого существования, который кончится победой Его над, по-видимому, совсем уж было восторжествовавшим миром тления и себялюбия. Много ли, мало ли будет избранных, мы не знаем, но знаем, что нам не должно ничем смущаться. Все, что даст Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон (Ин.6:37).

XXII. "Есть писано во пророцех: и будут вси научены Богом. Всяк слышавый от Отца и навык, придет ко Мне" Ин.6:45

Мы почти никогда не останавливаемся над этими словами Господа. А они, по моему мнению, заслуживают нашего глубокого внимания. В них намечается истинная точка зрения на весьма важные современные проблемы. Но прежде всего, какой смысл эти слова имели для непосредственных слушателей Господа? Он говорит им, что Он сошел с небес. Книжные иудеи возражают; они никак не могут этому поверить; они знают Его отца и мать; как же Он мог сойти с небес? С земной, внешне рациональной точки зрения это возражение естественное и совершенно понятное. Что же Господь на это отвечает? "Не ропщите между собой", т.е. успокойтесь. "Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня". В чем же тут собственно ответ? Очевидно, это мысль общего характера. Она хотя имеет в виду и книжных иудеев, но направлена не исключительно на них. Они только подразумеваются в общем выражении "никто". Господь как бы говорит: не волнуйтесь! Вы, очевидно, не можете Меня понять и в Меня уверовать, потому что никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня. Но, однако, что же этот ответ мог значить для предстоящих возражателей? По своей общности он имел для них много неясного. Книжники-иудеи стояли на твердой традиционной почве. Они были убеждены, что идут по верному пути, предначертанному в законе. Они всегда могли сказать, что они тщательно изучали закон и

пророков, прилежно слушали проповеди Иисуса и поэтому стоят на определенной и ясной дороге научения. Этого должно быть достаточно. Если Он говорит истину, их рассудок, дисциплинированный изучением закона, должен привести к Нему. Если Он говорит понятное и согласное с законом, они Его понимают. Зачем же и какое же нужно еще особое привлечение от Отца? Если теперь оказывается, что простого научения недостаточно, чтобы прийти к Нему, как к Мессии; если Он требует, как условия для понимания слов Его, чего-то особенного, таинственного, - то на что же тогда и научение? Зачем же Бог от них требует, чтобы они изучали Его закон и чрез это приходили к Нему? Зачем же Он Сам до сих пор учил их, разъяснял им во всех синагогах? И вот Господь в дальнейших Своих словах общую Свою мысль применяет частнее к возражавшим Ему книжным иудеям. Он указывает истинный смысл книжного теоретического научения и определяет его частное значение в целом акте веры.

Мы видим, что Он разграничивает два направления, или два тока, в акте веры: то, что исходит от Отца с одной стороны, и то, что идет от человека - с другой. От Отца: и будут все научены Богом; от человека - всякий, слышавший от Отца и навыкнувший, приходит ко Мне. Эти два тока должны быть соединенными вместе, чтобы произошла живая вера во Христа. Если не будет научения, то что же слышать? А если не слышать, то напрасно и научение. Один ток не производит другого, не переходит в него в своем развитии, а должен существовать совместно с ним и независимо от него, чтобы породилась вера. В акте веры и человек и Бог должны действовать самостоятельно. Со стороны Бога будет исполнено все: все будут научены Им. И Господь исполнял и исполняет эту возложенную на Него Отцом миссию всеобщего научения. Вот почему Он всегда так неустанно разъяснял закон и пророков. Но это только одна сторона дела. Господь не полагал, что Его научение само по себе может и должно произвести веру: для этого необходимо должно привзойти особо свободное участие человека. Тот, кто услышит от Отца и навыкнет, придет к Нему. Из сомнений От видит, что этого участия свободы в данном случае нет. Потому Он и не смущается, как неожиданностью, когда видит неверие. Иудеи думали, что научение само по себе приведет их к вере в Мессию. А Господь смотрит на веру как на последствие еще особого акта свободы человека. Он как бы так говорит Своим слушателям: "Я вас учил и учу. Еще пророки возвестили: все будут научены Богом. Я исполняю это пророчество. Я разъяснил и буду разъяснять вам истинный смысл закона и пророков. Кто же из вас придет ко Мне, это уже зависит не от вашего знания и не от Моего учения: оно только открывает вам возможность веры. Но вы можете знать все, чему Я учил, и не уверовать в Меня. Для этого нужно нечто другое. Нужно в Моих речах услышать и усвоить голос живого Отца, Который дал вам и закон и пророков. Тогда вы найдете непременно веру в Меня, потому что "всяк, слышавый от Отца и навык, придет ко Мне".

Таково непосредственное значение слов Господа. Но их глубокий смысл охватывает и весь Израиль, и всю его историю. С произнесением их как будто кончилась целая характерная эпоха. Вся история Израильского народа была лишь школой, чтобы подготовить возможность рождения Спасителя - Мессии и веры в Него. Закон и пророки, все старания сделать изучение его всеобщим, - все служило лишь к тому, чтобы осуществилась именно эта predetermined цель. Пророки, предсказывая наступление царства Мессии, указывали на то, что тогда все будут научены Богом (Ис.54:13). Господь уже прежде в назаретской синагоге (Лк.4:16-22) говорил, что пророчество Исаяи о Мессии исполняется в Нем. Теперь Он прилагает к Себе одно из указанных пророками свойств мессианского царства - богонаучение. Ею деятельность до капернаумской проповеди главным образом была направлена к этой цели. Но вот теперь как бы наступает момент, когда школьная подготовка кончилась, и Израиль призывается к самостоятельной деятельности - к свободной вере. Мне думается, что довольно знаменательно то обстоятельство, что до капернаумской проповеди Господь очень часто учил в синагогах, а после нее - только один раз, и то по истечении почти целого года, притом мимоходом, на пути

в Иерусалим пред последней пасхой (Лк.13:10). Синагогальная деятельность Господа, в которой Он толковал и разъяснял закон и пророков и исполнял миссию теоретического богонаучения Израиля, как бы кончилась с этими словами. С этих но Он ставит средоточным пунктом своей проповеди практическую, живую веру в Себя, в Свою Божественную Личность и - или втайне воспитывает в ней Своих учеников, или же в храме, в этом живом религиозном центре, призывает к ней всех израильтян.

Да, с приведенными словами Господа для всего Израиля падала целая эпоха теоретического богонаучения, и он призывался к той живой цели, для которой оно служило только средством. Но также, как и непосредственные слушатели Господа, и весь израильский народ не ощутил того духовного кризиса, который совершался в этот момент в глубине жизни его национально-религиозного гения. Многовековой период школьного обучения кончался; верховный Учитель объявил ему конец; а Израиль все еще не хотел сойти с насиженной им школьной скамьи и проявить, как подобало взрослому человеку, инициативу свободной деятельной веры.

Случалось ли вам вступать в роковой поток неотвязных, подкупивших ваше самолюбивое сердце лстивых дум? Вы все в его властной стремительной силе. Вы в глубине своего духа смутно чувствуете, что вам должно сбросить эти фантастические чары и приняться за живое, призывающее вас, скромное дело. И однако свободы не хватает, и вы сидите неподвижно, следя внутренним взором за развертывающейся картиной охвативших вас горделивых мечтаний. Натур горделиво сосредоточенных эти мечтания часто одолевают пред концом их книжного образовательного периода. Им кажется, что сладкая, податливая логика их идей, где на первом плане фигурирует их "я", само собой возведет их в то царство славы, образ которого уже разрисован ими в самых малейших деталях. Они с неудовольствием и даже враждебно слушают тех, кто говорит им, что настоящее-то царство славы совсем иное и достигается по иной, не столь податливой логике - свободы, подвига, самоотречения и пр. Совесть втайне подсказывает им, что это правда, но самолюбие и косность приковывают их к тому миру идей, где им так привольно и привычно. И они с ожесточением остаются при своих мечтах, упорно разрабатывая их дальше, питая ими свой эгоизм и усыпляя все более свою энергию свободы.

Нечто подобное совершалось в душе книжных представителей иудейского народа в последние дни его исторической подготовки путем научения к уразумению Мессии. Мечты разрастались. Упорство в изучении деталей закона и преданий увеличивалось. Роковой ноток горделивых теорий все больше и больше сковывал и увлекал свободу, и своим шумом заглушал голос Бога в совести. Руководители иудеев думали, что они прямо, без всякого подвига свободы, будут перенесены с изученных ими закона и преданий в золотое царство Мессии. Они несомненно сознавали в глубине духа ложь этого увлекающего их фатума, но несмотря на призыв Господа, ожесточенно остались при своем. Господь указывает им, что путь к Мессии совсем другой: не путь внешнего механически затверженного знания закона и преданий, не путь теоретического изучения в его самых мелочных деталях, исчисления его букв, скрупулезного расчленения его понятий и наружно-пунктуального исполнения его; а путь внутреннего духовного внимания к живому голосу того самого Отца, Который открылся Аврааму, Моисею и пророкам, путь свободного, самоотверженного преклонения пред Его велениями. Изучение и исполнение закона - только подготовка к уразумению Мессии, только школа к самостоятельной деятельной вере в Него. Разъясняя им закон в их синагогах среди обучаемого Им народа, Господь завершал эту теоретическую подготовку. Теперь наступило время свободного жизненного подвига. Прийти к Нему может не тот, кто лучше всех знает закон и пророков, не законнически просвещенный Израиль, а те, для кого книги и обряды не заменили живого духовного Бога, создавшего всю историю Израиля; те, кто своим вниманием смиренно прислушиваются к Его таинственному голосу и свободно воспитывают себя под его духовным руководством. К Нему придет только духовный Израиль, не отступивший, по мечтательной

гордости и косности, своим сердцем от живого Бога, говорящего в их духе, и готовый ради Него на всякий незаметный извне подвиг.

Таков исторический смысл слов Господа. Но Его речи обладают удивительным свойством. Они так прозрачны и просты, так, по-видимому, доступны всякому пониманию, которое как будто вполне исчерпывает их. Но попробуйте коснуться их дна и окажется, что это - прозрачность страшной глубины. И чем больше вы всматриваетесь в нее, тем более широкие горизонты вам открываются, и чем глубже вы проникаете, тем вернее находите разрешение таким вопросам, которые мучат человечество на самых вершинах его развития.

Уже из предыдущего частью можно видеть, что Господь в рассматриваемых нами словах очень определенно разграничивает два направления не только внешне (от Бога к человеку и от человека к Богу), но и внутренне. Все будут научены Богом. Это собственно значит: все будут богонаучены, т.е. в мыслях всех божественные указания будут ясны, божественное руководство определенно и точно. Такой тон необходимо дается тем, что "научены" - по-гречески стоит "διδακτοί" от глагола "διδάσκω", который и по корню, и по словоупотреблению имеет оттенок теоретического, формального, школьного научения; а "Богом" по-гречески в древнейших списках стоит без члена, т.е. неопределенно. "Всяк, слышавый от Отца и навыв, придет ко Мне". Если в первой половине оттеняется характер теоретический, то в последней - наоборот. "Слышавый" прямо указывает на живое восприятие. "От Отца" по-гречески стоит с членом и указывает на личную силу Его влияния. "Навык" "μαθών" означает нечто переживаемое и практически усвояемое волей. Если "διδάσκω" имеет черту теоретического учения, то "μαθηάω" и по корню, и по словоупотреблению имеет связь с деятельностью воли, с переживанием познанного и воспринятого. Ап. Павел прекрасно выражает содержание этого понятия, как познание радости и силы Божьей в истине (Кол.1:6-7); теоретически учить истине: "διδάκειν", познавать или переживать ее радость и силу: "μαθηάειν".

При таких противоположных оттенках двух половин, Господни слова получают еще более значительный смысл. Должно исполниться пророческому слову. Все будут теоретически богонаучены. Всякий, кто услышит в этом богонаучении голос живого Отца, кто познает Его радость и силу и навывнет в этом, тот придет "ко Мне".

По моему мнению, положенное в основу этих слов воззрение Господа может осветить нам некоторые очень важные стороны нашей современной жизни и предлежащего нам исторического пути.

Прежде всего, это может помочь нам установить христианскую точку зрения на научный прогресс. Мы живем в такое время, когда науки быстро развиваются, изучение внешнего и внутреннего мира идет вперед. Как к этому относиться? Какое место этому факту дать в христианском мировоззрении? Известно, что одни в этом развитии наук видят все; другие - наоборот, готовы считать его за что-то для христианства чуждое и лишнее. Все будут богонаучены - вот христианский смысл истинного научного прогресса, т.е. развития не поверхностных предположений и выводов, а настоящей прочной науки.

Теоретическое раскрытие истины совершалось, совершается и будет совершаться. Тут никаких пределов и ограничений положить нельзя. Это процесс, predetermined Богом в природе нашего ума. Он должен объять все стороны, потому что все будут "богонаучены", а богонаучение необходимо должно быть всесторонним. Поэтому вполне справедливы христианские надежды на то, что истинная наука придет в согласие с откровением Христа. Истина одна. И естественное ее разъяснение путем изучения внутреннего и внешнего мира и раскрытие ее из откровения, - это все один и тот же процесс богонаучения, только с двух

концов, это все равно, как пробивается туннель с двух противоположных сторон горы. Если направления взяты верно, если исполнение вполне точно, то работники сойдутся. Так и в науке откровения и в науке человеческого знания. Если они иногда идут не навстречу друг другу, то потому, что предубеждены взаимно и, вместо того, чтобы следовать точному направлению беспристрастной истины, по чувству или неприязни или боязни уклоняются взаимно в сторону. Но это может только замедлить работу туннеля, в крайнем случае сделать ее вдвойне тяжелой и длинной, но не прекратить ее. Так или иначе та и другая партия рабочих выйдет на один и тот же Божий свет, и противоположные стороны будут соединены между собой.

Знание Божьей истины должно охватить все человечество. "Все" будут богонаучены, и в этом отношении надежды на всеобщее распространение истины между людьми не могут иметь ничего в себе нехристианского. Господь всячески раскрывал истину своим современникам - иудеям, потому что, говорил Он, если бы вы были слепы, то не имели бы греха (Ин.9:41) Незнание истины никак не может быть причиной отпадения от Христа в конце исторического развития человечества на земле. Тогда и оно не имело бы на себе греха. Свет сознания истины должен непременно проникнуть всюду.

Христианин должен поэтому на просвещение смотреть с полным сочувствием. Оно входит в планы спасения мира Христом. Только об одном нужно заботиться, чтобы ум действительно изощрялся в различении истины и заблуждения, добра и зла, а не притуплялся и не подавлялся ни предубеждениями, ни теориями, не основанными прочно ни на откровении, ни на науке, ни, наконец, страстями. Нужно, чтобы просвещение было истинным освобождением ума, а не закрепощением его. Нужно, чтобы откровенная истина была излагаема без уступок и без вражды, вполне ясно и определено. Но и научная истина должна быть сообщаемая тоже точно и ясно, без примеси еще не усыновленной, произвольно субъективного и враждебного. Одним словом, и с той и с другой стороны просвещения самое направление и самый метод работы должны быть определяемы исключительно одной целью - скорейшего и надежнейшего достижения света истины, т.е. богонаучения. Отсюда и направление должно определяться только одним компасом - истины. Отсюда и самый метод должен быть наиболее целесообразным для этого применением умственной силы, - начинать с непоколебимой точки опоры, с центра, с самую существенную и несомненное и в откровении и в науке; затем уже постепенно расширяться к периферии, к менее существенному и не столь твердо установленному. Если мы хотим действительно пробуровать сплошную темную массу всяких заблуждений, то должны, как следует, применять и орудие этого - умственный бурав. Он только и может служить хорошо в том случае, когда взят по верному направлению, поставлен твердо в центр и вращается твердой рукой, захватывая постепенно периферию и систематически подвигаясь вперед Поэтому очень важно с христианской точки зрения, чтобы дело человеческого просвещения было в руках тех, кто действительно стремится к научной истине, а не к своим теориям, и не враждебен откровению. Это с одной стороны. А с другой - в руках тех, кто и в откровении действительно чтит истину, а не талисман, и без предубеждения относится к истинному научному знанию.

Таким образом, прогресс истинного знания и истинного просвещения не только не составляют чего-либо чуждого и лишнего с христианской точки зрения, но в нем должно видеть предопределенный Богом процесс приготовления людей к принятию Христа, процесс богонаучения. Верующий христианин смотрит на него в свете Христовых слов: "все будут научены Богом".

Однако, если прогресс знания и просвещения подготавливает принятие Христа, то это не значит еще, что он есть путь ко Христу. Это только подготовка пути, но не самый путь. Господь

Своими словами хотел именно ответить на невольно возникавший у Его слушателей вопрос: как же это так, Его научение народа не привело к вере в Него? Зачем же Он учил? И вот Господь разделяет эти две сферы и определяет между ними отношения. Научением Он исполнял предначертанное пророками предопределение Бога по отношению к людям. Это, так сказать, работа Божия на ниве людей. Но вера в Него должна быть работой самого человека по отношению к Богу. Она не конец научения, а нечто особое, правда, вырастающее в его атмосфере, но из зерна свободы самого человека. Все будут научены Богом "Всякий, слышавый от Отца и навык, придет ко Мне".

Поэтому и мы никак не можем преувеличивать значения научного и умственного прогресса. Сам по себе он никак не ведет ко Христу. Можно знать истину и к Нему не прийти. Можно представить себе, что свет просвещения проник всюду, теоретическое различие добра и зла вполне ясно - и, однако, веры может не оказаться, и жизнь может быть сплошным отрицанием добра. В психиатрии известно так называемое "резонирующее помешательство". Человек прекрасно понимает и рассуждает, а поступает совершенно безрассудно и нелепо. И это оттого, что действия возникают из другой почвы, нежели суждения и понятия, из почвы воли, которая в данном случае оказывается совершенно ослабленной. То же самое может быть и в отношении веры. Она развивается из свободы человека, которая может быть очень ничтожной при самом сильном развитии ума.

Знание не составляет никакой нашей свободной заслуги. Оно идет и развивается по предопределенным законам, положенным Богом в нашу природу, и под светом откровения, который тоже составляет нечто данное и от нас независимое. Вера во Христа, наоборот, возникает только из свободы и должна привзойти к знанию, как личный подвиг, совершающийся в тайниках нашего духа.

Но тогда, какое же значение для веры во Христа имеет знание?

Возрастание знания есть только возрастание возможности веры. Чем больше расширяется окружность шара, тем более точек соприкосновения с бесконечным, окружающим его. Г. Спенсер приводит это сравнение для уяснения того, что чем больше растет наука, тем больше расширяется область таинственно-непознаваемого и темного, неизвестного. Но это ему так кажется оттого, что он исключает из своего умственного кругозора откровение. При существовании откровенной истины, бесконечное будет представлять не тьму, а свет: и расширение науки при свете откровения прибавляет количество точек соприкосновения человеческой свободы с областью света, где она может проявить себя.

Но наука не только расширяется, но и совершенствуется. А чем совершеннее форма, тем она сподручнее духу, тем удобнее он может пользоваться ею для своих целей. Чем тоньше, прозрачнее она, тем виднее просвечивает сквозь нее бесконечное и тем ошутительнее его дыхание, которым только и может питаться наша свобода. Господь открывал иудеям истину, Он давал этим всякую возможность соприкоснуться с ней и прильнуть к ней сердцем. То же самое делает и всякое теоретическое просветление истины. Оно дает большую и большую возможность возлюбить ее и свободно отдаться ей без всяких корыстных мотивов. С расширением знания наша свобода получает все большую и большую периферию, а с этим вместе может иметь и большее число радиусов, чтобы проявить себя и прийти к обнимающей ее живой истине; не в той, так в другой точке она может найти удобное место для этого.

Что сказано в отношении науки в самой себе, то же можно сказать и относительно ее просветительного значения. Развитие просвещения тоже есть только увеличение возможности веры. Просвещение есть только распахивание почвы. Господь в притче о сеятеле цельную,

нераспаханную дорогу приравнивает душе неразумевашей, а душу разумеющую называет доброй землей (Мф.13:19-23). Развитие просвещения есть собственно все большее и большее раздробление и утончение природных богатств души; цельные груды, недоступные солнцу, превращаются в множество отдельных истин умственных фактов. Целина душевная пашется, и психические процессы происходят в ней быстрее и легче. Зародыш веры в такой почве может скорее найти, за что ухватиться и где найти соответственной себе пищи.

Но само собою разумеется, что распахивание имеет смысл только при существовании зародыша - семени и при существовании в нем силы к развитию. Сколько ни распахивай поле, если нет в нем семян, ничего из него не вырастет. Так, сколько ни утончай природных богатств ума, из него не может вырасти веры, если нет ее жизнеспособного зародыша в свободе человека. Если без вспашки зерно веры легко может не приняться, или быть потоптано, или быть унесено проходящим ветром, то тем более вспашка просвещения без зерна веры не имеет никакой смысла и сама по себе никогда не может привести к живой вере во Христа.

Богонаучение может существовать, возможность веры во Христа может быть очень большая, а все же самой веры может и не оказаться. Это как раз и случилось во время земной жизни Господа. Все было Им сделано, чтобы просветить души, - и однако иудеи, хотя и видели истину, но не приняли ее (Ин.9:41). Так может случиться и всегда. Должна привзойти свобода человека. Господь как бы стоит пред ее святыней и призывает. Насилие не может бросить туда даже и тени своей. Это область Божественная и заповедная. Но увеличивать возможность ее проявления и развития, - это входит в планы Божий, и это именно Он и дает теоретическим раскрытием истины пред светом сознания человека.

В чем же должна проявится наша свобода, чтобы возникла вера? Прежде всею, в познаваемой нами истине мы должны услышать голос самого Бога "Всяк, слышавый от Отца... приидет ко Мне".

Мы можем познавать отдельные частные истины и при этом, не соединять их в одно целое. Это мы видим, как характерную черту, в области современной науки. Очевидно, это не значит в открывающихся истинах "услышать" самого Бога. Если мы читаем отдельные слова в какой-нибудь речи, не связывая их мысленно в одно целое, - это ведь никак не может значить, что мы слышим самого оратора.

Мы можем частные истины соединять в одно общее, находить в них один общий закон и смысл. Так приблизительно бывало в те эпохи, когда философская мысль в своем могучем подъеме старалась охватить своими обобщениями весь налицо существовавший в данное время запас добытых наукой истин. Но это тоже не значит "услышать" живого человека, когда теоретически, отвлеченно понимаешь строй его мыслей, высказанных им в известной системе.

Услышать кого-либо можно только чрез живое общение с ним, воспринимая в каждом слове, в каждой мысли, во всей их совокупности его живую личность. Мы своим сознанием проектируем ее, как причину и источник воспринимаемого нами. Если в познаваемой нами истине мы должны "услышать" самого Бога, это значит, что мы должны ощутить и воспринять Его в ней, так сказать, проектировать внутрь ее Его живую личность.

Эта проекция личности совершается живым синтезом нашею личного сознания. Мы переживаем в своем сознании свое живое "я", как живую основу всего нашего внутреннего мира со всеми его частными явлениями и со всеми его сторонами жизни. Такую же основу или ядро мы переносим и внутрь того, что воспринимаем от другого человека своими чувствами и

мыслью, и переносим не отвлеченно, а непосредственно, всей своей цельной, живой личностью. Такое же живое сосредоточение и перенесение пашет о личного сознания необходимо должно быть в нас и в том случае, когда мы в воспринимаемых нами частных истинах внешнего и внутреннего мира и в их общих законах хотим, но слову Господа, "услышать" живого Бога.

Это сосредоточение нашего личного сознания может быть только продуктом нашей личной свободы. Если для того, чтобы воспринять в ком-нибудь действительного, "внутреннего" человека, мы должны напрячь свою свободу, чтобы по мере своих сил отрешиться от всякой предвзятости, односторонности, от всего частного и на каждое слово, мысль и движение отзываться зараз всем своим цельным духовным существом, - то тем более это свободное напряжение и сосредоточение всего нашего духа необходимо при восприятии Бога во всем многообразии Его мировых проявлений. Нам весьма легко затеряться в них и воспринять их крайне односторонне. Если и в человеке мы теряемся и никак не можем добраться до его настоящей сущности своим непосредственным цельным сознанием и ощущением, то что же сказать о нашем ощущении живого Бога в мировых явлениях? В каком высоком сосредоточении должно быть наше личное внимание, чтобы не рассеиваться той или другой частностью, а сейчас же слышать за ней цельную живую личность, которая объемлет все их в своем личном единстве? Какая нужна свобода, чтобы держать свое внимание выше всякого одностороннего направления, в живом органическом синтезе, не уходя всецело в какую-нибудь одну сторону мировой жизни и не отрешая ее через это от цельной Личности Бога? Мы должны напряженно держать себя в себе, постоянно поддерживать свое сознание в его жизненной высоте и полноте. А для этого нужен свободный подвиг, свободное развитие своей духовной энергии. При слабости и лени ее, сейчас же внимание рассеется, и мы не сможем "услышать" Бога. Пред нами будет или отдельное явление, или одна какая-нибудь сторона бытия, в своей мертвой отрешенности от цельной живой истины.

Для ясности я позволю себе обратиться к примерам из области психиатрии. Своей болезненной рельефностью они могут оказать нам в данном случае большую услугу. Известны теперь факты гипнотизма и внушения, когда человека заставляют одно замечать, другого не замечать, одно слышать, другого не слышать и пр. Самое удачное объяснение этих явлений появилось в последнее время и заключается в теории рассеяния внимания и сужения его. Когда мое сознание мало сосредоточено, или совсем рассеяно (или вследствие болезни, или искусственно), его отвлекают от известных предметов и мыслей и направляют на другие, иногда на одно что-нибудь даже измышленное, фантастическое, даже нелепое, до полного поглощения им. Если сознание самособранно, владеет собой в своей целостности и широте, такое пленение его очень трудно. При восприятии какой бы то ни было частности, оно не теряет связи со всем остальным, и поэтому безраздельное поглощение каким-нибудь одним представлением становится невозможным. Но если я, ослабив свободу, распустил свое сознание и пассивно перебегаю от одного представления к другому, не владея собой, при каждом скачке оставляя за собой все свое предшествовавшее душевное наследие, тогда, конечно, я могу застрять на чем-нибудь одном и быть поглощенным им всецело до полного забвения всего остального. Тогда, конечно, потеряется возможность проверки одного ощущения другим, одной мысли - другой, и я могу очутиться всецело во власти той идеи, которая поглотила мое внимание, как бы нелепа она ни была. Дайте человеку идею убийцы, и он весь уйдет в ее развитие; скажите, что он медведь, и он будет воображать себя таковым.

Таким же рассеянием сознания удачно объясняются и всякого рода душевные расстройства. Может быть или крайнее общее его рассеяние, и получаются формы слабоумия и идиотизма, или, вместе с общим рассеянием, крайнее поглощение его чем-нибудь одним, и тогда будет мания. Может произойти и то, что сознание рассеется, так сказать, по нескольким радиусам

душевной жизни, и тогда получится так называемое расстройство личности, раздвоение и растроение ее, когда больной сознает то одну часть своей душевной жизни, забывая о других, то наоборот, и сообразно этому воображает себя то одной личностью, то другой.

Кроме такого количественного, если так можно выразиться, рассеяния сознания, может быть и качественное. В данное время я буду сознавать только то, что входит в область зрительных ощущений, и ничего другого; в другое время в круг сознания войдут исключительно ощущения и представления двигательные и поглотят его всецело (Шарко, Жане).

Рассеяние сознания может быть результатом органического расстройства и может вызываться искусственно. И при этом научными наблюдениями удостоверено, что для искусственного его вызова нужна личная податливость человека. Кто свободно противится усыплению своей энергии сознания, того загипнотизировать почти невозможно. Внушить известные идеи человеку можно только при слабой энергии его сознания и малом его сосредоточении. К ослаблению и рассеянию его направлены все предварительные условия для гипнотизации и внушения. Болезненные субъекты потому так легко и поддаются опытам, что их свободная энергия сознания ослаблена и подавлена разыми душевными и телесными расстройствами и аномалиями.

Вот что свидетельствуют выдающиеся патологические факты нашего сознания. Мне думается, что они, действительно, разъясняют нашу мысль о том, что требуется в настоящее время от нашей свободы, и что значит вообще для нас, когда Господь говорит, что для того, чтобы прийти к Нему, нужно в открывающейся истине "услышать" самого Бога.

Чем больше всматриваешься в современную жизнь с ее наукой и просвещением, тем яснее видишь величайшее и все пока увеличивающееся рассеяние сознания. Где теперь могучая всеобъемлющая мысль? Где бодрое сосредоточенно-цельное сознание? Где живая бодрость духа, господственно царящая над всем частным и односторонним? Люди науки все поглощены частностями. Люди с философским складом мысли заняты односторонними обобщениями и отвлечениями. Если у первых сознание как бы раскололось поперек и ушло в какой-нибудь уголок, то у последних оно расщепилось вдоль по слоям, и они ушли своим вниманием в верхний слой формальных обобщений. Мне опять припоминается патологический случай, сообщаемый Бине. У истеричного субъекта на анестезированной руке делается пять уколов. Больной ничего не чувствует. Но вот ему предлагают подумать о какой-нибудь цифре, и он именно подумает о пяти; предлагают посмотреть ему на экран - не увидит ли он там что-нибудь, и он видит пять точек. Что это значит? Субъект своим сознанием не ощущает боли, не сознает качественного содержания того, что совершается в нем. Однако каким-то образом до его сознания доходит только количественная сторона факта, его форма. Он сознает где-то в глубине сознания не пять "уколов", а вообще "пять". Мы видим здесь один из частных примеров рассеянности и односторонности нашего сознания. Внимание обнимает только количественную, формальную сторону, а не качественное, живое ее содержание. Такое же рассеяние и одностороннее направление нашего сознания мы можем видеть и в том случае, когда ученый или философ замечает только количественную, механическую сторону открывающихся ему законов мира. Его личное сознание настолько слабо или односторонне, что не чувствует и не воспринимает той личной жизни и того духовного содержания, которое открывается в них.

Просвещение как будто нарочно устроено для того, чтобы рассеивать нас и готовить к опытам гипнотизации и внушения, которыми полна наша современная жизнь. В высокой степени характерный факт, что книги вытесняются журналами, и над последними уже заранее торжествуют победу газетные листки. Ни семья, ни школа не могут быть защищены от этого

вихря рассеяния. Сознание решительно не в силах сосредоточиться и собраться с силами; оно со всех сторон отвлекается и разрывается; всюду новизна и блеск мыслей и фактов, ничем между собой не связанных, ловят его рассеянные лучи и поглощают их.

Удивительно ли, что мы при таком рассеянии не "слышим" Бога ни внутри, ни вне? Мы и людей-то не умеем, не способны слышать. Мы или изучаем их мысли или интересы, или восхищаемся их телом и одеждой, или привлекаемся какой-нибудь случайной чертой, - но где мы найдем сердцеведа, который бы чутко, живым духом, цельной душой проник в нашего внутреннего человека, смог бы откинуть все частное и несущественное и отозваться своим сознанием только на то, что составляет самое святое святых нашего "я"? Да не только таких сердцеведцев, - где мы найдем теперь вообще трезвых знатоков и распознавателей настоящих людей? Мы отвлекаемся частностями, нас очаровывают, загипнотизировывают отдельные черты, и мы из-за них совсем не видим и не слышим человека.

Если у нас не хватает свободы и цельности духа, чтобы не поддаваться натиску случайных впечатлений от своею же ближнего и прислушивайся лишь к тому, что говорит ему настоящий человек, то как мы можем "услышать" Бога? Услышать в вихре легучего бесконечного многообразия всего, ныне познаваемого нами? Какую силу, какую жизненную упругость и цельность должен иметь для этого наш дух? И сколько свободной энергии должно быть устремлено на это? Если нужно много силы, чтобы противиться опытному гипнотизеру в устроенной им обстановке, то сколько же ее надобно, чтобы устоять против гипнотизации современной жизни и ее просвещения и сохранить свободу и цельность духа настолько, чтобы "услышать" в познаваемой истине живую Личность Бога?

Господь именно и призывает нас к этому подвигу свободы. Это будет первый шаг на пути к Нему. Сохранить свое сознание от ненормального болезненного рассеяния и расщепления, беречь и развивать его силу, цельность и жизненную упругость вопреки всем вредным расслабляющим влияниям, возвышать и прояснять его настолько, чтобы оно было способно "услышать", почувствовать цельную живую истину, самого Бога, - вот первая ступень силы нашей свободной души на пути восхождения его в свою царственную область, где он может прийти ко Христу.

Но не представляет ли это непосильного для нас подвига? Если подумать о той стихийной силе вихря рассеяния, которая всюду кружит и охватывает нас, то где и в чем мы найдем опору и помощь, чтобы отстоять живую целостность и гармонию духа? Не должен ли этот вихрь сокрушить и разметать нас с нашими ничтожными пред ним попытками противостоять ему? Как мы можем "услышать" живого Бога, когда нам открываются лишь частные, мелкие, пока между собой не связанные истины, из которых мы еще никак не можем воссоздать ничего единого, а тем более цельного, живого? Можем ли мы из отрывочных, случайно долетевших до нас звуков какой-нибудь неизвестной нам сложной музыкальной пьесы воспроизвести всю ее во всей ее жизненной целостности и полноте? Услышать живого Бога среди вихря современных познаний не есть ли еще более трудная и невозможная задача? На это мы находим ответ в тех же словах Господа, из которых можем видеть, что и опора у нас есть, чтобы отстоять себя, и задача "услышать" Бога, не с таким бесконечным множеством неизвестных, как это может казаться с первого взгляда.

"Всяк, слышавый от Отца... придет ко Мне". Не какого-нибудь неизвестного и чуждого для нас Бога мы должны стараться "услышать" нашим свободно сосредоточенным сознанием, а того самого Отца, творческая печать которого уже лежит в глубине нашего собственного духа. Вот и опора для борьбы; вот и облегчение задачи.

Когда Христос говорил иудеям, что к Нему может прийти только тот, кто услышат голос Отца, то Он этим выражал ту мысль, что Он говорит то самое, что они услышали бы, если бы прислушались к внутреннему голосу своего собственного духа. Он не предлагал им чего-то чуждого, непосильного, что выходило бы за пределы их духовных сил. Совсем нет. Пусть они придут к себе, войдут во внутреннее святилище своей совести, и они услышат как раз то самое, что и Он говорит, и чрез это придут к Нему Самому.

В том и беда была современных Христу иудеев, что они все ушли вовне, все поглощены были непосильными внешними задачами, все отшатнулись от своего внутреннего мира, от своего религиозно-нравственного духа, от своего исторического гения. Они все были как бы в периферии своей душевной жизни и на все смотрели только извне. Они были религиозны, - но в чем состояла их религия? Во внешнем исполнении закона. Они заботились о религиозном воздействии на народ, - но как? Извне. Они были строгие националисты и патриоты, - но опять, какие? Чисто внешние. Они политиканствовали, мечтали о земном царстве Мессии, о борьбе с римлянами и пр. Их сознание совсем не было обращено внутрь, совсем было оторвано от того корня или ствола, который их породил. Господь их призывает возвратиться к себе, и тогда они придут к Нему.

Что должно было происходить в сознании тех иудеев, которые уверовали в Иисуса Христа, как Господа? Они по учению и делам Его увидели в Нем Бога, голос которого звучал в их собственном духе. Этот голос направлял всю историю еврейского народа. Он действовал в глубине сознания их духовных руководителей на их историческом пути, в носителях и участниках их национально-религиозного гения. Им не нужно было напрягать всех своих умственных и душевных сил куда-то во вне, чтобы схватить нечто совсем иное. Нет, наоборот, они должны были услышать самую глубокую свою старину, спуститься к самому корню своей истории, к живому Богу Авраама. И конечно, должны были сделать это не извне, а изнутри, т.е. в своем собственном сердце же ощутить тот живой ток, которым питалась и согревалась вся их история, в своем же собственном сознании прояснить гот образ, черты которого отразились в деятельности их великих представителей. И как только эго происходило, так становилось возможным и признание Христа. Происходил собственно акт так называемой в психологии перцепции, т.е. узнавания. Воспринимая что-нибудь, мы сейчас соединяем его с прежде виденным и таким образом узнаем его. Иногда достаточно нескольких штрихов, даже одной черты, чтобы воспроизвести прежде виденный, знакомый образ, и чтобы повое восприятие дополнилось его чертами. Конечно, перцепция тем легче и вернее совершается, чем интенсивнее и определеннее прежний образ. Поэтому те из иудеев, которые носили в своем духе более ясную печать своего духовного Отца, легче узнавали Господа и легче в Него веровали.

Неверовавшие в Господа иудеи были похожи на тех больных, которые теряют способность узнавать предметы, хотя и воспринимают их. Шарко сообщает, например, об одном больном, что он возвращался на родину, и она ему казалась совершенно чужой, он встретил своих жену и детей и не мог сразу узнать их, один раз не узнал даже самого себя, когда увидел себя в зеркале. Вот то же и с иудеями. Они видели и слушали Господа, ощущали Его силу и влияние, и все-таки Он был для них чужим, они не угадывали в Нем образа Того, кого они называли своим Отцом. Они только называли Его своим Отцом, а на самом деле не чувствовали Его внутри себя, как близкого и родного Отца. Он был для них внешним великим Богом, создавшим историю их народа и обещавшим устроить их счастье, - вот и все. Они и Христа слушали также извне и потому запутывались и терялись в открываемых и проясняемых Им истинах. Если бы они вошли в глубь своего духа, припомнили давно забытое, восстановили давно затертое, сняли те многочисленные скорлупы и покровы, внутри которых лежало зерно

их религиозной личности, - они там услышали бы родной отеческий голос, а это помогло бы им узнать и Христа.

То же самое имеет полное приложение и к нам. Чтобы "услышать" живого Бога в необозримом разнообразии отдельных теоретически познаваемых нами истин, нам нужно перцепировать Его тем образом нашего небесного Отца, который уже живет с самого начала нашего бытия в глубине нашего собственного духа. Если этот образ будет близок и дорог нам, если Его голос будет для нас слышен, то перцепция будет значительно облегчать нас в восприятии Бога во внешнем познании истины. Даже более того. Мы только потому и можем воспринять Бога извне, что имеем Его, как Отца, внутри. Кто ничего не припоминает в себе, тот ничего не увидит и не услышит и вне себя.

Неизвестного себе Бога мы никогда и познать и ощутить не можем. Нашему духу может открыться и быть воспринятым им только известный ему и породивший его Отец. Поэтому-то, чтобы уловить тихое дыхание живого Бога в шумном вихре механического знания и устоять пред бурным натиском последнего, нужно крепко и глубоко вращать сознание в свой внутренний мир и держать его под прямым воздействием говорящего там Отца. Что же мы видим в себе и вокруг себя в настоящее время?

Один из самых главных грехов настоящего века - это увлечение внешним. Наука вся ушла в изучение явлений внешнего мира. Метод и характер мышления получил внешний механический пошиб. Культура и цивилизация состоят в борьбе с природой, во внешнем приспособлении ее к внешней жизни человека, в упорядочении всевозможных внешних отношений между людьми, сословиями и государствами. Все интересы и симпатии - вовне; наслаждения и зрелища поглощают всю жизнь. Все живет только внешними впечатлениями и действует только по внешним мотивам, совершенно оторванно от своего внутреннего, духовного корня.

Нужно ли после этого удивляться, что мы нигде не видим и не слышим Бога? что чем далее, тем более наука и жизнь уходя от восприятия Его? Лаплас справедливо сказал Наполеону, что он нигде не нашел Бога, сколько ни рассматривал неба. Извне Его услышать нельзя, если не слышать Его внутри себя. Мир - без Бога; человек - без личности; тело - без души; все - лишь внешнее сочетание атомов и предметов, - вот неизбежный, логически необходимый результат исключительно внешнего направления сознания. Это такая же истина, как и то, что нож анатома может и должен открыть только материю, но нигде не найдет и не может найти ни мысли, ни чувства. Одно внешнее познание по самой природе своей непременно атеистично. Поэтому-то тщетны все попытки его привести к Богу и Христу. Никакие доказательства, никакая защита, никакое остроумие ничего не может сделать в данном случае: все равно - как ни утончайте нож, как ни старайтесь его искусно повернуть, он никогда не откроет идеи, чувства или представления.

Нужно ли удивляться и тому, что наше сознание совершенно бессильно сосредоточиться, несмотря ни на какое старание в иных случаях? что вихрь внешних впечатлений и знаний так непреодолимо развеивает его во все стороны? что росток живой веры, только что посаженный нами, сейчас же разрывается и искореняется налетевшим порывом механически несущейся и крутящейся внешней жизни? Посадите цветок в банку и вынесите его сейчас же в бурю на открытый воздух. Можно ли надеяться, что он будет стоять прямо и правильно расти и цвести? Не вырвет ли буря его с корнем? Не сломит ли и не разнесет ли его? То же и с попытками нашей свободы возрастить цветок веры в своем сознании, устремленном всецело во вне и открытом для натиска всех стихий внешнего мира.

Конечно, при таком направлении нашего сознания нечего и думать о живом восприятии Бога и Христа. Теперь уже со всех сторон слышатся предостережения и указания всей опасности этого пути. Наука начинает уделять значительное внимание явлениям внутреннего мира. Представители этики и литературы призывают к внутреннему усовершенствованию, к святине совести, долга и любви. Все вообще вопросы о духовном мире человека и о его вечных идеалах, давно забытые и заброшенные, начинают опять подниматься и оживляться...

У нас слышится к этому давно уже призыв. Первые почувствовали необходимость повернуть внутрь наши представители славянофильства. Но и наиболее чуткие носители так называемого западнического направления не отстали в этом от своих противников. Кто читал автобиографию Пирогова и этику Кавелина, тот, конечно, помнит их благородный призыв вовнутрь, к святине духа и его вечных заветов. Наша литература никогда особенно не вдавалась в крайности внешнего направления, но лучшие гениальные представители ее за последнее время ставят борьбу с ним почти своим девизом. Стоит только вспомнить Толстого и Достоевского. Наша нарождающаяся философская и психологическая мысль развивается в этом направлении и ищет тут своих путей. Кто вообще следит за современным настроением, тот может видеть, что все прежде раздробленные потоки теперь в своих лучших представителях начинают как бы сходить ближе и пробивать общее русло. И это русло несомненно носит одну характерную черту: оно идет по внутреннему руслу человека.

Итак, как будто действительно совершается перелом в направлении сознания, из одностороннего порыва вовне оно оборачивается понемногу внутрь. С христианской точки зрения этому можно только радоваться и всячески содействовать, потому что, как мы видели, чтобы прийти ко Христу, нужно предварительно услышать "Отца" внутри нашего собственного духа. Но однако это никак не может еще быть окончательной оценкой совершающегося поворота. Это далеко еще не все. Внутренний мир человека велик и широк и глубок. Сознанию легко затеряться в его бесконечных лабиринтах. Эпохи мистицизма и всяких суеверий - лучшие тому доказательства. И сейчас, разве мы не видим признаков этой опасности?

При оценке современного поворота христианину нужно всегда иметь в виду самое главное - его конечную цель - "услышать Отца" и прийти к Христу. Обращение внутрь только средство, оно не имеет никакой цены для христианина, если им не достигается цель. Тут то же самое, что и при познании внешней истины. Я могу многое знать из нее - и однако не "услышать" в этом многом живой голос Бога. Так и во внутреннем мире. Я могу многое наблюдать, переживать - и все-таки не услышать живой голос Бога. Как там необходимо сосредоточение нашего личного сознания, так то же самое и здесь. Только при этом условии мы можем воспринять личный отеческий голос. Это сосредоточение, эта цельность духа и есть та грань, за которой мы только и можем почувствовать, что пришли к себе, к своему сокровенному святому святых и действительно ощутили голос своего родного Отца... На это и должно быть устремлено христианское сочувствие и содействие. Поворот внутрь должен быть поворотом не раздробленного и рассеянного нашего сознания, а цельного живого духа. Если повернуть туда одну мысль, то кроме мертвого знания внутренних явлений и их законов, ничего не будет. Если погрузиться внутрь своим чувством, то результат - темный мистицизм, если направить туда волю, - то стоицизм и ригоризм. Все это крайне односторонне и с точки зрения живого христианского сознания ложно, так как ни к какому живому Богу привести не может. Еще более, конечно, нежелательны те частные погружения внутрь какого-нибудь одного уголка своей души, которые могут кончиться только извращением всей душевной жизни и ни к чему живому привести никогда не в состоянии.

Голос породившего нас Отца мы можем услышать только нашим цельным живым сознанием, нашим живым "я", и поворот внутрь может быть плодотворным и цельным только при условии этого живого сосредоточения нашего духа. Что же мы видим вокруг себя, в охватывающем нашу жизнь движении? Где эта живая цельность духа? Кто слышит внутри себя родной голос Отца? не фигурально, не отвлеченно, а действительно и реально в живом внутреннем ощущении? Где гармония нашего сознания, сквозь которую звучала бы гармония нашей родины - неба? Я не говорю, кто достиг ее, но кто стремится к ней? кто живо переживает ее, хотя в моментах? кому открылась она, как действительно - родной, нераздельно близкий, интимный голос нашего Отца? Где мы видим работу над воссоединением нашего "я", над собранием рассеявшихся лучей и цветов его спектра в один живой белый свет цельного, ясного сознания?

Современный поворот внутрь пока не уменьшил нашего рассеяния. Я не буду говорить о хаосе настроений европейского человека. Все признают, что какая-то тьма и путаница все больше охватывает его внутренний мир. Но и у нас совершается то же самое. Нельзя сказать, чтобы все наши поиски внутренней правды приводили к согласию. Возьмем пример. Толстой ищет внутренней правды; Вл. Соловьев ищет, по-видимому, ее же; К. Леонтьев стремился к ней же. Все торжественно заявляют, что нашли ее, нашли настоящего Христа, настоящую внутреннюю истину, - и, однако, все между собой в полном противоречии.

Прежние западники ищут внутренней правды в одном направлении; прежние славянофилы в другом. Поэтому, когда поднимается вопрос о ней, - является полная разногласица и взаимное, иногда сознательное, непонимание друг друга... Отчего все это? Оттого, что никто не ищет правды там, где она действительно есть: в живой гармоничной сосредоточенности духа, где говорит наш родной Отец. Стоит почитать этих, весьма часто искренних, искателей правды, особенно в их полемике, и сейчас же почувствуешь, что о живой гармонии сознательного духа, об этой реальной, сейчас под рукой находящейся, правде, нет и речи. Ищут всего, кроме этого; культивируют всякое настроение, кроме ясного, гармоничного; ищут всех путей, кроме этого единственного; прислушиваются ко всем голосам, кроме этого голоса Личного Отца, звучащего со дна нашего живого личного духа...

Кто хоть раз испытал это состояние, тот знает, что оно неразрывно соединено с совершенно ясным и всерадостным чувством "сыновства", с тем невыразимым миром, который овладевает душой по возвращении на родину, под отеческий кров, к самому себе, после долгих блужданий и мук. И это ощущение имеет такой специфический характер, в нем так всесторонне приходит в волнение все наше духовное существо, в нем дрожат такие глубокие струны, такие первичные мелодии, раздававшиеся в нас еще в первый неведомый нам момент нашего духовного рождения, - что ошибиться в нем нельзя: это действительно голос Отца, любовно встречающего нас.

Кто услышал этот голос, кто пережил это блаженство сыновства, тот будет ловить его черты и отзвуки не только внутри себя, но и вовне. И чем ближе и дороже нам эта святость, тем более становимся мы чутки к угадыванию всего истинного, где бы и как бы оно ни являлось, и по самым малейшим намекам и частностям воспроизводим пережитое бесконечно дорогое, живое ощущение сыновства к породившему нас Отцу... Тогда задача познания истины, задача богопознания становится несравненно более легкой. Мы слышим во всем - во всяком законе, во всякой былинке проявление живого Отца, родной голос которого звучит в нас блаженной гармонией нашего собственного сердца... Мы стремимся к этому. Мы жаждем этого. Познание истины обращается в величайшую потребность нашей любви, нашего сердца... Это уже не мертвое знание отдельных истин, не трудный подвиг нашей свободы познать в них

неизвестного личного Бога, а влечение нашего духа, старающегося разглядеть дорогие черты и вслушаться в дорогие звуки родного Отца.

Вот где точка опоры для нашего свободного подвига - жизненно сосредоточить наше сознание, для нашей борьбы с мировым рассеянием в области познания, и вот где надежда на победу жизни в пас самих и в окружающих нас над механическим процессом ее разложения.

Тут и открывается живая задача представителей Христова дела на земле и вся их великая важность для настоящего времени. Они должны быть живыми гармонизаторами нашего духа. Они должны отражать, прояснять и усиливать тот внутренний Божественный голос, который начинает звучать в современном сознании. Они должны увеличивать ту привлекающую силу, которая смутно чувствуется всеми в евангельском призыве возвратиться в распростертые объятия отеческой любви. Они должны призывать и привлекать свободу человека к восприятию родного "Отца" в неудержимо все дальше развертывающемся процессе внешнего механического знания и просвещения.

В этом и состоит второй момент свободного восхождения духа к Богу на пути ко Христу. Первой ступенью было "услышать" голос Бога, т.е. сосредоточить свое духовное живое сознание настолько, чтобы в разрозненных и мертвых частностях познаваемого нами быть способными услышать голос единой живой личной истины. Вторая ступень состоит в том, чтобы живое сосредоточенное сознание направлять не только вне, но и главным образом внутрь себя, чтобы раздающийся оттуда голос "Отца" помог нам перцепировать и внешнюю истину, как голос того самого Отца.

"Всяк слышавый от Отца и *навык*, приидет ко Мне". "Навык" - по-русски "научившийся"; по-гречески "μαθων", т.е. переживший и приусвоивший слышанное. Господь указывает дальнейшую ступень освобождения духа из порабощения природным силам. Недостаточно сосредоточить свое сознание настолько, чтобы, оградившись от рассеяния, ощутить и воспринять голос живого личного Бога. Недостаточно соединить это восприятие истины с Тем, Кто, как Отец, присущ нашему духу. Нужно навькнуть в этом, т.е. пережить и приусвоить это восприятие отеческих велений. Можно воспринять и угадать родной голос, и однако это будет единичным явлением и временным моментом. Сейчас мы его слушаем, а затем занялись другим, - и голос из нашего сознания исчез. Нужно держать свое внимание крепко и настойчиво, чтобы из него раздавшийся однажды голос не ускользнул, а звучал непрерывно, раскрывая свое содержание и жизненную силу. На это, как на дальнейшую ступень восхождения к Себе, и указывает Господь словом "μαθων".

В современной психологии - установленный факт, что наше внимание может усиливать воспринимаемые образы, звуки, идеи и пр. (Рише, Рибо, Жане и др.). Смотря по степени внимания, обращенного к известному образу, последний выступает то более, то менее ярко. Я могу довести интенсивность идеи до высокой степени, если исключительно устремлю на нее свое внимание. Я могу дойти в своем сознании известной истины до почти реального переживания ее в себе. Известно, что таким именно образом происходит стигматизация и множество других явлений, когда внутренняя идея воспроизводится, как полная действительность, и душевно и телесно.

Если где необходима настойчивость в сосредоточении своего сознания, так именно в восприятии голоса Отца. Он не врывается насильственно и не завладевает нашим сознанием помимо его воли. Он слышен может быть только свободе и только по мере свободы. Нужно ее настойчиво устремлять на голос, чтобы он прояснился и внутренне переживался. При ослаблении внимания ослабевает и голос. Это настойчивое напряжение внимания тем

необходимей, что все окружающее, все внешнее постоянно его отвлекает и рассеивает. Среди шума мира и пашей природы нужно очень энергично и настойчиво напрягать свой внутренний слух, чтобы услышать тихий, как дыхание зефира, голос Отца.

Это напряжение внимания не есть что-либо болезненное и одностороннее. Если бы оно было обращено на нечто частное или на одну какую-нибудь сторону дела и всецело поглотилось бы этим, тогда, действительно, вышел бы тот моноидеизм, который можно считать болезненным уклонением сознания. Но в том напряжении, которое дух употребляет, чтобы слышать в словах Господа и в открывающихся истинах мира голос живого Отца, - нет ничего ни частного, ни одностороннего. Совершенно наоборот. Человек при этом обладает всякой частностью и обнимает в живом синтезе все стороны бытия. Если *idée fixe* есть только случай рассеянности, при которой человек невольно ничего не замечает остального и к которой насильственно притягивает все другое, то в настойчивом сосредоточении внимания на живом голосе Отца - полное обнаружение свободы духа и полное преодоление рассеянности. Человек не остается чужд ничему, но все воспринимает в органическом синтезе всеобъемлющей жизни божественною сознанием.

Чем чаще и настойчивее мы будем сосредоточиваться на голосе Отца, тем отчетливее и яснее он будет нам слышаться. Известно, какая бывает разница, когда мы слушаем музыкальную пьесу, или читаем книгу в первый или во второй раз: при повторении все в непосредственном восприятии является нам яснее и отчетливее (Гефдинг). Мало того, и самое узнавание будет происходить все скорее и самое воспроизведение родного, может быть давно забытого, отеческого голоса все легче, быстрее и незаметней. Чем чаще происходит повторение, тем легче, быстрее и бессознательней происходит узнавание. От повторения и навыка уменьшается и время последнего (Гефдинг). Живой голос Отца все чаще и чаще будет звучать при малейших намеках и поводах или из области Откровения, или из окружающей и внутренней природной жизни. Его гармония будет воспроизводиться отчетливее и всестороннее, и все частное в ней будет, как ее отдельные тоны и отзвуки. Так мы будем входить в ту гармонию небесных сфер, о которой грезил Пифагор, Платон и другие натурфилософы, представляя ее в неизмеримых пространствах видимого неба...

Нужно иметь в виду, что вместе с моментом переживания в слове "μαθων" нераздельно связан и момент волевого осуществления. Я навык - это значит, что моя воля достаточно напрактиковалась в проявлении изучаемого и переживаемого. Я сказал бы, что в "μαθων" момент переживания чувством можно перевести словом "привык", "приучился", а момент проявления волей - словом "навык", "научился". Я привык к тому-то, т.е. известный образ или чувство легко во мне воспроизводится и стремится к воспроизведению при малейшем поводе. Я навык тому-то, это значит, что мне легко стало проявлять вовне свою идею или чувство. Эти два момента совершенно нераздельны. В психологии теперь вообще признается, что ум, волю и чувство нельзя представить чем-то изолированным друг от друга. Идеи окрашиваются непременно в тот или другой тон чувства и стремятся к осуществлению. Чувство имеет те или другие идейные черты и тоже так или иначе проявляется. Также и воля соединяется и с чувством, и с какой-либо мыслью. Если так бывает в области нашей стихийной жизни, где все односторонне, где паше сознание в высшей степени рассеяно, то тем более эта неразрывная связь должна существовать в акте нашего личного сознания и внимания к голосу живого Отца. Голос Божий не только дает мысль и радость, но он есть и сила. Именно потому он и есть живой голос, что в нем органически связаны необходимые моменты живого духа, ум, воля и чувство. Именно потому-то и приходится сосредоточить в себе все эти силы в одном акте живого внимания, чтобы быть способным услышать его. Жизнь можно услышать только жизнью же. Мертвые жизни не слышат. Одностороннее не может обнять и воспринять все стороны. Поэтому, если мы слышим голос живого Отца, то непременно слышим его не только

умом и чувством, но и волей, и насколько сильнее при этом переживание его радости, настолько оно рельефнее выражается и в проявлении ею силы.

Мы видели, что чем настойчивей и чаще мы будем прислушиваться к голосу Отца, тем быстрее и легче будем воспринимать его. То же самое и в осуществлении. В психологии известен закон, что чем больше навык, тем больше времени уменьшается для воли, т.е. тем быстрее наша воля отвечает на раздражения, тем быстрее ощущение переходит в область проявления. При полном навыке переживаемая идея сейчас же становится делом, фактом действительности. Мы привыкли бегло читать и писать. Между представлением буквы или переживанием известного чувства и его выражением в известном звуке или букве нет заметного промежутка. Сейчас же идея или переживание переходят в соответствующий факт действительности. Также точно музыкант привык бегло читать ноты, опытный оратор быстро и легко подыскивать выражения. То же самое и в процессе внимательного вслушивания в голос живого Отца. Чем чаще оно будет совершаться, тем все меньше и меньше будет промежуток между его слышанием или переживанием и исключением, или проявлением в действительной жизни. Сначала могут быть всякие колебания. Мы можем не ту ноту взять, которую нужно и которую хотим. Мы можем взять ее нерешительно и после раздумываний. Потом чем дальше, тем вернее и быстрее будет идти дело. Голос Отца и радость, наполняющая наше сердце, будут тотчас же проявляться в жизни. При совершенном навыке, - "слышать от Отца" будет все равно, что непосредственно проявлять слышанное, как для виртуоза - слышать внутреннюю мелодию нераздельно сливается с проявлением ее на инструменте. Так в завершение всего слышание при навыке превращается в жизнь.

Таким образом, в словах Господа мы нашли следующие моменты восхождения нашей свободы с почвы теоретического богонаучения к живой вере во Христа.

Во-первых, нужно "услышать", т.е. сосредоточить свое личное живое сознание настолько, чтобы быть способным воспринять голос живого личного Бога Отца, звучащий в словах Христа и в законах и явлениях мира.

Во-вторых, нужно услышать "Отца", т.е. направить свое живое сосредоточенное сознание внутрь себя, откуда раздается прирожденный нашему духу, родной и сладостный голос породившего его Отца, и перцепировать им свое восприятие Бога извне.

В-третьих, нужно услышать Отца и "навыкнуть", т.е. нужно настойчиво направлять свою свободу на то, чтобы как можно чаще слышать всюду, и внутри и вне, своего Отца, переживать радость его родных духу звуков, и как можно постоянной осуществлять силу его велений.

Постепенно и восприятие голоса будет непрерывней и отчетливей, и узнавание - быстрее и всесторонней, и радость - интенсивней, и проявление - непосредственней и верней. В конце все три момента сольются в один процесс жизни в Боге.

Так дух наш, освобождаясь из рабства рассеяния, постепенно сосредоточивается в жизненный зародыш и возрастает из низших сфер в область высшей духовной жизни, где его обнимает небесная гармония Отца. Здесь-то, по словам Господа, он и приходит к Нему. "Приходит", очевидно, в смысле жизненно органического приближения.

С точки зрения этой конечной цели и моментов, подготовляющих ее и ведущих к ней, и должен христианин смотреть на совершающийся теперь пред ним прогресс научного знания и просвещения, на обозначившийся внутренний поворот в сторону чувства и нравственного

опыта, на задачи человеческой воли в будущем и, наконец, на свое значение и па свои обязанности в настоящем.

В рассмотренных словах Господа он найдет для себя указание и цели, и путей, и их исходной жизненной почвы, и притом в такой сжатой органической формуле, которая могла принадлежать только божественному разуму и божественным устам:

"Есть писано во пророцех: и будут вси научени Богом Всяк слышавый от Отца и навек, приидет ко Мне".

XXIII. "Сын человеческий... пришел... чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих" Мф.20:28

Теперь нередко называют ветхозаветным и схоластичным церковное определение тайны нашего спасения в такой формуле: Христос пришел и пострадал, чтобы удовлетворить правде Божией и искупить нас от вечного гнева Божия. Что такое гнев Божий? Что значит "искупить"? Все это находят совсем не согласным с современными нравственными и юридическими понятиями. Хотят просто утверждать, что Христос возлюбил людей и пришел дать им радость и вечное счастье любви. Но, с одной стороны, это не решает вопроса, почему же нужна была такая крайняя мера, как страдание и смерть Сына Божия; а с другой - первая формула гораздо шире и глубже разъясняет дело. Бог пребывает в вечности, и все в Нем вечно. Как Бог Отец, Он - вечный разум, вечное сцепление причин и следствий. Все в Его Божественной жизни закономерно, и каждое звено в этой цепи закономерности имеет вечную связь с остальным, вечные следствия себя... Ничто в Боге не изъято из этой логической необходимости и закономерности. И человек, будучи образом и подобием Бога, объятый и проникнутый Его законом, находится в той же атмосфере вечной разумной необходимости. Каждое его действие неизбежно влечет за собой бесконечный ряд следствий. Вступив на путь удаления от Бога, человек тем самым навеки определил себя, ход своего существования. Начальный шаг определил все остальные шаги по наклонной плоскости бесконечных причин и следствий. Жизнь падшего человека стала процессом постепенного развития зла и неизбежной с ним муки, правосудием, карающим его, мрачным огнем гнева Божия, от власти которою он не имел никакой силы и возможности избавиться. И так, человеку, в силу именно его богоподобной природы, рассчитанной на вечность, предстояла вечная гибель, т.е. вечный путь к измельчанию, к уничтожению - без надежды, однако, уничтожиться совсем.

Как же можно было спасти человека? Единственно: противопоставив одной бесконечно развертывающейся цепи причин и следствий другую, столь же бесконечную и ей прямо, противоположную, ее нейтрализующую, ее побеждающую. Если человек роковым образом катится вниз по пути измельчания и омертвения, - и это предстояло ему без конца, - то только ставшая на пути его бесконечная же сила жизни, направляющаяся к Богу рядом тоже закономерных причин и следствий, могла спасти его. Правосудие Божие неизменно, Его законы неуничтожимы. Раз человек попал на их путь, - он в их вечной власти; но если на пути этого вечного правосудия и смерти ставится сила возрождающая, то, конечно, она будет спасать человека, не изменяя ничуть закономерности Божией; силе правосудия противостоит сила любви, столь же закономерная и реальная, как и сила правосудия. Это именно и исполнено во Христе. Он, сделавшись человеком, стал на пути человеческом. Мы идем по пути омертвления, - Он стал силой и источником нашего возрождения. Эгоизм и злоба людей привели Его на страдания и крест, - но чрез это именно, в этих Его страданиях и смерти, и положено начало Его возрождающей силы. Принимая на себя идущие прямо на встречу Его, беззакония и грехи мира, Он противопоставляет их силе Свою силу благодати и вечной жизни, страдая животворит, силой Своего воскресения побеждает смерть, любовью покрывает

правосудие Божие; короче, Собою созидает искупление людей. Он в строгом смысле слова Искупитель мира, так как принимает на Себя всю тяжесть мирового греха и озлобления. Хорошо говорит один современный духовный писатель. "Искупление факт не юридический, но и не субъективно нравственный. Он есть факт жизненный, т.е. имеющий в своем существе закон жизненного общения личностей и вообще элементов жизни. Потому-то он и есть тайна. Христос действительно берет на Себя наши грехи и недочеты, но не юридически, т.е. не отвлеченно-формально, и не субъективно-нравственно, т.е. возбуждая Своим примером и нас к добровольному покаянию и страданию, а жизненно, т.е. принимая в свою гармонию все наши грехи, которые мы свободно к Нему повергаем, возмещая их и изглаждая их ею".

XXIV. "Скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто имеет власть свергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь" Лк.12:5

Почему теперь так замалчивают учение откровения о власти Бога над нами: о Его праве требовать, чтобы мы безусловно покорились Его воле под опасением в противном случае великих и тяжелых страданий? Власть Бога над всем сотворенным - такой же непреложный закон, как и закон притяжения, круговращения планет вокруг солнц и боковых солнц вокруг центрального солнца. Кто будет противиться этому закону, не хочет признавать его силы, станет действовать вопреки ей, тот погибнет, того в конце концов она заставит путем всяких страданий повиноваться себе. Почему же наше повиновение Богу должно быть меньшим законом и меньшей духовной необходимостью? Почему разумно указывать на закон и силу притяжения и неразумно разьяснять закон безусловного повиновения Богу в духе? Говоря: о любви, о премудрости Божией, но не о власти Его. Но и любовь и премудрость не только не исключают власти, но именно и проявляются в ней. Разве в непреложных законах притяжения не проявляется любовь и мудрость? и однако мы, видя и то и другое, указываем на их власть и силу и непренеменяемость. Почему не должно быть того же отношения к законам притяжения духовного - к законам послушания и власти? Эта власть проявляет любовь и мудрость Божию; это несомненно; из того, что эта власть духовная, выходит только то, что мы должны повиноваться ей духом, т.е. добровольно и сознательно, но это не значит, что ее нет, что ее непреложной принудительной силы не существует. Это значит только, что она не давит своей темнотой наше сознание и свободу, а приводит его внутренне к подчинению себе. Но и при добровольном и сознательном подчинении она все же остается силой со своими непреложными законами. И кто противится ей, тот падает под из тяжестью и терпит также закономерно страдания и несчастья, как и от нарушения физических законов. Теперь наука много говорит о том, что человек должен изучить природные силы с их законами и, поняв их смысл и значение и добровольно подчинившись им, с помощью их гармонизировать свою жизнь, возвысить ее той и достичь возможно большего счастья жизни. Не то же ли должно быть и в отношении законов власти Божией над нашим духом? Мы должны познать их; их требования нам предъявлены самим Богом в откровении. Мы должны вникнуть в их смысл, почувствовать открывающуюся в них любовь к нам Божию, должны сознательно и добровольно подчиниться им и чрез них достигнуть радости и счастья в Боге, которые неразлучны с ними, ибо в них и заключаются... Но однако мы должны знать, что, несмотря на наше добровольное подчинение, это - все же законы и законы непреложные; что это власть и власть непреодолимая, должны знать это, потому что это так и есть, потому что это непреложная действительность; нам необходимо это знать, так как только это сознание предохранит пашу слабую волю и коварный рассудок от многих безумств, зол и лукавых изворотов, как предохраняет твердое знание непреложности физических законов от безумного противления им и близоруких попыток обойти их власть. Забвение и умалчивание о силе и власти Бога и рассуждение только о милости и о любви Его ведут к тому, к чему новела бы мысль, что огонь может смилиться и не сжечь тою, чем мы нарочито или легкомысленно сами его разжигаем. Безумная мысль, ведущая только к истреблению жизни. И св. отцы

Церкви величайшим грехом почитали односторонне легкомысленную надежду исключительно только на всепокрывающую любовь Божию без благоговейного страха пред святым правосудием Бога.

XXV. "Есть так называемые боги или на небе или на земле, так как есть много богов и господ много, но у нас один Бог Отец, из Которого все и мы для Него" 1Кор.8:5-6

Нелепо и безрассудно спрашивать, есть ли вообще Бог, и нужно ли в Него верить. Все эти вопросы и связанные с ними муки показывают лишь, что мы живем в заколдованном кругу отвлечений и призраков и не видим действительной жизни, которой реально, на самом деле, живем. Помимо всяких наших вопросов у каждого народа и у каждого человека, пока мы живы, есть свой бог. Без этого невозможна реальная жизнь. Что такое бог? В действительности, бог есть сила, которая могучее всего не свете, которая победит все, и пред которой в конце концов все должно преклониться. Вот смысл того ощущения, которое мы реально переживаем при слове "Бог", если, конечно, попытаемся, чтобы это слово проникло в нас глубоко и нашло там свое жизненное содержание.

Но теперь вопрос: кто же не верит в одну или несколько сил, которые и сейчас, по его мнению, главенствуют и со временем завершат собой ход мирового развития? Например, если кто-нибудь из нас имеет хоть какие-нибудь мало-мальски определенные мысли, даже и не мысли, а вообще какую-нибудь определенность настроения и жизни, - разве он может не признавать, не верить во что-нибудь одно: или в то, что мертвая материя, в конце концов, одержит победу, или что дух будет обладать ею; что история вселенной закончится смертью и разложением, или что она завершится полным расцветом жизни. Пусть это признание недоступно большинству в виде сознательной, отчетливой мысли, но в жизни - как он может не признавать того или другого? Ведь должен же он отдавать предпочтение или своему телу или духу, - пить, есть и веселиться, или подумывать, что действительная сила не в этом, - это все пройдет, будет побеждено, - а сила в другом: в душе, в вере, в молитве и пр.?

Заглянем в себя, в свою жизнь. Ведь должны же мы иметь там какое-нибудь направление, должна же у нас быть какая-нибудь сила, которая главенствует, дает некоторый тон и характер нашей жизни. Ведь не может же быть у нас совершенное безразличие, где ничто ни над чем не преобладает, ничто вокруг чего-то не группируется, где все рассыпается на отдельные силы и факты без всякой связи. Этого никак не может быть. Так вот в этой силе, которая в нас преобладает, которая ведет за собой нашу жизнь, и есть наш бог, бог - то, за чем мы идем. Мы только и думаем о том, как бы побольше и послаще поесть и попить, и наслаждаемся этим насколько можем: это значит, что наш бог - чрево. Это никак не аллегория, а грубая действительность. Если бы мы были наивно последовательны, для нас ничего не было бы странного обоготворять его в том или другом образе или символе. В самом деле, нет решительно оснований, почему бы не обоготворять эту силу. Раз я вижу, что в мире только и хорошего, что поесть и попить, что в жизни и есть только этот блаженный дар, которым нужно пользоваться и вокруг которого нужно располагать свою жизнь, - почему же не воздать ей почтения, не считать ее лучшей силой в жизни, благостнейшей по своим внутренним достоинствам? Если ни от чего другого нет такого удовольствия, как от процесса питания, если это единственное, чем хороша жизнь и на чем она держится, - то почему же это не высказать прямо и в мысли, сказав: это и есть то, что есть божественного в жизни, и я преклоняюсь пред ним: все другое и само по себе пустяки, и радости никакой не дает: мой бог - мое чрево и его процессы питания? То же самое можно сказать и в отношении других сил внутри нас. Всмотримся в дело попроще, без предвзятых мыслей. Если я признаю в жизни, что вот такая-то сила в мире самая главная; она должна все подчинить себе, - сейчас или в будущем, все равно, - почему бы я не мог назвать ее для себя богом? Что же иное, таком

случае, был бы для меня бог? Ведь я не сомневаюсь, что эта сила властнее или привлекательнее всего, - почему же мне не преклониться пред ней? Это совершенно естественно и выходит само собой. Что же такое и бог, как не то, что в конце концов одержит победу над всем? Иначе никакого другого реального смысла нельзя с ним и соединять. Да и никто в действительности не соединял и не соединяет.

Я нарочно выбрал грубый пример, чтобы и на нем показать, что в жизни каждый непременно признает какого-нибудь бога или нескольких. Если мы обратимся к людям с более благородной натурой, с сознательным направлением жизни и деятельности, то там тем более найдем подтверждение данной мысли. Прежде всего, верит ли такой человек в себя? Базаров у Тургенева говорит где-то: "Эка штука - верить в себя. Всякий дурак в себя верит!" Но это не такой пустой вопрос, чтобы с ним можно было покончить насмешкой. Тут все дело в том, чтобы вдуматься в себя и спросить: а верю ли я в свою деятельность? верю ли в силу своих принципов? Правда ли, что та сила, которой я служу, действительно, в конце концов должна одержать победу над противными силами? Или же я сам не знаю, кому служу и на кого работаю? Конечно, так нельзя говорить добросовестному работнику, и он обязан спросить себя: верит ли он в свои принципы? А это не что иное, как допрос: есть ли у него бог, и каков он?

Если он скажет себе, что служит правде, что правда должна победить все, то этим самым он признает, что правда есть всепобеждающая сила, что она восторжествует надо всем, что, следовательно, она для него - Бог. Я верю в силу любви; верю, что она преодолет все враждебные ей силы, и поэтому всячески стараюсь служить ей; это значит, что она для меня - Бог.

Я верю в торжество личности, в то, что она есть верховная сила; значит, я признаю, что истинный царь всего - личность, что она восторжествует над всем затемняющим и ослабляющим ее, т.е. что она - Бог всего. Но наша современная жизнь потеряла свою цельность, и наша мысль стала еще более лукавой, трусливой и непоследовательной, чем была прежде. Мы говорим, что мы признаем силу и значение за многим другим и не только за материальным, но и за духовным. Но ведь вопрос не в том, что мы признаем, а в том, за чем мы идем. Ведь и бесы признают истинного Бога, а все же они - бесы, и для них действительный бог - диавол. Бог есть конечный пункт жизни, а не конечный пункт теории. Ведь если мы знаем, что нам нужно ехать в Крым, а сами едем в Архангельск, то ведь приедем непременно в Архангельск; и как бы отчетливо ни знали, что в Крыму растет виноград и что там тепло, - все же будем во всецелой власти страны мхов, тундр и холодов. Тут ничего поделаться нельзя... Теория, фантазия никогда не превозможет жизни.

Мы как будто не понимаем, каким это образом древние язычники поклонялись идолам; на самом деле они только представляли в конкретных символических формах то, что и поднесь постоянно совершается. Разве не безумие - отдавать всю свою жизнь страсти наживы? Ведь есть люди, которые все свои помыслы, все чувства, все движения своей жизни подчиняют этой страсти и даже прямо жертвуют жизнью, умирая с голоду на сундуках с золотом. Разве это не самое беззаветное и последовательное язычество? Разве это не очевидное поклонение ложному призрачному богу? А поклонение силе, власти? Разве мало жрецов этого ложного бога, и разве мало жертв ему? И множество таких богов, которые прямо ложны, не имеют всепобеждающей силы, и которым мы в действительности, однако ж, служим и отдаем свою жизнь. Что мы не строим им храмов и кумирен, это ничего не значит; это показывает только, что мысль подточила нашу фантазию, разъела беззаветную цельность чувства, - но отсюда еще не значит, что ложный бог перестал быть для нас богом потому только, что мысль разрушила их капища и храмы.

Таким образом вопрос совсем не в том, есть ли бог, и нужно ли верить в него, а в том, какой у нас бог, и стоит ли верить в него? Первый вопрос - праздный, академический, покоящийся лишь на недоразумении. Второй - совершенно реальный и имеющий важные практические последствия. Бог какой-нибудь у каждого непременно есть, но только какой бог: есть боги ложные, и есть Бог истинный.

Ты будешь служить золотому мешку, всю жизнь отдашь на служение ему - и, конечно, твой бог обманет тебя; он окажется ложным и бессильным дать тебе мир, радость и здоровье. Ты можешь верить, что только наслаждения дают смысл жизни и составляют ее истинное, божественное содержание - и, конечно, этот бог окажется лишь тщетным кумиром, призраком твоей любострастной фантазии.

Но кроме ложных богов, есть и истинный Бог. Когда почувствуешь вечную ценность личности, вечную ее красоту, всепобеждающую силу ее нравственного блага, тогда уверуешь, что совершеннейшая личность должна все победить, что ради нее только должно работать и только ей можно отдавать свою жизнь; тогда конечной целью всех твоих стремлений будет вечная Личность, исполненная бесконечного блага, бесконечной свободы и самосознания, - это и есть истинный Бог. В конце концов Он все победит, и мы бесконечно счастливы, что можем служить Ему, единому истинному Богу.

XXVI. "Милости хочу, а не жертвы" Мф.9:13

Т.е. не внешнего соблюдения передо Мной формы Моего закона, а внутреннего исполнения его духа в применении к людям.

Внешняя жертва есть лишь символ внутренней и без последней есть мерзость пред Богом (Ис. Гл.1).

Наружная правда наша должна быть обнаружением внутреннего света, потому что боговедения Бог хочет больше, чем всеожжения (Ос.6:6).

К нам, христианам, это нравственное указание Господа имеет более тонкое применение. Для нас любовь и сострадание к ближнему стали уже законом, очевидным для каждого. Хотя есть еще очень много и таких христиан, которые полагают свою праведность только во внешнем исполнении законов богопочтения; но это лишь недоразумение, и в глубине их же собственной совести они находят смутный укор за лукавство пред Богом. Но есть другой сорт людей среди последователей Христа, которые более тонко и потому более опасно нарушают рассматриваемое нами правило. Это люди, сделавшие для себя из нравственного закона любви к ближнему закон внешний, подобный древнему закону жертв и всеожжения. Исполнение закона любви они полагают во внешних благодеяниях, в материальных жертвах благотворительности, без участия внутреннего огня любви к тем, кому они благотворят, без той милости сердца, без которой жертва наша есть мерзость пред Богом.

К таковым слова Господа: "Милости хочу, а не жертвы" - имеют также свое полное применение. И на них особенно требуется обратить внимание в настоящее время. Бог не может довольствоваться нашим принесением одних только внешних жертв благотворительности. Он не жертвы хочет, а милости, т.е. внутреннего любовного отношения к ближнему, мудрой отзывчивости к скрытым причинам его бедствий и предупреждения их, а не наружного только материального благотворения, не исцеляющего внутренней болезни, а только временно облегчающего ее, и дающего лишний повод нам гордиться своею мнимою праведностью в исполнении Христова закона - любви...

XXVII. "Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил, и еще прославию. Народ, стоявший и слышавший это, говорил: это гром; а другие говорили: Ангел говорил Ему" Ин.12:28-29

Для грубой толпы прозвучал только гром, для лучших из нее людей - в этом гrome послышался голос ангела; для Господа - это была целая ободряющая речь Небесного Отца к своему возлюбленному Сыну. Для его это было Божие чудо, для окружающей Его толпы - просто гром, одно из естественных явлений, не более. Он, конечно, поразил ее, но внутренне не повлиял на нее, не открылся ей в своем духовном значении; он был для нее лишь внешним знаменем, а не внутренне цельным чудом. Из этого мы видим, как значение и влияние чуда постепенно раскрывается по мере развития духовного человека; оно и запоминается, и приносит жизненные плоды только по степени его к тому подготовленности и восприимчивости. Потому-то Христос творит чудеса, повинаясь внутренним мотивам любви, сострадания, может быть, желая повлиять на избранных; по Он систематически избегает народной молвы и не дает народу чудесных знамений. И это понятно. Его чудеса были бы только *зрелищем*, которое, может быть, постарались бы эксплуатировать в свою пользу низшие человеческие инстинкты (как и показывает намерение народа поставить его царем над собой после чуда с хлебами). Совершенно объясняется психологически, что чудеса не могут оставить прочных следов в грубой, внешней, обыденной душе. Им не к чему прицепиться, нечего воспламенить, не с чем срастись... И они должны скоро оставить душу, отлететь от нее, как горох отлетает от стены.

Говорят, что чудеса только для толпы. Наоборот: толпа именно самая неблагодарная среда для истинных чудес. Для толпы чудо только минутное зрелище. Она если и сохраняет его в памяти, то только по блеску и внешнему величию. Оно если и воспринималось, то совершенно внешне, волшебнo... Чуда в его истинном значении доступно только внутреннему зору; оно воспринимается только подготовленной почвой: оно в ней только и может сохраниться... И чем богаче почва души со стороны ее внутренних переживаний, чем выше ее стремления, чем глубже ее перевероты, тем чудо лучше воспринимается, лучше запоминается и больше приносит плодов...

Чудо само по себе есть нечто выходящее из обычного круга явлений, ни с чем обычным тесно не связанное. Понятно, что оно не удерживается прочно и живо в памяти, как блестящий и необычный сон... Есть условия, благоприятствующие памяти чуда. Именно, когда оно отвечает на глубочайшие внутренние запросы души, когда оно попадает в крепчайшую ассоциацию чувств, стремлений и становится точкой перелома всей внутренней жизни, - тогда, конечно, оно удерживается в памяти прочно и ложится в основание новой жизни. Таково было чудо явления Господа Савлу на пути его в Дамаск.

XXVIII. Мк.10:2-12

Мы говорим о разводе как о юридическом акте, который уничтожает юридические отношения между мужчиной и женщиной, считавшимися пред законом доселе мужем и женой. Эти отношения могут касаться разных сторон: общих их детей, их имущества и пр.

Мы спрашиваем: позволителен ли, нравственно оправдываем ли такой развод? возможен ли он вообще с нравственно-религиозной точки зрения? и если возможен, то в каких случаях? Что сказал Христос относительно этого?

Приводят слова Христа у Марка и Матфея (19). Одни выводят, что Господь допускает развод, но только по вине прелюбодеяния; другие говорят, что не допускает даже и по этой вине.

Я думаю, что Господь совсем не имел в виду того, что мы называем разводом, и ни утвердительно, ни отрицательно не отвечал на него. И спрашивающие фарисеи, и отвечающий Господь имеют в виду не юридически внешние отношения между мужем и женой, установленные людьми, а самые брачные, супружеские отношения, установленные природой и Богом.

Мы из-за юридических отношений упускаем из виду отношения природные; мы смотрим на брак как на законную сделку ради внешне совместной жизни и относительно ее хлопочем или о ее неразрывности, или, наоборот, о том, чтобы она могла более свободно разрываться. Одни находят, что неразрывность стесняет свободу мужчины и женщины и, следовательно, мучит их; другие, наоборот, думают, что если допустить свободу юридического разрыва, то пропадет семейная жизнь, будут постоянные перемены отношений, и мук будет еще больше... Но все имеют в виду именно юридическую сторону брачного союза, брак как общественное установление...

Прежде юридическая сторона не затемняла естественной и религиозной; она не была так сложна и не вызывала стольких забот, как в настоящее время. В браке видели брачные отношения между мужчиной и женщиной; остальное было следствием и обстановкой главного, природного факта.

Фарисеи что спрашивают? Позволительно ли мужу отпускать свою жену? Что они хотят сказать? в чем их тайная цель? в какое противоречие они хотят поставить Господа? По Моисееву закону муж и жена могут расходиться и почти свободно вступать с другими в новые супружеские отношения, по очень незначительным причинам. И раз эти причины написаны в разводном письме, женщина считала себя свободной и шла к другому мужчине, ничуть не считая этого прелюбодеянием. Точно так же и мужчина, отпустив жену, сходил с другой женщиной - и опять не считал этого грехом прелюбодеяния...

Господь еще в первый год Своей проповеди был против этого. Теперь фарисеи хотят публично поставить Его в противоречие с законом Моисеевым. Они спрашивают: нравственно ли, или составляет ли грех прелюбодеяния, если муж отпускает свою жену и женится на другой? Они предполагают одно из двух: если Христос скажет, что тут нет никакого нравственного проступка, то значит Он будет противоречить Себе; а если скажет: да, это прелюбодеяние, - тогда Он станет в полное противоречие с законом и признает его безнравственным. Весь вопрос именно в нравственной оценке того факта, когда муж и жена расходятся и вступают в новые супружеские связи.

Что же отвечает Господь? Он прежде всего указывает, что если Моисей дал им такое позволение расторгать супружеские отношения, то только по их жестокосердию... И затем Он раскрывает истинный смысл и истинную цепу супружеских отношений. Бог создал мужчину и женщину как нечто единое. Поэтому и мужчина, вступающий в брачные отношения с женщиной, осуществляет на себе лишь этот божественный закон телесного единства. И муж и жена после этого составляют одну плоть. Таков божественный закон природы. И поэтому ни муж, ни жена не имеют нравственного права разделять свои тела, разрушать то единство, которое установил Бог... Поэтому ни муж, ни жена никак не должны вступать в связь с другими - это есть прямое нарушение божественного закона телесного единства. Таким образом, если муж отпустит свою жену и женится на другой - он прелюбодейца. Если жена отпустит мужа и, оставив его, выйдет замуж за другого, - тоже прелюбодейца; и та женщина, которая сойдется с тем мужем - прелюбодейца...

Итак, что же Христос сказал? То, что раз мужчина и женщина сошлись как муж и жена, они должны смотреть на себя, как на одно тело; всякое нарушение этого единства есть нарушение Божественного закона, и, следовательно, есть прелюбодеяние.

Как же относится вопрос о разводе в современном смысле слова к словам ответа Господа? Мы, собственно, спрашиваем: можно ли признать юридически не мужем и не женой тех, которые были прежде фактически таковыми, но теперь не таковы? А Христос и говорит в Своем ответе: всякое изменение супружеских отношений есть прелюбодеяние, т.е. нарушение Божественных установлений брака... Очевидно, ответ Господа никак не может подходить к тому вопросу, который мы Ему предлагаем. Мы спрашиваем: можно ли юридически признать несуществующими отношения, раз они фактически нарушены? А Господь отвечает лишь на вопрос: можно ли нарушать супружеские отношения? Он отвечает: нельзя, - это будет прелюбодеяние, хотя бы это было совершенно и по самым законным основаниям.

Нам, собственно, нет дела до того, нарушены или не нарушены фактически брачные отношения; а для Христа именно в этом вся сила. Нам лишь нужно знать: можно ли юридически признать это нарушение фактом; а для Христа это решительно все равно. Признаете ли это вы или не признаете с внешне юридической точки зрения, - для Него это дело ваше, ваших законов, вашей сообразительности. Для Него, раз женщина сошлась с другим мужчиной, кроме мужа, - брак уже нарушен, его уже нет... Какие бы ни были к тому основания - это есть нарушение того единства плоти, которое Бог установил как закон в супружеских отношениях, и следовательно - прелюбодеяние... А уж как вы посмотрите на это с внешней, мирской, юридической стороны, - этого Христос не касается.

XXIX. Ин.19:28; Ин.12:14-16 и др.

Что такое прообраз?

Божественная истина является нам в образах и, будучи бесконечно разносторонней, рассыпается и отражается своими лучами на бесчисленно многих гранях действительности и истории, восходя из силы в силу, из красоты в еще высшую красоту, от внешнего к все более и более внутреннему... И низшая ступень есть лишь отражение высшей и ее прообраз... Иудейская теократия была прообразом последующего Царства Христова. Давид - прообраз Христа; его страдания за власть во имя Бога - прообраз Христовых страданий ради славы Божией; чаяния его сердца во вдохновенных псалмах нашли высшее исполнение в предведениях пророков, стали действительностью в личности Христа и в устройении Его Царства. Если низшая ступень была прообразом высшей, то высшая была восполнением низшей, ее расцветом, осуществлением ее высшей, еще скрытой дотоле красоты, воплощением ее предчувствий и стремлений. Прообразы и исполнение их связаны внутренне, неразрывно и вытекают из одного, проникающего их, Божественною Духа, и прозревать эту связь и значит быть боговдохновенным провидцем. Пророки чувствовали и знали, что их образы и чаяния суть прообразы имеющей открыться высшей правды, и потому-то они и были боговдохновенными пророками, предсказания которых нашли своего сознательного исполнителя в лице Богочеловека Христа.

Господь знал свои прообразы и был их исполнением. Он знал, что Он исполняет, и исполнял с непоколебимой твердостью (ср. Мф.26:53-54). Такова была воля Его Отца, чтоб Он был той страждущей истиной, которая прообразована в боговдохновенных созданиях пророков и в жизни иудейского народа как представителя всего человечества в его религиозной жажде примирения с Богом. И каждый парод имеет свои прообразы и свои исполнения их, хотя они и частного характера, сообразно частной миссии па земле известного народа... Народ идет из

силы в силу, сохраняя свой особенный, свойственный только ему, гений. И потому предшествующие ступени его духовной жизни суть прообразы Его последующего развития, если только последнее совершается органически... Как в юноше и муже исполняется только то, что было уже в дитяти, и игры и мечты детства суть прообразы дел и мыслей взрослого возраста, - так и народ исполняет, проясняет, освещает, возводит к все большему и большему совершенству духа то, что до этого было еще на низшей ступени и только преобразовало будущее... Потому-то выразители народного гения и имеют свои прообразы в предшествующей истории. Знать эти прообразы и в литературе, особенно народной, духовной и возвышенной, и в истории жизни, особенно в ее величайших и вдохновенных выразителях и подвижниках, - не только знать, но и жить в них, видеть, воспринимать их высшую, отражающуюся в них красоту и правду, чувствовать ее веяние и отражение в себе - это самый лучший путь воспитания к духовному служению своему народу, самое верное средство угадать ту тропинку к Богу, которой ему предназначено идти и стать па нее самому...

Кто воспринял эти прообразы, почувствовал, что в нем то же самое открывается, что и в них, и что рука Божия ведет его к исполнению их, - тот истинно послужил своему народу и Христу и будет подвижником своей земли и Церкви Божией.

XXX. Лк.17:20-37

Христос идет на праздник в Иерусалим, чтобы там пострадать. Его окружают ученики, народ и среди него фарисеи. В последнее время фарисеи неотступно преследуют Иисуса, чтобы как-нибудь уловить Его, сбить, привести в замешательство. Они, может быть, слышали, что Иисус идет открывать Свое царство. Они представляли царство Мессии, как царство внешнее, политическое. И вот спрашивают Иисуса: когда же придет царствие Божие? Они думали, что царство Мессии принесет им счастливый гражданский и политический строй без их внутреннего перерождения. И вот Христос говорит им: не придет царствие Божие приметным образом, царствие Божие внутри вас, т.е. не ждите царствия Божия извне; оно должно прийти изнутри вас. Прежде изменитесь внутренне, тогда и узрите его. Христос далее не развивает Свою мысль, потому что видел, что фарисеи предложили вопрос не потому, что искали истины, а чтобы только совопросничать с Ним и ловить Его. Но, конечно, вопрос, предложенный фарисеями, интересовал и учеников Христовых. Они, конечно, чувствовали, что нужно внутренне ждать царствия Божия, и они уж любили своего Господа сердцем, но все же их занимал вопрос, когда же наступит царство их возлюбленного Учителя. И вот Христос отвечает на их мысли, которые они, быть может, не осмеливались формулировать в вопросе. Если в отношении фарисеев Христос говорит только: чего вы лукаво спрашиваете о внешнем наступлении царства? прежде возродитесь внутри себя; то в отношении учеников Он не отрицает, что за их внутренним процессом перерождения наступит и внешнее торжество их Учителя. Он однако говорит, что это не зависит от их желаний: "И пожелают видеть хотя бы в один из дней Сына Человеческого и не увидят". Значит, торжество царствия Божия зависит не от наших субъективных желаний, а от объективного хода вещей. Затем (23) царствие Божие не будет иметь частного характера; оно не будет здесь или там. В блестящем образе Христос поясняет Свою мысль о независимости от наших желаний или ожиданий всеобщности наступления видимого царствия Божия: молния сверкает неожиданно, и она охватывает все небо от края до края. Так будет и торжество царствия Божия. Но Христос идет далее и как бы умеряет, быть может, пылкие надежды учеников. Они, может быть, думали, что торжество их Учителя хотя бы и не зависело от их субъективных чаяний, все же откроется скоро. И вот Христос говорит (25), что прежде Ему надлежит много пострадать и быть отвержену родом сим. Он пользуется опять образом, чтобы пояснить Свою мысль. Ученики, может быть, слишком рассчитывали на податливость людей, думали, что учение их Учителя произведет сенсацию, будет принято всеми и пр. Но Христос вспоминает Ноя и Лота. Ной заранее

предсказывает о потопе, а Лот о гибели Содома и Гоморры, и все-таки люди не внимали, и их жизнь текла обычным порядком до последней минуты. Та же самая участь постигнет и учение Сына Человеческого. Он пострадает и запечатлеет Свое учение смертью, а люди будут идти своей обычной колеей до последнего мгновения. Но вот заблещет вселенская молния, и наступит кризис. Тогда уже нечего думать о прошлом, о своей жизни, о своих богатствах, о своей работе (31-32). Ведь, конечно, если бы Ной стал думать о своем богатстве, то был бы потоплен; жене Лота жаль было расставаться с прошлым, и она окаменела. Кризис будет решительный, мировой, и нужно решительно пережить его, порвав с прошлым. Но проведя сравнение наступления Христова царства с наступлением потопа и гибелью Содома и Гоморры, Христос далее приводит между ними и существенно различие. Там дело шло о физической жизни и смерти, о физическом спасении от гибели. А здесь не то. Здесь внешняя жизнь ни при чем. Здесь катастрофа будет носить внутренний, духовный характер. Здесь "кто станет сберегать душу свою (т.е. жизнь), тот погубит ее, а кто погубит ее, тот оживит ее" (33). Значит, катастрофа по характеру будет совершенно иного свойства, чем потоп. Она будет иметь отношение к нашему духовному внутреннему миру, а не к телесной внешней жизни; потеря этой последней не должна пугать; не о ее спасении идет дело, как было у Ноя и у Лота, а о спасении внутренней духовной жизни.

Христос еще подробнее развивает Свою мысль (34): великий кризис совершится независимо от семейных уз, - "в ту ночь двое будут на одной постели, один возьмется, а другой вставится"; независимо от совместного труда - "два будут молоть вместе, одна возьмется, другая останется"; независимо от пространственной связи - "двое будут в поле; один возьмется, а другой останется" (36). Таким образом Христос все оттеняет и усиливает ту мысль, что имеющий быть кризис хотя по важности и решительности будет похож на катастрофу и гибель Содома и Гоморры, однако глубоко будет отличаться от него по своему внутреннему характеру. Если те катастрофы соприкасались с внешней физической жизнью, эта имеет отношение к самым внутренним глубинам жизни; если те неизбежно имели связь с семьей, пространством и временем, то эта выше всего этого; можно быть двоим вместе, и, однако, один спасется, а другой погибнет; можно принадлежать к одной семье, и, однако, переворот одного повернет в одну сторону, другого - в другую. Все дело будет зависеть от внутреннего состояния духа, от силы и высоты духовной жизни... Ничто внешнее, никакая внешняя связь не будет иметь значения, как это было в дни Ноя и Лота... И когда ученики Иисуса, не будучи в состоянии подняться на высоту мысли Христовой, наивно спрашивали: "Где же, Господи? т.е. где же все это начнет совершаться? Где же это будет?" -

Христос пользуется этим, чтобы еще раз подчеркнуть внутренний, выше всякого пространства происходящий кризис: где труп, там соберутся и орлы, т.е. кризис произойдет там, где будет подготовлена к этому почва; как запах трупа привлекает к себе орлов, которые довершают уничтожение, так и состояние человеческого мира, когда дойдет до известного предела мертвенности, когда не будет уже надежды на его жизнь, - вызовет окончательный кризис. Можно еще глубже пояснить мысль Христа; когда организм умирает, разлагается, новая жизнь поглощает его элементы и возрождает их в себе: частицы трупа возрождаются орлом, пожравшим его. Так и в мировом кризисе: когда организм мира одряхлеет внутренне, новая жизнь пожрет и возродит в себе все, что только в нем осталось годного. Итак, смотрите, на какую высоту возводит Христос мысль учеников от наивных вопросов: когда и где наступит новая жизнь, царствие Божие. Отвечая фарисеям, предложившим вопрос: "Когда?", - Он говорит: когда вам угодно; в вашей воле положить начало царствию Божию, оно должно начаться внутри вас. Отвечая на молчаливый вопрос о том же ученикам, у которых уже начался процесс новой жизни, Он имеет в виду окончательное наступление царствия Божия, так сказать, завершение того начала, какое положено в их душе: царствие Божие наступит не тогда, когда вы хотели бы (22), не тогда, когда ожидают пылкие иудеи, жаждущие Мессии

(23), а тогда, когда угодно Богу - соответственно ходу мировой жизни; но не думайте, что скоро, что жизнь перед этим внешне изменит свой порядок: нет, по-видимому все будет идти обычным порядком (25-35). Только внутри будет подготавливаться нечто, что вызовет решительную катастрофу. Как молния происходит, когда накапливается электричество, и это совершенно неуловимо для внешнего взора, так и в мировой жизни, когда накопится достаточно элементов и греха и добра, вспыхнет вдруг мировая молния от края и до края, и произойдет выделение старого и нового в самих глубинах человечества, независимо ни от каких внешних связей и форм, независимо от самой пашей физической жизни (31-36), независимо ни от какого пространства (37); исключительно только по внутреннему процессу духовной жизни человечества. Наивные вопросы "когда и где?" теряются в глубине Христового ответа: тогда и там, когда и где приведет к тому внутренний ход человеческой жизни; а этот ход зависит от свободы человека. Лукавые фарисеи думали, что новая жизнь возьмет и ошастливит их извне; наивные ученики Христа думали, что новая жизнь дается легко; и те и другие думали, что все дело в том, чтобы знать, *когда* и *где*. А Христос прямо перевертывает все их обычные понятия: новая жизнь изнутри начинается и для своего завершения в мире нуждается в страданиях, подвиге, в тяжелом внутреннем процессе человечества; и когда и где - это зависит от того, как люди подготовят духовную почву. От их веры, ревности, любви, подвига зависит наступление новой жизни, зависит ответ на то, *когда* и *где*...

Я бы вывел отсюда тот нравственный вывод, что обновление мира новой Христовой жизнью зависит от нашего *внутреннего жизненного подвига*, а не приходит ни извне, ни от наших мечтаний и желаний.

Я бы, пожалуй, еще указал, как осуществляется теперь вот уже в продолжение почти 2000 лет великое созерцание Господа. Вся вера в Него, вся любовь к Нему и во имя Его к людям, все самопожертвование, все подвиги, незримые миру, а иногда и порицаемые им, все добро, что накопилось за эти 2000 лет свободой христиан, - все это лишь накопление того электричества, которое разразится в последний день и, пожрав смерть, обновит жизнь... Все эти сонмы праведных душ, чистых младенческих сердец, героев мучеников и подвижников, - все это лишь воинство, имеющее победить мир своей всемогущей любовью... Ни одно доброе движение не пропадает бесследно, и все идет в общую сокровищницу общего спасения. Все, что, по-видимому, умерло, все на самом деле живо, и в глубине жизни, в сфере всего умершего и живого человечества совершается тот процесс выделения и трансформации элементов, который завершится мировой катастрофой. И чем быстрее совершается выделение добра от зла, тем скорее наступит она. И как молния охватывает все, что имеет в себе электричество, так и обновление мира обнимет все, что только способно к обновлению, что имеет в себе возможность воспламениться от наступившей искры...

Апостол Петр, конечно, был слушателем Господней беседы. И прочитайте 3-ю главу 2-го послания его. Он прямо указывает на заповедь Господа и лишь рельефнее и пластичнее, для нашего грубого человеческого воображения осязательнее разъясняет ту же мысль. И по моему мнению, эта глава помогает ближе понять мысль Христову... Я уверен, что она возбудит у многих читателей опять вопросы, очень может быть, и сомнения. Конечно, евангелие неисчерпаемо, и наша мысль никогда не может уловить всей глубины и высоты того или другого его места, но... каждый по своим силам берет от него, что может... И должен радоваться этому и приводить к этой радости других...

XXXI. Насыщение пятью хлебами и хождение по водам

Время было перед Пасхой (Ин.6:4). Это была третья Пасха за время общественного служения Господа [1].

Он находился на берегу Галилейского озера [2] (в окрестностях Тивериады), куда пришел по направлению от Назарета, послав на пути своих Апостолов на проповедь по Галилее; после чего они должны были здесь сойтись со своим Учителем (Мф. гл.10; Мк.6:1-13; Лк.9:1-6). В это время пришли ученики Иоанна Крестителя и рассказали о мученической кончине его (Мф.14:12). Дошла до Господа весть о том, что Ирод, убив Иоанна, искал видеть и Его (Лк.9:7-9). Возвратились наконец и Апостолы и отдали Ему отчет в том, что они сделали и чему научили (Мк.6:30). Господь решил удалиться на другую сторону озера (Мф.14:13; Мк.6:30-31; Лк.9:10) [3].

И вот Он говорит ученикам: пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного (Мк.6:31). И взяв их с собой, вместе с ними (Лк.9:10) отправился на лодке (Мк.14:13) на ту сторону озера (Ин.6:1) и удалился затем один в пустое место близ города, называемого Вифсаидой (Лк.9:10) [4].

Народ увидел, как они отправлялись, и многие узнали их [5]. И пешком по берегу бежали за ними из всех городов (Мк.6:33; Мф.14:13; Лк.9:11; Ин.6:2), потому что видели чудеса, которые Он творил над больными (Ин.6:2). И предупредили они их, и собрались к Нему (Мк.6:33) [6].

Выйдя [7], Иисус увидел множество народа (Мф.14:14; Мк.6:34). Он сжалился на ними: они были как овцы, не имеющие пастыря (Мк.6:34), и Он принял их, много беседовал с ними о Царствии Божиим и больных, требовавших исцеления, Он исцелял (Лк.9:11; ср. Мф.14:14; Мк.6:34).

Затем Иисус восшел на гору и там сидел с некоторыми из своих учеников (Ин.6:3) [8]. Наступала же Пасха, праздник иудейский (Ин.6:4) [9]. Возвел Иисус очи Свои и видит: множество народа идет к Нему. И говорит Он Филиппу: где бы нам купить хлебов, чтобы они поели? Это Он говорил, испытывая его; Сам же знал, что будет делать. Отвечал ему Филипп: на двести динариев хлебов недостаточно будет им, чтобы каждый из них хоть немножко что-нибудь получил. Говорит ему один из учеников Его, Андрей, брат Симона Петра: есть здесь один мальчик, который имеет у себя пять ячменных хлебов и две рыбы, но что это для стольких?! (Ин.6:5-9). А было уже много часов (Мк.6:35), день начал склоняться (Лк.9:12); становилось уже поздно (Мф.14:15).

Народ между тем пришел, и с ним остальные ученики Иисусовы (Мф.14:15; Мк.6:35) [10].

Таким образом, вокруг Господа собрались все двенадцать Апостолов (Лк.9:12). Подойдя к Нему, ученики Его говорят: место это пустынное и уже часов много; отпусти народ; пусть они идут на ночлег в окрестные деревни и села и там купят себе хлеба, а то они не имеют ничего, чего бы поесть (Мф.14:15; Мк.6:35-36; Лк.9:12). Он же, отвечая, сказал им: незачем им уходить; дайте есть им вы. И говорят ему: что же, нам пойти купить на двести динариев хлеба и дать им есть? Он же говорит им: сколько вы хлебов имеете у себя? пойдите и посмотрите. И, узнав, они сказали: пять хлебов и две рыбы (Мф.14:16-17; Мк.6:37-38; Лк.9:13) [11].

Он сказал: принесите Мне их сюда (Мф.14:18). И повелел им рассадить всех отделениями на зеленой траве. Было на том месте много травы. И сделали так, и рассадили всех рядами по сто и по пятидесяти. И возлегло таким образом людей числом около пяти тысяч (Мк.6:39-40; Ин.6:10; Лк.9:14-15; Мф.14:19). Иисус же, взяв пять хлебов и две рыбы и воззрев на небо, воздал благодарение и благословил их; и преломив хлебы, роздал ученикам своим, а ученики - возлежащим; также и две рыбы разделил на всех, сколько кто хотел (Мф. гл.19; Мк. гл.11; Лк. гл.16; Ин. гл.11). И ели все и насытились (Мф. гл.20; Мк. гл.42; Лк. гл.17). И когда насытились, говорит ученикам своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало. И

собрали и наполнили двенадцать полных коробов кусками от пяти ячменных хлебов и остатками от рыб, оставшимися от тех, которые ели (Ин. гл.12-13; ср. Мф. гл.20; Мк. гл.43; Лк. гл.17). А евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей (Мф. гл.21; ср. Мк. гл.44; Лк. гл.14). Люди, видевшие чудо, которое сотворил Иисус, говорили, что это действительно Пророк, которому должно прийти в мир (Ин. гл.14). Иисус же, узнав, что хотят прийти и похитить Его, чтобы сделать Его Царем, опять удалился на гору один (Ин. гл.15).

Когда же настал вечер, ученики Его сошли к морю (Ин. гл.16). И тотчас Он понудил [12] их войти в лодку и отправиться вперед Его на другую сторону, к Вифсаиде[13], пока Сам Он отпустит народ (Мф. гл.22, Мк. гл.45).

И войдя в лодку, ученики отправились на ту сторону моря, к Капернауму. Становилось уже темно, а Иисус не приходил еще к ним (Ин. гл.17) [14]. Море же при сильном ветре волновалось. Ветер был противный, и лодка была уже на середине моря, кидаемая волнами (Ин. гл.18, Мф гл.24).

А Он, отпустив народ, восшел на гору помолиться наедине, и в продолжение вечера, в то время, как лодка с учениками была среди моря, Он оставался там один (Мк.46-47; Мф.23-24).

И увидел Он их бедствующих в плавании и около четвертой стражи ночи подошел к ним, шествуя по морю, и хотел миновать их (Мк.48; ср. Мф.25). Они проплыли около двадцати пяти или тридцати стадий, когда увидели Иисуса, шествующего по морю и бывшего близ лодки. Они встревожились, думая, что это призрак, и от страха вскричали, потому что все видели Его, и испугались (Мф.26; Мк.49-50. Ин.19). И тотчас же Иисус заговорил с ними и сказал им: ободритесь! это - Я, не бойтесь (Мф.27; Мк.50; Ин.20). Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И сойдя с лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу. Видя же сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи, спаси меня! Тотчас же Иисус, простерев руку, поддержал его, и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился? (Мф.28-31) [15]. Ученики пожелали принять Его к себе в лодку (Ин.21). И Он вошел к ним (Мк.51). И когда вошли они, ветер утих (Мф.32). Бывшие же в лодке, подойдя, поклонились Ему, говоря: действительно Божий Сын Ты (Мф.33). А лодка, между тем, сейчас же очутилась в пределах той земли, куда они плыли (Ин.21) [16].

И они чрезвычайно изумлялись в себе и дивились, ибо не вразумились они чудом над хлебами: сердце их было окамененно (Мк.52).

И переправившись, прибыли в землю Генисаретскую и пристали к берегу (Мф.53) [17]. И когда они вышли из лодки, сейчас узнавшие Его жители того места послали obeжать всю окрестность ту, и начали приносить к Нему на кроватях всех больных туда, где Он, как слышно было, находился. И куда бы ни приходил Он - в селения ли, в города ли, в деревни ли, - клали больных на открытых местах и просили Его, чтобы им коснуться хотя воскрилия одежды Его; и которые касались Его, исцелялись (Мф.35-36; Мк.54-56).

ПРИМЕЧАНИЯ к главе XXXI

1. Первая Пасха - вскоре после Крещения, когда Господь изгнал торжников из храма (Ин.2:13-25). Вторая Пасха, когда Господь исцелил 38-летнего расслабленного (Ин.5:1). Третью Пасху Господь не идет праздновать в Иерусалим, а пребывает в Галилее и празднует ее чудесным насыщением пятью хлебами и проповедью о хлебе небесном в синагоге капернаумской.

2. Так как из последующего видно, что Он тут же сел с Апостолами в лодку (Мф.14:13: Мк.6:32).

3. Поводов удалиться было, вероятно, несколько. Во-первых, Сам Христос говорит Апостолам (Мк.6-31), что им необходимо отдохнуть от утомления и постоянного наплыва народа. Во-вторых, Иисус Сам чувствовал потребность в уединении, как это и говорит: Мф.14:13 и Лк.9:10.

После убийства Иоанна, после слухов о том, что Ирод считает Его за воскресшего Иоанна, очевидно, наступила критическая минута в жизни Господа. Со смертью Иоанна обрывается Его связь с ветхозаветной сферой. Глаза всех, ищущих правды, теперь устремлены на Него. Он должен выступить вполне и самостоятельно. Он должен выставить свою особую миссию рельефно и определенно теперь, со смертью Пророка. В решительные минуты Господь всегда прибегал к уединенной молитве; а так как и Апостолам нужно было отдохнуть, то Он и воспользовался этим, чтобы запастись духовными силами в пустынном месте.

Затем была и третья причина, не менее важная и притом определившая и место, куда можно было уединиться.

Если Ирод считал Иисуса за воскресшего Иоанна и ищет Его увидеть, то уж, конечно, не с доброй целью; если присоединить к этому вражду иродиан к Иисусу, заключивших союз с фарисеями, то, понятно, пребывание Господа в пределах Тивериадских, т.е. во владениях Ирода Антипы, было небезопасно, и Господь знал, что Ему еще рано окончить свой подвиг; вот Он и выбирает пустынное место в пределах Вифсаиды Юлии, т.е. во владении Филиппа.

4. Мф.14:13: "И услышав, Иисус удалился оттуда на лодке в пустынное место один; а народ, услышав о том, пошел за Ним из городов пешком".

Мк.6:31-32: "Он сказал им: пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного. Ибо много было приходящих и отходящих, так что и есть им было некогда. И отправились в пустынное место в лодке одни".

Лк.9:10: "Апостолы, возвратившись, рассказали ему, что они сделали; и Он, взяв их с Собою, удалился особо в пустое место, близ города, называемого Вифсаидой".

Ин.6:1: "После сего пошел Иисус на ту сторону моря Галилейского, в окрестности Тивериады".

Соответствующие места у Евангелистов, касающиеся переправы Господа на ту сторону, представляют немало затруднений. Евангелист Матфей говорит: "Удалился оттуда на лодке в пустынное место один" (14:13). Евангелист Марк: "И отправились (Апостолы) в пустынное место и лодке одни" (6:32). Евангелист Лука: "И Он, взяв их с Собою, удалился в пустынное место близ города, называемого Вифсаидой" (9:10). Евангелист Иоанн: "После сего пошел Иисус на ту сторону моря Галилейского, в окрестности Тивериады (6:1).

Во-первых, отправился ли Господь на лодке, как сообщают Матфей и Марк, или пошел в окрестности Тивериады, как, по-видимому, сообщает Иоанн? Несомненно, отправился на лодке. "Пошел" Иоанна по-гречески читается "απῆλθεν", а "απῆλθεν" не значит в строгом смысле "пошел" (пешком), а вообще "отправился" Евангелист Марк употребляет то же слово: απῆλθεν... τῷ πλοίῳ - "отправились... в лодке"; следовательно, и у Иоанна "απῆλθεν" должно переводить не словом "пошел" (что по свойству русского языка указывает на пешее хождение), а словом "отправился", и тогда в рассматриваемом случае противоречия между Евангелистами не будет.

Излишня и прибавка в русском тексте слова "в окрестности"; его нет в греческом тексте, и оно дает как бы подтверждение той мысли, что Господь действительно "пошел" (пешком), потому что Тивериада находилась ведь на этом берегу, и, следовательно, если Господь пошел в окрестности Тивериады, то на лодке перебраться было некуда. Но тогда прямое противоречие со словом "на ту сторону", πέραν. Сказано: отправился "на ту сторону". Что-нибудь одно: или "на ту сторону", или "в окрестности" Тивериады. Но так как "в окрестности" в греческом тексте

нет, то выбор очевиден: нужно "в окрестности" оставить. Это слово важно, между прочим, для того, чтобы отнести куда-нибудь название "Тивериады". По-гречески выходит так: отправился Иисус на ту сторону моря Галилейского - Тивериады. Для пояснения последней прибавки и вставлено "в окрестности", но это излишне. "Тивериады" можно здесь перевеет так же, как и предшествующее ему слово Γαλιλαίας - в форме прилагательного, и тогда выйдет, что Господь отправился на ту сторону моря Галилейского - Тивериадского. Тут неясности нет никакой; последнее только яснее определяет первое. Определение это могло иметь двоякий смысл: или оно указывает на часть Галилейского озера, или имело в виду вообще другое употреблявшееся его название. Талмудисты разделяли Галилею на нижнюю Галилею, в которой растут сикоморы, на верхнюю, в которой не растут сикоморы, и Тивериаду, которая в религиозно-административном отношении стояла в Галилее так же особливо, как Иерусалим в Иудее (Олесниц. 11:395).

Таким образом, Евангелист Иоанн, может быть, только точнее определяет положение того озера, чрез которое Господь переправился со своими учениками. Он и в другом месте, говоря о явлении воскресшего Господа, называет озеро Тивериадским (21:1), указывая, может быть, тоже на ту часть озера, которая примыкала к Тивериаде. Но могло быть и так, что Галилейское озеро называлось вместе и Тивериадским: местные жители называли его Галилейским, а с административной точки зрения оно могло называться Тивериадским.

У Птоломея и Павзаня озеро прямо называется Τιβεριάς, Тивериада. Евангелист Иоанн мог иметь в виду именно такое официальное и иудейско-храмовое наименование.

Таким образом, и в том и в другом случае прибавка της Τιβεριάδος должна быть поставлена в непосредственную связь с предшествующими словами без вставки "в окрестности". И тогда у Евангелиста Иоанна получится прямой смысл, что Господь отправился на ту сторону (и, следовательно, на лодке) моря Галилейского-Тивериадского, т.е. смысл вполне согласный с прочими Евангелистами.

Во-вторых, на одной ли лодке с учениками Он отправился, или особо от них? Евангелист Матфей говорит, то Он удалился один, Евангелист Марк - что Апостолы отправились в лодке одни. Выходит, как будто Господь и Апостолы отправились на особых лодках. А Евангелист Лука творит, что Он, взяв их с Собою, удалился особо; следовательно, тут Господь и Апостолы отправляются вместе, и только потом Он удалился от них. Евангелист Иоанн в первом стихе не говорит об этом ничего; но зато в 22 стихе он прямо говорит, что на том берегу была только одна лодка и другой не было, следовательно, очевидно но Иоанну, что Господь отправился с Апостолами в одной и той же лодке.

Как примирить эти кажущиеся противоречия? Думается, что Евангелист Лука даст ключ к их полному примирению. Он говорит: "Он, взяв их с Собою, удалился особо (ὕψωρρησε κατ' ἰδίαν - отступил особо) в пустое место"... Здесь κατ' ἰδίαν относится не к переправе на лодке, а к пути Господа на берегу после переправы. При переправе - "Он взял их с Собой"; затем на берегу отделился от них особо в пустое место"... Так выходит но Луке Не так ли говорят и другие, т.е. Евангелисты Матфей и Марк? Евангелист Матфей говорит: "Удалился (Господь) оттуда Оде застала Его весть о смерти Иоанна Крепителя) в пустынное место один" (κατ' ἰδίαν - особо). К чему здесь относится κατ' ἰδίαν? к лодке ли, или к удалению в пустынное место? Хочет ли Евангелист сказать, что Он на лодке отправился один? или же - что Он удалился в пустынное место один? Не может быть никакого сомнения, что Евангелист разумел последнее. Для него, по связи речи, не имело значения то обстоятельство, как отправился Иисус: отдельно на лодке или не отдельно. Он говорит пред этим, что ученики Иоанна Крестителя пришли и рассказали Ему о смерти его от руки Ирода, "и услышав, Иисус удалился оттуда... в пустынное место один", т.е. уединился, отошел один, как Он это делал и в другие важные моменты. Слово "на лодке" прибавлено Евангелистом только для того, чтобы обозначить, что Он отправился "на ту сторону", не тут уединился, где застала Его важная весть, но переправился "на другую сторону".

Таким образом, по связи речи, Евангелисту решительно незачем было оттенять Его отдельную

переправу; но были все основания оттенить, что Он удалился в пустынное место один... Затем и грамматически нег никаких оснований относить *κατ' ἰδίαν* к слову "на лодке", а не к словам "в пустынное место", которые ему непосредственно предшествуют.

Наконец, такой смысл совершенно приводит в согласие текст Евангелиста Матфея со словами Евангелиста Луки и, следовательно, по одному этому заслуживает всякого предпочтения.

По-русски текст мог бы избежать всякого двусмыслия при таком переводе: "Иисус удалился оттуда, переправившись на лодке, в пустынное место один". Или просто поставить слова "на лодке" между запятыми, как пояснительную только вставку.

Теперь обратимся к Евангелисту Марку (6.31-32): "И собрались Апостолы к Иисусу... Он сказал им: пойдите вы одни (*κατ' ἰδίαν*) в пустынное место и отдохните немного: ибо много было приходящих и отходящих, так что и есть им было некогда. И отправились в пустынное место в лодке одни" (*καὶ ἀπῆλθον εἰς ἔρημον τόπον τῷ πλοίῳ κατ' ἰδίαν*).

Спрашивается: что имеет в виду Господь, когда говорит усталым и голодным Апостолам: пойдите в одни в пустынное место и отдохните немного? То ли, чтобы они отправились отдельно от Него (*κατ' ἰδίαν*) на лодке? Очевидно, нет. Для них нужен был отдых, и Господь посылает их в пустынное место, чтобы они побыли там именно одни, без народа, и отдохнули бы; а переправа на лодке решительно была безразлична по данной цели, как бы она ни совершалась - вместе с Ним или отдельно от Него.

Если в словах Господа *κατ' ἰδίαν* - "особо", несомненно, относится (очевидно) к удалению в пустынное место, а не к переправе на лодке, то и последующие слова Евангелиста, в которых он говорит об исполнении этого повеления Господа, конечно, нужно понимать в таком же смысле. "И отправились в пустынное место в лодке одни" - не то значит, что они в лодку сели и отправились одни (это совершенно безразлично), а то, что они в пустынное место удалились одни, как предложил им Господь.

Чтобы по-русски избежать двусмысленности в выражении, можно бы с греческого сделать такой перевод: и удалились (а не "отправились", как в русском переводе) в пустынное место (переправившись) лодкой (а не в "лодке", как в русском переводе) одни.

а) Переводить *ἀπῆλθον* в данном месте словом "отправились" неудобно потому, что это делает ударение на исходный пункт путешествия, на момент отправки Апостолов, и тогда как ни располагай фразу, все в ней будет выходить по-русски так, как будто бы Апостолы с самой отправки с берега были одни, т.е. когда отправились, были уже одни; а греческий глагол *ἀπῆλθον* этого оттенка не имеет; он просто говорит об удалении, не ударяет на исходный его пункт. (Греческий перевод у того же Евангелиста Марка - 1:20 и 1:35, где и сказано: *ἐξῆλθε καὶ ἀπῆλθεν*, - и по-русски прямо переведено "вышел и удалился").

б) Выражение "в лодке" лучше заменить выражением "лодкой". Это будет буквальный перевод *τῷ πλοίῳ*, как стоит у Евангелиста Марка (а не *ἐν τῷ πλοίῳ*, как у Евангелиста Матфея), и он имеет то удобство, что по-русски даст оттенок вставочной мысли: Евангелист говорит об этом как бы мимоходом, между прочим, имея в виду главное то, что они удалились для отдыха в уединенное место одни, а "лодкой" вставлено как частность, как черта действительности - не более...

Таким образом, между Евангелистами не оказывается в данном случае даже и тени противоречия. Наоборот, если подумаем, то увидим удивительное, дышащее непосредственной правдой, дополнение их друг другом.

Евангелист Лука не был очевидцем; он передает такую редакцию события, которая была среди очевидцев и соединяла в общем все их точки зрения.

У остальных Евангелистов мы замечаем особенности, обнаруживающие их личные отношения к событию.

Евангелист Матфей имеет в виду решение Самого Господа (уединиться). Ученики Иоанна Крестителя приходят к Господу и сообщают Ему о мученической кончине своего учителя от руки Ирода. Услышав это, Иисус удалился оттуда, переправившись на лодке в пустынное место один. Здесь нет и речи об Апостолах. Имеется в виду один Господь. Евангелист Матфей

как бы жил в это время Им одним, Его настроением. Оно осталось у него в памяти живее всего; под этим личным освещением он и передает событие. У него в последующем рассказе Апостолы гоже являются на том берегу', - значит, подразумевается, что они переправились гоже Но Евангелист, говоря о событии, известном всем верующим, имеет в виду сообщить только то, что он лично пережил в нем, как отразилось оно именно в нем, не излагая всего в подробном ходе события.

Евангелист Марк со слов Петра оттеняет другую сторону того же события. Очевидно, Петр был в числе тех Апостолов, которые были посланы Господом на проповедь из окрестностей Назарета, и которые пришли к нему усталые и измученные... У него запечатлелось, что несмотря на всю усталость, они не могли отдохнуть, не могли даже поесть за множеством приходящего и отходящего народа. И вот Господь, милосердя к ним, предложил им пойти в уединенное место и отдохнуть отдельно от Него, чтобы народ, таким образом, не беспокоил их... И с этой точки зрения Евангелист излагает событие.

Говорится, что Апостолы воспользовались Его предложением и удалились в пустынное место одни. О Господе не передается ни слова. После Он оказывается на том берегу; но как Он туда попал - Апостол Петр умалчивает. Очевидно опять, что так мог говорить только очевидец и притом добросовестнейший. Он говорит именно то, чем он жил во время самого события.

Ученики после проповеди устали и, однако, не могли найти времени и поесть. Иисус предложил им уйти от Него в уединенное место, и они ушли... Как переправлялись они вместе с Ним на лодке - он не говорит, потому что это в его тогдашнем настроении не было важным; а изложить, как все событие шло в его объективной точности, - он, как и все Евангелисты, не имел своей целью. Он желал быть вполне достоверным передатчиком только своего личного опыта.

То же можно сказать и об Евангелисте Иоанне. Он ничего не говорит о мотивах удаления на ту сторону. Он имеет в виду только дополнить других Евангелистов. Но случайно, говоря о соображениях народа, который на другой день после насыщения искал Иисуса, он в 22 ст. 6 гл. говорит как раз то, что как нельзя более сходно со всеми Евангелистами, хотя он совсем и не имеет их в виду, а именно: что лодка на том берегу была только одна, на которой отправились Апостолы. Следовательно, ясно, что Господь переправился вместе с ними, но об этом Евангелист Иоанн совсем и не говорит, считая это удостоверенным уже другими Евангелистами.

Так чудно правдиво, с такими явными чертами наивных очевидцев рассказывали Евангелисты о событии. Самые кажущиеся противоречия при ближайшем рассмотрении оказываются наиболее сильными свидетельствами их безусловной достоверности...

И мне думается, что это чтение внутренне более правильно и гармонирует со всем ходом речи. Апостолы как бы с самого начала выделяют Господа. Он предложил им отдохнуть одним, без Него; Он Сам отправляется в особое от них пустынное место.

И эта обособленность их отражается на всей речи очевидцев. Они не оттеняют этого нарочито, потому что это не имеет значения, но, правдиво передавая свои впечатления, они невольно выражают такую обособленность Господа в оттенках рассказа.

И здесь они на лодке были вместе с Господом. Но в душе у них осталось ощущение, что они не вполне сливались в это время с Господом: они плыли в одно место, Он - в другое, лодка была лишь внешним и временным соединением; Он, так сказать, плыл с ними только по пути. И вот такая двойственность ощущения, такое разделение себя и Его прорывается и в данном случае' народ видел их отправляющихся; узнали многие и Его... Может быть, даже Он нарочито хотел быть незаметным и не узнаваемым среди Апостолов. Тогда народ, видя их только одних, предположил бы, что Господь остался на берегу и не последовал бы за ними. А чрез это и Апостолы отдохнули бы без народа, и Он Сам получил бы возможность пробыть дольше в уединенном месте. Но народ видел их отправляющихся, всматривался в них, узнал между ними Его, - и это послужило началом ко всему, далее случившемуся и рассказанному; потому Апостол и упомянул об этом.

Что за важность, что народ узнал их (αυτους)? Он за ними не побежал бы, он побежал бы за Ним. Важно именно то, что между Апостолами они узнали Его ('Αυτον). Да их нечего было и узнавать. Народ видел, как они отправляются, - как же мог не узнать их? Их было 12 человек, все они были известны всем, - как их не узнать? И чего бы об этом упоминать Евангелисту? А вот, что Господь как бы замешался в их среду и имел намерение незаметно среди них переправиться на ту сторону (и, конечно, Его могли и не рассмотреть) - многие, однако, Его все-таки узнали, - упомянуть об этом, конечно, имело большой смысл; и эта, если можно так выразиться с человеческой точки зрения, случайность имела большое значение, потому что послужила преддверием к одному из величайших чудес Господа и к одной из величайших Его речей по этому поводу. Не узнали бы Его... но последующие события расположились бы как-нибудь иначе... Поэтому лучше по-русски переводить греческое слово 'Αυτον.

5. У Евангелиста Марка (ст. 33) сказано: "народ увидел их, как они отправлялись, и многие узнали их". По-гречески в некоторых кодексах вместо "их" (αυτους) читается "Его" ('Αυτον) это чтение удержано в греческом тексте издающегося в настоящее время Нового Завета на четырех языках (Петербургская Синодальная типография, издание 1-е, 1887 года).

6. και προηλθον αυτους, και συνηλθον προς 'Αυτον, - "и предупредили их, и собрались к Нему". Оттенок в этом выражении не может ли дать нам некоторое указание на путь, которым направлялась лодка с Господом и Апостолами. Почему здесь отдельно упоминается об Апостолах (αυτους) и о Господе ('Αυτον)? Почему к ним отнесен глагол "предупредили", а к Нему - "собрались"? Почему и то и другое выражение в предложении совершенно самостоятельные? Указывают как бы на самостоятельные действия, на отдельные их моменты? Если мы представим, что Господь и Апостолы вместе сошли на берег, а народ, придя раньше, собрался вокруг Него, - то не лучше ли, не естественней ли было сказать: и, предупредив, собрались к Нему? Тогда было бы видно, что народ предупредил их всех, как, конечно, и было, если Господь вышел на берег вместе с Апостолами. По существующей форме выражения как будто выходит, что народ предупредил только Апостолов, а собрался только к Нему. К этому склоняет мысль нашу и полная отдельность и независимость предложений; в них все различно и раздельно: и самые действия выделены как самостоятельные моменты (και προηλθον... και συνηλθον...), и объекты действий выделены один от другого (αυτους... προς 'Αυτον...)

По ходу события можно видеть здесь невольный намек очевидца на то, как действительно происходило дело. Если мы представим, что Господь, плывя из Тивериадских пределов в одной лодке с Апостолами, вышел на берег около Вифсаиды, в северо-восточном углу озера, и направился к пустому месту, чтобы уединиться, а Апостолы отплыли по северному берегу озера и пристали несколько ближе по направлению к западу, к Капернауму, откуда бежал народ, то выражение Евангелиста, как очевидца события, будет совершенно понятно. Когда Апостолы вышли на берег, народ был уже там, предупредил их. Но Господь был не с ними - Он уединился несколько далее по направлению к востоку, - и народу нужно было пройти еще, чтобы прийти к Нему. Народ, таким образом, предупредив Апостолов, в то же время действительно не предупредил Господа, а пошел к Нему. И еще оттенок: когда Апостолы вышли на берег, народ побежал к Господу, конечно вразброд; он собрался только тогда, когда поджидал выхода Господа, находящегося в уединенном месте. Потому и говорит Аносюл: (пришли прежде нас к месту нашей высадки) "предупредили нас и собрались к Нему". Так мог сказать только очевидец.

Выражение "και συνηλθον προς 'Αυτον" во многих древних кодексах не встречается, и потому Тишендорфом оно опущено. Но если смотреть на дело не с внешней, а с внутренней стороны, то данное выражение звучит такой правдивой наивностью очевидца, передающего раздельно моменты события, что должно присоединиться к александрийскому кодексу и другим, сохранившим это выражение.

7. Обычно думают, что тут разумеется выход Господа из лодки: "Выйдя из лодки Иисус увидел множество народа". Но, по моему мнению, здесь следует разуместь выход Иисуса не из лодки, а из пустого места в пределах Вифсаиды.

Лк.9:10: "Апостолы, возвратившись, рассказали Ему, что они сделали; и Он, взяв их с Собою, удалился особо в пустое место, близ города, называемого Вифсаидой".

Мы уже видели, что необходимо признать, что Евангелисты Матфей и Марк, упоминая о переправе лодкой, не придавали этому центрального значения. Для них важно было удаление в уединенное место, и они именно об этом и рассказывают, упоминая о лодке лишь между прочим. Поэтому и "вышедши" (ἐξελθὼν) правильнее относить в смысле выхода к центральной мысли, а не к второстепенной.

Умственные взоры Апостолов устремлены не на переправу, а на то, что произошло после переправы, на ту цель, которую они имели в виду.

Матфей говорит: "И услышав, Иисус удалился оттуда, на лодке, в пустынное место один; а народ, услышав о том, пошел за Ним... И выйдя, Иисус увидел множество народа..." По моему мнению, гораздо естественнее относить "выйдя" к "пустынное место", чем к "на лодке".

Марк тоже говорит: "И удалились в пустынное место, лодкой, одни... и предупредили их, и собрались к Нему. И выйдя, увидел Иисус множество народа".

И здесь удобнее относить "выйдя" именно к тому моменту, когда народ, предупредив Апостолов, затем собрался около того места, где Он был в уединении.

Главная выгода такого понимания та, что тогда рассказы Матфея и Марка вполне приводятся в согласие в повествовании Евангелиста Луки.

Последний говорит: "И Он (Иисус) удалился особо в пустое место (близ) города, называемого Вифсаидою; но народ, узнав, пошел за Ним, и Он, приняв их, беседовал с ними"... О лодке и о выходе из нее - ни слова. Представляется, что Господь удалился в пустое место; народ за Ним; и Он принял его... Очевидно, если "выйдя" Матфея и Марка понимать в смысле выхода из лодки, то получится разноречие. Они говорят, что Иисус, выйдя из лодки, увидел парод и стал учить его. А Лука говорит, что Иисус удалился в пустое место и там уже принял народ. Если же ἐξελθὼν Матфея и Марка понимать в смысле выхода из уединения, то получится совершенное их согласие с Лукой. Лука лишь пропускает эпизодическую вставку, что переправа была лодкой, что для неочевидца разумелось само собой.

Что касается того, можно ли ἐξελθὼν понимать в таком смысле выхода не из чего-либо прямо и точно определенного, как, например, лодка или жилище, а из пустынного места вообще, то в этом не может быть сомнения. Немного далее, в повествовании о жене Хананеянке, говорится, что она вышла (ἐξελθούσα) из пределов Тирских и Сидонских (Мф.15:22), и Господь затем вышел (ἐξελθὼν) из пределов Тирских и Сидонских (Мк.7:31). И вообще глагол ἐξέρχεσθαι имеет самое широкое значение в Евангельском языке, обозначая не только телесное исхождение, но и духовное (исхождение злых духов из человека, исхождение силы из Иисуса, исхождение Святого Духа, распространение молвы и пр.).

Затем нужно отметить и то, что тот же Евангелист Марк, рассказывая о выходе Господа из лодки по возвращении Его обратно на эту сторону озера, находит нужным точно прибавить "из лодки": ἐξελθόντων αὐτῶν ἐκ τοῦ πλοίου, когда они вышли из лодки (ст.54).

Таким образом, отсутствие этой прибавки в рассказанном нами месте тоже свидетельствует в пользу нашего понимания ἐξελθὼν в более общем значении выхода на ту сторону, а не в смысле выхода именно из лодки.

Наконец, такое понимание ἐξελθὼν оправдывается и общей картиной действия. Если представить, что Господь вместе с учениками пристал к берегу и, выйдя из лодки, сейчас же начал учить предупредивший их народ, - то как же тогда понять Евангелиста Матфея - что Господь отправился в пустынное место один? Марка - что Апостолы удалились в пустынное место одни? Луки - что Господь, взяв их с Собою, удалился особо в пустынное место? Всюду будут противоречия непримиримые.

Затем: если Господь сейчас же по выходе из лодки начал учить, то, значит, Апостолы так и не

отдохнули, Господь так и не успел уединиться хотя ненадолго? Но, однако, Евангелисты прямо говорят противное. Они не говорят: думали отдохнуть, да народ помешал; хотел удалиться в пустынное место, да не успел по причине народа. Они говорят совершенно в положительной форме: Апостолы, повинувшись Его позволению, удалились особо в пустынное место... Он ради уединения удалился особо в пустынное место... И затем, народ не выставляется Евангелистами в таком свете, что он совершенно помешал всем намерениям Господа и Апостолов. Его следование за Иисусом выражается Евангелистами без частиц противоположения. Не говорится: хотели Апостолы отдохнуть, но народ прибежал; хотел Господь уединиться, но народ собрался. Везде рассказы об этом связаны соединительными союзами. По Матфею "и", а не "но" - και, а не *αλλά* "и выйдя, Иисус увидел много народа". По Марку: "И выйдя, увидел Иисус"... και εξελθων (по-русски почему-то "и" пропущено). По Луке: "Народ же, узнав, пошел за Ним, и Он принял их", οί τε όχλοι χυόντες... και δεξάμενος αυτούς (по-русски почему-то τε переведено союзом "но").

По Иоанну: "И последовало за Ним множество народа", - και ηκολούθει Αυτω (по-русски почему-то "и" выпущено). Везде мы видим, что противоположения нигде нет, и, следовательно, Евангелисты не имели в виду обозначить, что народ расстроил все планы Господа, и Ему не удалось ни отдохнуть, ни уединиться; может быть, конечно, и то и другое было бы более продолжительно, если бы народ не узнал Иисуса и не последовал за Ним, но чтобы ни того, ни другого не было в действительности, а осталось только в проекте, - этого совсем ниоткуда не видно.

Таким образом, с какой бы стороны мы ни посмотрели на дело - везде получается повод представлять дело так, что Апостолы и Господь действительно удалялись в пустынное место после переправы на лодке чрез озеро, и что поэтому εξελθων, "выйдя" нужно относить не к тому моменту, когда Господь вышел из лодки, а к тому, когда Он вышел к народу, после некоторого уединения на берегу в особом месте, в пределах Вифсаиды.

8. Как очутились с Господом ученики Его? Нужно предполагать, что некоторые из них пришли со стекавшимся к Нему народом. Мы видим около Господа Андрея, Филиппа и, конечно, должны предположить Иоанна, который передает как очевидец последующие разговоры.

9. Как понимать это наступление? Так ли, что вообще Пасха была близка, или так, что буквально наступал день Пасхи, т.е. с заходом солнца было ее начало? Обычно предполагается первое, т.е. что Евангелист Иоанн хотел сказать, что недалеко была и Пасха иудейская, и следовательно, событие происходило в месяце Нисане, незадолго до 15-го числа. Но тогда спрашивается: почему Евангелист Иоанн упомянул об этом именно в данном месте своего рассказа? Почему он не упомянул в начале, а помещает это среди речи, прерывая плавное течение события? Иисус возвел очи свои и увидел множество народа, идущего к Нему, и хочет их накормить. И между этими двумя моментами помещается совершенно, по-видимому, отрывочное известие: "Наступала же Пасха, праздник иудейский..." Какая же была тут связь в мысли Евангелиста? Некоторые думают, что тут можно найти связь с тем фактом, что к Иисусу шло множество народа. Так как приближалась Пасха, то в Иерусалим тянулись толпы богомольцев, и вот Господь увидел их идущих. Таким образом евангелист-Иоанн своим известием о близости Пасхи как бы объясняет появление множества народа, он как бы говорит: так как близко уже была Пасха, праздник иудейский, то множество народа шло к Иисусу; и вот Он, увидев его, говорит ученикам, чем бы накормить их. Но такое понимание совершенно невозможно. По связи всех Евангелистов нужно думать, что здесь разумеется именно тот народ, которые бежал из Иисусом из городов, чтобы слушать Его и получить от него исцеление от различных болезней. Это видно и из предшествующих слов самою Евангелиста Иоанна (ст. 2).

Путешествие на Пасху и Иерусалим, очевидно, не имело никакого отношения к тем толпам

народа, которые стекались к Иисусу.

Затем нужно принять во внимание и географическое положение места, где все это случилось. Это было на топ стороне Галилейского озера, недалеко от Вифсаиды Юлии.

Народ стекался из городов, лежащих по южную сторону озера, так как отсюда выехал Господь с учениками на лодке, и здесь Его заметили. Следовательно, народ шел по направлению от юго-запада к северо-востоку по северной стороне Галилейского озера, от Капернаума.

При чем же тут могло быть путешествие в Иерусалим на праздник Пасхи? Туда народ должен был идти на праздник как раз в противоположном направлении, и если он вышел из Капернаума, Вифсаиды, Магдалы и других городов по южную сторону Галилейского озера, то ему никак не по пути было идти к Господу. Если бы предположить, что это были другие толпы народа, а не те, которые бежали за Иисусом, то это значит противоречить прямым словам Евангелия, которое отождествляет тех и других, так как и Апостолы, приступив, говорят Учителю: отпусти их - уже поздно; то есть, следовательно, предполагается, что они те самые, которые бежали, и которых днем Он учил и исцелял...

Таким образом, мне кажется, что попытки связать близость праздника Пасхи с множеством идущего к Иисусу народа не могут быть приняты. Но тогда совершенно непонятно, почему именно так отрывочно и внезапно говорит об этом Евангелист Иоанн. Я думаю, что лучше будет принять здесь буквальный смысл, т.е. что действительно наступал день Пасхи, и поставить это в связь с тут же высказанным намерением Господа чудесно накормить идущий к Нему народ. Евангелисты Матфей, Марк и Лука для чудесного насыщения дают мотивы внешние: вечер, народ голоден; купить хлеба в данном месте было негде; и вот Господь, милосердая, чудесно насыщает их... Но своей вставкой, что наступала Пасха, Евангелист Иоанн заставляет предполагать мотив для этого более внутренний и существеннейший.

Господь решил не идти на Пасху в Иерусалим, где уже был против Него заговор, и где Он мог пострадать; а между тем еще не наступило к тому время, и ученики не были еще приготовлены. Он идет на другую сторону в уединенное место. Народ за Ним. Прибыли. Время наступления Пасхи. И вот Господь решил совершить Пасху чудесно, по-своему, всенародно обнаруживая Свою власть и Свое творчество. Вместо Иерусалима Он открывает здесь источник непосредственного Божественного присутствия и силы. Где Он, там и Иерусалим; где Он, там и присутствие Бога. Он выступает всенародно, как Мессия. Здесь совершилась отмена ветхозаветной Пасхи... После смерти Иоанна Он ясно становится на свое место Мессии и самым делом показывает это народу, совершая чудесно Пасху... Если через год была тайная вечеря, то теперь происходила публичная, всенародная вечеря... Тут был высший пункт Его общественной проповеди. Беседа в Капернауме служила лишь пояснением факта, и самый факт насыщения был лишь иллюстрацией проповеди. Затем начинается период сокровенной деятельности Господа со своими учениками и специальное их приготовление к имеющему совершиться...

Я думаю, что слова Иоанна о том, что приближалась Пасха, должны служить прямым выяснением внутреннего значения чудесного насыщения. Тут не внешнее отношение "повода", а внутреннее отношение "смысла события"...

10. Евангелист Лука говорит: "И приступив к Нему двенадцать, говорили Ему"... *προσελθόντες δὲ οἱ δώδεκα, εἶπον αὐτῷ*. Если брать отдельно это известие, то выходит, что как будто до этого Иисус был совершенно один, и только вот теперь приступили к Нему все двенадцать. Но тогда как же быть с известием Иоанна, который сообщает беседу Иисуса с Филиппом и Андреем до пришествия народа и притом беседу, по взаимному отношению говорящих лиц, отличную от той, которую сообщает Лука и другие Евангелисты? Я думаю, что если посмотреть на известие Евангелиста Луки с той точки зрения, что он не был сам очевидцем и передает не личные впечатления, а такую редакцию события, которая, так сказать, установилась между Апостолами и представляла попытку соединить вместе их личные воспоминания, - то смысл сообщения Евангелиста Луки найдет свое верное объяснение.

Матфей и Марк говорят вообще: "приступили к Нему ученики", не обозначая, все ли были, или только некоторые. Как Евангелист Матфей, так и Апостол Петр, от которых идут эти известия, сами были в числе этих приступивших и, очевидно, правдиво отмечают этим только время своего прихода к Господу.

"Когда же настал вечер, приступили к Нему ученики" (Мф. ст.15). "И когда времени прошло много, ученики Его, приступив к Нему, говорят"... (Мк. ст.35). Сколько их при этом было, для них это было совсем не важно, и они ничего не говорят об этом. Евангелист Иоанн, бывший, очевидно, с Господом еще до их прихода, передает предварительную беседу Его с Андреем и Филиппом на горе, когда толпы народа и остальные Апостолы только еще приближались сюда... Но, конечно, когда последние пришли к Господу и началась последующая беседа, все двенадцать учеников были около Господа. Все собрались вместе на горе, а народ расположился на склонах ее и у подножия. Этот момент и отмечает Евангелист Лука. Не будучи активным деятелем, он описывает не отдельные действия тех и других Апостолов, а общую картину.

Когда приближался вечер, Евангелист Матфей и Апостол Петр сами лично шли из своего уединения к Господу на гору и, придя, просили отпустить народ. Они об этом и сообщают. Евангелист Иоанн до этого еще был свидетелем беседы Господа с Андреем и Филиппом, о чем и сообщает в дополнение к другим Апостолам.

А у Луки не было этих личных воспоминаний, оттеняющих частные, отдельные эпизоды живого целого; он дает общую картину события, перечисляя все главные его моменты. Другие Евангелисты, так сказать, предполагали, что общее уже известно, и все принимают и верят в него по установившимся устным редакциям; они считали долгом внести лишь свои частные воспоминания, как непосредственные и активные участники события. А Евангелист Лука, наоборот, как историк, имеет в виду занести общую, наиболее точную редакцию события, как очень важного, в связь всего, сообщаемого им, не касаясь частных в сообщениях того или другого из участников. Он отмечает моменты события в их завершении, в их окончательной форме; а участники рассказывают по личным воспоминаниям их процессуальную сторону. Потому он и отмечает тот момент события, когда двенадцать были вокруг Господа, и окончательно решено накормить народ...

11. Разно Евангелисты рассказывают те обстоятельства, которые непосредственно предшествовали насыщению пяти тысяч человек пятью хлебами. Матфей, Марк и Лука говорят, что ученики при наступлении вечера приступили к Иисусу и просили Его отпустить народ, чтобы он в окрестных селах мог заночевать и купил бы хлеба, а Господь сказал: "Вы дайте им есть"; Апостолы сказали на это, что у них только пять хлебов и две рыбы; тогда Господь велел их принести, преломил их и велел раздать народу.

Иоанн передает не так. Он прежде всего упоминает, что близко была Пасха иудейская. Затем Иисус как бы сидит со Своими учениками, видит только что идущий еще к Нему народ и Сам предлагает вопрос: где бы купить хлеба и насытить народ? Беседующими с Господом представляются Андрей и Филипп. Хлеб они находят у одного мальчика.

Итак, разница повествований в следующем: там народ представляется пришедшим; здесь он только что идет. По Иоанну, инициатива во всем принадлежит самому Господу, и мысль о насыщении Господом народа поставляется в связь с приближением Пасхи; по остальным трем Евангелистам, Апостолы сами приступали к Господу и просили Его отпустить народ по позднему времени. Затем, по Иоанну, вопросы предлагаются Филиппу, а известие о пяти хлебах приписывается Андрею, и, наконец, пять хлебов и две рыбы находятся как будто не у Апостолов, а у одного мальчика.

Все это довольно характерные различия, и попытки соединить эти известия Евангелистов в одно целое представляются неудачными и искусственно неправдоподобными.

По моему мнению, тут должно видеть два отдельных момента: один, предшествующий, рассказан Иоанном, а другой, последующий - остальными Евангелистами. Все Евангелисты

рассказывают как очевидцы. Иоанн был с Иисусом, когда остальные Апостолы отдыхали отдельно в пустом месте; Филипп и Андрей были с Иоанном. Иоанн был как бы поверенным мыслей Господа (как это видно из 6-го стиха). Приближался вечер, вероятно, пасхальный (так думает и Дидон); к Иисусу все прибывали толпы народа и, вероятно, с ними и другие Апостолы. И вот Господь беседует с Филиппом и Андреем (которые, очевидно, распоряжаются организацией толпы, окружающей Господа, как это видно из того, что Филипп же упоминается и в беседе с эллинами (Ин.12:20-22)). Замечательно выдержан везде характер Филиппа: "приди и виждь; покажи нам Отца; недостает и двухсот динариев"; - везде реализм). Затем приходят и другие Апостолы с народом, и происходит описанное Матфеем и Марком. Предшествующая беседа с Филиппом и Андреем им не была известна, и они действуют от себя и сообщают о тех поводах к их просьбе, которые представлялись им, ничего не зная о намерении Господа. Андрей к этому времени приобрел у мальчика пять хлебов и две рыбы. Пришедшие Апостолы, справившись потом о запасе хлеба, могли сказать, что у них пять хлебов и две рыбы.

12. Очевидно, Апостол Иоанн был поверенным дум Господа в данную минуту и, вероятно, он же и принес весть о том, что народ хочет сделать Иисуса царем. Другие ученики собирали остатки хлебов в это время и, может быть, смутно подозревали подготавливавшееся движение взять Господа. И пока они убрались с народом и сошли к берегу, Господь, побыв на горе один, тоже сошел вниз и решил за лучшее удалить своих учеников от соблазна поддаться влиянию народа... Отсюда понятно, почему они употребляют выражение "тотчас". Ученики действительно, после уборки хлебов, тотчас сошли к берегу и тут, по повелению Христа, сели в лодку.

А Иоанн, бывший с Господом, помещает здесь известие о том, что Господь, узнав о намерении народа, удалился сначала в гору и затем уж сошел вниз и отправил учеников...

Также понятно и выражение "понудил", (Мф.14:22; Мк.6:45). У Матфея и Марка, которые употребляют это выражение, оно остается несколько не объяснимым, не обоснованным. Почему Господь "принудил"? Что вызвало Его на "принуждение"? Евангелист Иоанн объясняет это выражение, упомянув о намерении народа взять Иисуса и внезапно провозгласить Его Царем... Что учеников нужно было "понуждать" - это показывает, что им не хотелось уезжать, и что они смутно предчувствовали, что что-то подготавливается в пользу их Учителя, и хотели быть при этом...

Таким образом, Евангелисты ненамеренно взаимно дополняют и объясняют друг друга в данном месте, покаявая этим, что живое целое совершилось пред их глазами, и они были в нем участниками.

13. Евангелист Матфей говорит - "на другую сторону" (ст.22), Марк - "на другую сторону к Вифсаиде" (ст.15), Иоанн - "на другую сторону моря - в Капернаум" (ст.17).

Вифсаида и Капернаум были друг около друга на Генисаретском берегу Галилейского озера, и потому в данном случае нет никакого противоречия между Евангелистами: направление указано то же самое. Можно даже думать, что различие в названиях произошло следующим образом. Апостолы имели целью плыть в Вифсаиду, так как некоторые из них были из Вифсаиды, и они намеревались подъехать туда к пристани, а оттуда уже разойтись по домам. Евангелист же Иоанн, зная, может быть, намерение Господа сказать на следующий день речь в капернаумской синагоге, бессознательно предупреждает и говорит, что ученики поплыли к Капернауму.

Таким образом, в изложенном различии можно слышать отзвук мыслей, наполнявших в это время Апостолов.

14. και σκοτία ηδη εγεγονει, και ουκ εληλυθει προς αυτους ο Ιησους, - "а Иисус не приходил к ним" (Ин.6.17). Это выражение, единственно встречающееся у Иоанна, очень характерно, и

своей тонкой правдивостью свидетельствует, что писавший был несомненно очевидец и деятельный участник в описываемом событии. Было уже темно, а Иисус не приходил к ним. Разве не слышится здесь ожидание, что Иисус придет, что Он должен прийти, и пора бы Ему прийти, но вот Он еще не пришел? А между тем, как Апостолы могли об этом думать? Они ведь, конечно, не знали о намерении Господа идти по водам. Иначе бы они не сочли Его явление за призрак, и оно не было бы для них такой неожиданностью, как это видно из рассказов Матфея и Марка. Откуда же у них могло вырваться такое выражение, очевидно, намекающее на чувство ожидания прихода Господа?

По моему мнению, именно тот факт, что это выражение принадлежит Иоанну, и разрешает недоумение. Иоанн был близок к Господу. Мы видим, что он знал о намерении Его напитать народ, когда еще другие Апостолы не знали (ст.6); мы видим, что он знает внутреннюю причину, почему Господь удалился на гору одни и понудил учеников ехать на ту сторону - такой причиной было намерение народа сделать Иисуса царем (ст.15).

Мне кажется, что и рассматриваемое нами выражение еще раз говорит о той же близости Иоанна к Господу; проглядываемое в нем ожидание прихода Господа показывает, что Иоанн мог знать или предчувствовать намерение Возлюбленного Учителя, - и тогда как другие ученики ничего не подозревали, боролись с волнами и старались добраться до берега, Иоанн ожидал своим сердцем, что вот-вот Господь придет к ним. Такое предположение совершенно правдоподобно и вполне согласуется с тоном и со всеми особенностями рассказа Евангелиста. А если так, то невольно вырвавшийся у него намек на переживаемое им в то время душевное состояние не есть ли такое доказательство подлинности принадлежности рассказа Евангелисту Иоанну, которое для живого и чуткого верующего человека лучше и важнее всяких внешних изъяснений и рассуждений...

15. Известие о хождении Петра по воде мы находим только у Евангелиста Матфея. На это следует обратить внимание. Вполне понятно, что Иоанн ничего не говорит об этом: он дополняет только других Евангелистов - и раз нечего прибавить чего-нибудь нового в событии, он совсем и не упоминает о нем. Но почему ничего не говорит об этом Евангелист Марк? Он писал со слов апостола Петра, - и кто бы как не он мог рассказать об этом чудесном с ним случае? Я думаю, что это молчание можно объяснить только тем, что Апостол Петр видел в этом происшествии не столько маловерие свое, сколько верность и веру; а потому он из скромности и умалчивает об этом, как и в других случаях, где он выделяется по вере среди других. Мы знаем, например, что он сообщает, как он начал отговаривать Господа от страданий и как Господь назвал его сатаной и велел о гонги, но он молчит о том, как только что перед этим он исповедал Иисуса Христа Сыном Бога Живого, и как за это Господь высказал ему свое благоволение и дал ему особое обетование (Мк.8-29-33; Мф.16:16-23). По моему мнению, мы напрасно в этом событии хождения Петра по водам привыкли видеть и оттенять только маловерие. Если он был маловерным, то другие Апостолы должны называться почти неверами, потому что они не двинулись к Господу, считая Его за призрак. Они, может быть, и Апостола Петра сочли в это время за сумасшедшего, и только его пламенное сердце и на этот раз не обмануло его...

Мне думается, что умолчание Апостола Петра об этом случае с ним должно именно побуждать нас видеть здесь его горячую, хотя и колеблющуюся еще веру, которая так выгодно выделила его и на этот раз из среды других учеников Иисусовых. Если бы Апостол Петр видел здесь только свое маловерие, то, несомненно, он упомянул бы об этом в своих рассказах о жизни Господа.

16. και ευθέως το πλοιον εγενετο επι της γης, εις ην υπηγον. По-русски переведено это так: "Хотели принять Его в лодку, и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли". По такому переводу как будто выходит, что самое хождение Господа и Петра по водам было тут же, около берега. Некоторые живописцы так и изображают это событие. Но по моему мнению,

здесь *ἐπι τῆς γῆς* нужно понимать не в смысле берега как пояса континента, в противоположность понятию моря и воды, а в смысле области, в смысле ее пределов, как тут же это и встречается у Евангелистов Матфея и Марка.

Матфей говорит: "И, переправившись, прибыли", - (т.е. область) *Γεννησαρέτ* (ст.34); а Марк даже употребляет тот же *ἐπι*, говоря: "И, переправившись, прибыли", - *ἐπι τῆν γῆν* (область) *Γεννησαρέτ* (ст. 53). Подобно тому и Евангелист Иоанн говорит: "И лодка очутилась в той области, в которую они плыли", - *το πλοῖον εὑρέτο ἐπι τῆς γῆς εἰς ἣν ὑπήγον...*; а никак не то, что лодка пристала к берегу, куда плыли, ни грамматически, ни по ходу события такой перевод не может быть назван точным и удобным.

При таком понимании слова *γῆ*, данное место, следовательно, не то будет значить, что лодка сейчас же очутилась на берегу, а то, что она оказалась в пределах Геннисаретской области. Противный ветер отгонял лодки Апостолов от цели их путешествия к югу от Капернаума и Вифсаиды; там, очевидно, произошло и явление Господа. Но после того, как Он вошел в лодку, и ветер утих, - лодка оказалась в пределах земли Геннисаретской, т.е. как раз там, куда Апостолы и плыли. Потому Евангелист Иоанн и отмечает это.

17. Это место отлично подкрепляет предшествующее примечание. Сказано: "Прибыли в землю (*ἐπι τῆν γῆν*) Геннисаретскую и пристали к берегу" (*πρостορμίσθησαν*). Следовательно, пристали к берегу после того, как прибыли в землю Геннисаретскую. Если бы земля (*γῆ*) понималась здесь как берег, континент, то вышла бы бессмыслица: сначала прибыли на берег, а потом пристали к берегу... Земля здесь, очевидно, понимается в смысле области, которая в своих пределах заключала и часть озера, примыкающую к ее берегам, потому сначала и говорится, что прибыли в землю Геннисаретскую, а потом - что пристали к берегу, стали на стоянку... Совершенно тот же смысл имеет слово *γῆ* и у Иоанна, когда он говорит, что лодка очутилась в той земле, в которую они плыли, т.е. в пределах области Геннисаретской, в черте моря, примыкающей к Геннисаретскому берегу...

ВОСКРЕСНАЯ НОЧЬ

О событии воскресной ночи повествуют все четыре Евангелиста в следующих словах

Ев. Матфей, глава 28

1. По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария, посмотреть гроб. 2. И вот, сделалось великое землетрясение; ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба, и сидел на нем. 3. Вид его был, как молния, и одежда его была, как снег. 4. Устрашившись его, стерегущие пришли в трепет, и стали, как мертвые. 5. Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищите Иисуса распятого. 6. Его нет здесь: Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь. 7. И пойдите скорее, скажите ученикам Его; что он воскрес и мертвых и предварает вас в Галилее; там Его увидите. Вот, я сказал вам. 8. И выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великой побежали возвестить ученикам Его. 9. Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се, Иисус встретил их, и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. 10. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня.

Ев. Марк, глава 16

1. По прошествии же субботы, Мария Магдалина и Мария Иаковлева, и Саломия купили ароматы, чтобы идти, помазать Его. 2. И весьма рало, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца. 3. И говорят между собою: кто отвалит нам

камень от двери гроба? 4. И взглянув, видят, что камень отвален; а он был весьма велик. 5. И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись. 6. Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес; Его нет здесь. Вот, место, где Он был положен. 7. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидше, как Он сказал вам. 8. И, выйдя, побежали от гроба: их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись. 9. Воскреснув рано в первый день недели, *Иисус* явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов. 10. Она пошла, и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим. 11. Но они, услышав, что Он жив, и она видела Его, не поверили.

Ев. Лука, глава 24

1. В первый же день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они* ко гробу, и вместе с ними некоторые другие; 2. Но нашли камень отваленным от гроба. 3. И войдя, не нашли тела Господа Иисуса. 4. Когда же недоумевали они о сем, вдруг предстали пред ними два мужа в одеждах блистающих 5. И когда они были страхе и наклонили лица свои к земле, - сказали им: что вы ищите живого между мертвыми? 6. Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее. 7. Сказывая, что Сыну Человеческому, надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть. 8. И вспомнили они слова Его. 9. И, возвратившись от гроба, возвестили все это одиннадцати и всем прочим. 10. То были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, *мать* Иакова, и другие с ними, которые сказали о сем -Апостолам. 11. И показались им слова их пустыми, и не поверили им. 12. Но Петр, встав, побежал ко гробу, и, наклонившись, увидел только пелены лежащие, и пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему.

* Женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи.

Ев. Иоанн, глава 20

1. В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба. 2. Итак бежит, и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его. 3. Тотчас вышел Петр и другой ученик, и пошли ко гробу. 4. Они побежали оба вместе, по другой ученик бежал скорее Петра и пришел ко гробу первый. 5. И наклонившись, увидел лежащие пелены; но не вошел во гроб. 6. Вслед за ним приходит Симон Петр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие. 7. И плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, по особенно свитый на другом месте. 8. Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал. 9. Ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых. 10. Итак ученики опять возвратились к себе. 11. А Мария стояла у гроба, и плакала. И когда плакала, наклонилась во гроб. 12. И видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. 13. И они говорят ей: жена? что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его. 14. Сказав сие, обратилась назад, и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. 15. Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. 16. Иисус говорит ей. Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввуни! что значит: учитель! 17. Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему, а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему. 18. Мария Магдалина идет, и возвещает ученикам, что видела Господа, и что он это сказал ей.

Как мы видим, повествования Евангелистов между собой весьма различны. Рассказывая, кем и как получена весть о воскресении Господа, и кому было самое явление Воскресшего, они говорят не одно и то же и, по-видимому, даже противоречат один другому. Евангелист Матфей говорит, что у Гроба были Мария Магдалина и другая Мария, что было землетрясение, что Ангел отвалил камень Гроба и с него возвестил о воскресении Господа, Который и Сам затем явился женам, когда они шли от Гроба. Евангелист Марк перечисляет уже других жен вместе с Марией Магдалиной: Марию Иаковлеву и Саломию, о землетрясении ничего не упоминает, о явлении Господа женам не повествует. Евангелист Лука указывает вообще на галилейских жен, во главе с Иоанной, как на получивших весть о воскресении; по его повествованию, им является уже не один Ангел, а два; самые слова Ангелов иные: в них нет повеления идти ученикам в Галилею, где их предварают Господь, а указывается только, что воскресение было предсказано Им ранее. У Евангелиста Иоанна мы находим повествование совсем непохожее на повествование других Евангелистов; у него получила весть о воскресении и сподобилась явления Самого Воскресшего одна Мария Магдалина, и при совсем особых обстоятельствах, и при иной обстановке, сравнительно с описанием других Евангелистов.

Как же быть при таких разноречивых рассказах Евангелистов? Кем же, и как, и при каких обстоятельствах получена на самом деле весть о воскресении, и кому именно явился Господь в воскресную ночь?

Толкователи Евангелия, видящие в нем только одну из исторических книг человечества, рассматривая его вне церкви и с критической точки зрения, находят в повествованиях Евангелистов непримиримые противоречия и отвергают возможность представить их рассказы в цельной картине. Как протекла воскресная ночь, кому, и как, и при какой обстановке явились Ангелы и Сам Господь, и были ли даже эти явления, - все это они считают неизвестным и самые евангельские повествования признают позднейшими записями воспоминаний и слухов, не имеющими характера достоверности.

Для Церкви сомнения в достоверности евангельских сказаний быть не может, потому что это ее же собственные сказания, дело живущего в ней Святого Духа, источника неизменной и вечной истины. Поэтому и церковные толкователи, не отрицая величайшей трудности примирить кажущиеся разноречия Евангелистов в описаниях воскресной ночи, всегда исходили из веры, что известия их вполне достоверны, что повествуемое ими примиримо и должно представлять цельную картину действительности.

Попыток примирить между собой повествования Евангелистов было много, начиная со времен святоотеческих и кончая настоящим временем, и все они вызывались общей и неистребимой потребностью верующего человека представить себе в более или менее цельном виде величайшую ночь воскресения Христова со всеми теми деталями, о которых говорят Евангелисты. Одну из таких попыток, и притом самую скромную, сознающую все предстоящие ей трудности и не заявляющую никаких претензий, кроме желания поделиться с верующими сердцами лично достигнутым, хотя и несовершенным, примирением евангельских повествований, и представляет настоящая статья.

I

Перед нами сообщения Евангелистов о том, как узнали святые жены Мироносицы о воскресении Господа и как они поведали о том Его ученикам.

Мы примем эти сообщения не извне Церкви, а изнутри ее; посмотрим на них не как на дошедшие откуда-то со стороны и потому могущие быть и не совсем достоверными исторические известия, а как на откровения той же самой истины, в которой мы и сейчас живем по силе Святого Духа, пребывающего в Церкви.

Отрицательная критика находит всевозможные противоречия в данных повествованиях и утверждает, что несмотря на все научное беспристрастие и все усилия, она никак не может примирить их.

Но для Церкви, как мы уже сказали, таких противоречий в них нет; она владеет более верными средствами познать свою истину и утвердить несомненную действительность того, что сообщается ей ее же Евангелистами. Церковь исходным началом своего исследования может брать исключительно только безусловное доверие к тому, что в данном случае передается в Евангелии со слов самих жен Мироносиц. Когда всматриваешься в евангельские свидетельства именно в свете такого безусловного доверия, то те отдельные черты их, которые в холодных руках историка-скептика никак не хотели составить из себя цельной картины события воскресения, сами собой складываются и образуют одно божественно-разумное живое целое.

Прежде всего, когда прочитаешь все евангельские повествования о воскресной ночи, самое общее и самое первое впечатление получается такое, что Евангелисты, имея в виду одно и то же событие, тем не менее передают его различно.

Чем же это различие можно объяснить, не подвергая при этом ни малейшему сомнению правдивости самих Евангелистов? Только и единственно тем, что, значит, рассказы о воскресной ночи шли к ним от различных лиц, т.е. в данном случае от различных жен Мироносиц как непосредственных свидетельниц события, потому что не могли же Евангелисты, будучи верны истине, один и тот же рассказ передать до несравнимости различно.

Но отчего сами эти свидетельницы одного и того же события могли быть несогласны между собою, если они безусловно правдивы? Как ни странным покажется, но не может быть ни малейшего сомнения, что это несогласие могло произойти и произошло именно от их безусловной правдивости. Вчитываясь в евангельские рассказы, мы видим, что св. жены Мироносицы, желая быть совершенно верными истине, с удивительной силой ни на одну минуту, ни на одну черту не дают воли своей фантазии и своим догадкам относительно того, как произошло *все* событие в его целом объеме, *само по себе*, помимо их личного опыта. Каждая из них рассказывает исключительно только то, что сама видела и сама испытала, участвуя в одной какой-либо части события и в том или другом его моменте. Такая необычайная и настойчивая точность свидетельств сама собой ведет к их разнообразию. Когда событие имеет известную пространственную и временную сложность, когда в нем есть движение отдельных лиц, то совершенно понятно, что эти лица, принимая неодинаковое участие в событии, будут непременно рассказывать о нем различно друг от друга, если будут безусловно строго передавать лишь одно только то, что каждое из них лично видело и испытало. Это различие может дойти до полной обособленности, если пространственные и временные пути движения этих лиц отчасти не совпадали между собой или не пересекались взаимно в каких-либо точках события.

Все это мы и имеем перед собой в евангельских рассказах о событиях воскресной ночи. Временно эти события протекали от позднего вечера до восхода солнца включительно; пространственно они обнимали пути от жилищ жен Мироносиц ко Гробу и обратно; лица в

них участвовали различные; движения их, как увидим, не совпадали между собой; участие каждого из них не захватывало всего происшедшего в его совокупности; свидетельства их строго относились только к тому, что лично каждым испытано. Таким образом, у нас все данные для того, чтобы не только объяснить различие отдельных евангельских повествований о воскресной ночи, но и видеть неизбежность этих различий как следствие безусловной правдивости жен Мироносиц, из признания которой должно исходить всякое церковное понимание и примирение всего сообщаемого ими.

Теперь спрашивается: имеем ли мы средства и какие именно, чтобы воссоздать цельный облик всего события по таким частным, не совпадающим между собою свидетельствам? Имеем. Средства эти те же самые, что и при всякой разборке верных исторических известий; они могут заключаться единственно в том, чтобы в отдельных рассказах о событии найти какие-либо точки соприкосновения, подметить какие-либо признаки, по которым можно было бы судить о взаимоотношениях различных моментов случившегося, т.е., например, передаваемое одним произошло ли в одно время с тем, или ранее, или позже того, что передается другим, - в одном с ним месте, или в другом, - там, или здесь, - при таком положении рассказывающего лица, или при другом и пр. Изучая данные евангельские известия, можно видеть, что и в них есть такие указания, такие частные черты и пометки, за которые наша мысль может ухватиться, чтобы найти известные взаимные отношения между отдельными моментами, которые в них передаются

Отсюда можно видеть, куда должны быть направлены все усилия тех, кто хотел бы восстановить в цельном виде событие воскресной ночи, о котором повествуют так различно наши Евангелисты. Прежде всего, необходимо определить непосредственных свидетелей события; затем - должно наметить те случайные, пространственные и временные указания, по которым представлялась бы некоторая возможность установить взаимные внешние отношения между свидетелями вместе с их наблюдениями; наконец, сообразно этим указаниям, начертать план события, попытаться воссоздать последнее в его живом целом, совмещающем в себе все отдельные евангельские повествования без всяких противоречий и во внутренней органической связи.

II

Свидетельницами события воскресной ночи, очевидно, были жены Мироносицы. Указания на их имена мы находим у всех Евангелистов. Есть между ними имена общие всем, есть и особенные у каждой. Когда вдумаемся, то эта черта окажется для нас очень важной. Если Евангелисты безусловно правдиво передавали слова жен Мироносиц, и если сами жены передавали безусловно правдиво виденное и испытанное ими, то само собой следует, что различные рассказы могли исходить только от различных жен, потому что не могла одна и та же жена передавать один раз одному Евангелисту одно, другому - другое.

Если это так, то из сравнения имен жен Мироносиц, сообщаемых отдельными Евангелистами, можем с вероятностью наметить, от которой из них всего естественней мог возникнуть рассказ того или другого Евангелиста. Евангелист Матфей в своем повествовании о воскресной ночи упоминает Марию Магдалину и "другую" Марию (28:1); Марк - Марию Магдалину, Марию Иаковлеву и Саломию (16:1); Лука - Марию Магдалину, Марию Иаковлеву и Иоанну с другими, с ней бывшими (23:55, 24:1,10); Иоанн - одну Марию Магдалину (20:1). Какая же именно из названных жен которому из Евангелистов передавала то, что вместе с другими сподобилась видеть и испытать?

Начнем с самого несомненного и очевидного. Евангелист Иоанн упоминает только одну Марию Магдалину. Тут выбора для нас нет: мы должны признать, что сообщение Евангелиста Иоанна передано с ее слов. Если это так, то мы получаем возможность сделать дальнейший шаг и определить, от какой из жен мог взять свои сведения и Евангелист Матфей. У него мы встречаем имена Марии Магдалины и "другой" Марии. Так как его рассказ совсем отличен от рассказа Евангелиста Иоанна, то автором его не могла быть Мария Магдалина и, следовательно, таковою могла быть только "другая" Мария. Евангелист Лука говорит о Марии Магдалине, Марии Иаков левой и Иоанне с бывшими с ней другими галилейскими женами, но так как опять его повествование совсем иное, чем у других Евангелистов, то мы и источником его не можем предполагать ни Марию Магдалину, потому что ее собственный и совершенно отличный рассказ мы находим у Евангелиста Иоанна, ни Марию Иаковлеву, потому что она упоминается, как сейчас скажем, у Евангелиста Марка тоже при ином рассказе, следовательно, естественнее всего предположить, что Евангелист Лука записал свои известия со слов Иоанны во главе с другими, с ней бывшими галилейскими женами. Остается сказать о Евангелисте Марке. Апостол Петр, со слов которого записано Евангелие Марка, сообщает имена трех жен: Марии Магдалины, Марии Иаковлевы и Саломии. Мария Магдалина не могла быть первоисточником повествования Евангелиста Марка по высказанному выше основанию, так как Ев. Марк передает известия о воскресении иначе, чем Евангелист Иоанн, записавший несомненно со слов Марии Магдалины. Остается предположить, что Ап. Петр, устное благовестив которого передал письменно Евангелист Марк, передал о событии воскресной ночи со слов или обеих остальных жен, или одной которой-нибудь из них и, вероятнее всего, как увидим, со слов Марии Иаковлевы.

Так вначале предположительно намечаются наиболее вероятные лица, со слов которых записаны Евангельские повествования. Однако при этом следует устранить одно существенное недоумение. Дело в том, что мы в евангельских рассказах рядом с особенными в каждом именами встречаем также и общие в них имена. Так, Мария Магдалина упоминается у всех Евангелистов; Мария Иаковлева - у Евангелистов Марка и Луки. Как же это могло случиться? Если рассказы обособлены и представляют между собою различие, то и лица, от которых они исходят и которые участвовали в событиях воскресной ночи, по нашему принципу безусловного доверия к их сообщениям, должны быть также различны. Как же, например, Мария Магдалина могла попасть во все повествования? Если она участвовала везде, то не должна ли она представить и весь ход события, т.е. и все то, что сообщается и другими женами? Если же она не участвовала, то как же другие жены сообщают о ней? Разрешение этого, по-видимому, существенного противоречия заключается в самих же евангельских повествованиях. У Евангелиста Матфея мы читаем: "Пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть Гроб" (28:1); у Марка: "Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его" (16:1); у Иоанна: "Мария Магдалина приходит ко Гробу рано" (20:1); у Луки: "И возвратившись от Гроба возвестили все это... то были Магдалина Мария и Иоанна и Мария, мать Иакова, и другие с ними, которые сказали о сем Апостолам" (24:9-10). Что мы из всех этих сообщений видим? То ли, что Мария Магдалина непременно участвовала во всем вместе со всеми другими женами? Нет: с одной она ходила осмотреть Гроб; с другими покупать ароматы; к третьим она присоединяется уже в рассказе Апостолам о воскресении Господа; но когда она была у Гроба и когда ей являлся Господь, - она была одна, как и сообщает Евангелист Иоанн. С другими женами она была *до* и *после* получения вести о воскресении, что для нее не имело никакой важности при рассказе о самом событии, которое составляло единственный предмет ее внимания. То же самое должно сказать и о Марии Иаковлевы: у Ев. Марка она упоминается как идущая покупать ароматы; у Ев. Луки - как присоединившаяся к галилейским женам, когда они говорили Апостолам о явлении им ангелов; но чтобы она была вместе с ними у Гроба, мы опять этого нигде не видим. Но, может быть, спросят - почему же, однако, Евангелисты так прямо и не говорят, что вот -

Мария Магдалина до сих пор была вместе с другими женами, а затем ушла, не участвуя при самом событии? Да просто потому, что жены, рассказывая, имели в виду исключительно только само событие в тот момент, когда его переживали, а не самих себя; для них присутствие, или отсутствие той, или другой из них было не важно, потому они и не отмечают этого в своих рассказах. В таком поглощении внимания жен только переживаемым ими событием, касающимся Господа, и видна настоящая евангельская черта боговдохновенности. Мы во всем Евангелии видим, что Апостолы совсем не говорят нарочито о себе, о том, кто из них когда приходил, или уходил при том или другом событии. Они всецело поглощены лицом и делом Господа. То же мы видим в данном случае и у жен Мироносиц.

Итак, после всего сказанного мы имеем право наметить в качестве первоисточников Евангельских повествований о воскресной ночи следующих жен Мироносиц: Марию Магдалину - в Евангелии Иоанна; "другую" Марию - в Евангелии Матфея; Иоанну во главе галилейских жен - в Евангелии Луки; и, вероятно, как увидим ниже, Марию Иаковлеву - в Евангелии Марка.

III

Все перечисленные жены Мироносицы передали Евангелистам то, что каждая из них видела и испытала. Но как же могло случиться, что они видели и испытали не одно и то же? Прежде сего это могло произойти оттого, что они не были во все это время вместе, не составляли одной нераздельной группы, а пространственно делились между собой, отчего естественно получилась бы возможность и различий в наблюдениях. Евангельские рассказы дают для уяснения этого некоторые данные.

Из всей совокупности жен, следовавших за Господом и присутствовавших у Его Креста, мы имеем основания наметить две группы. Евангелист Матфей говорит: "Там (т.е. при Кресте) были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему. Между ними была Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сынов Заведеевых" (27:55-56). Марк говорит: "Были тут и женщины, которые смотрели издали: между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова меньшего и Иосии, и Саломия, которые и тогда, как Он был в Галилее, следовали за Ним и служили Ему, и другие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим" (15:40-41). Евангелист Иоанн говорит: "При Кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина" (19:25). Евангелист Лука: "Все же знавшие Его и женщины, следовавшие за Ним из Галилеи, стояли вдали и смотрели на это" (23:49). Что же мы видим из этих сообщений? Первые два Евангелиста из всей совокупности галилейских жен совершенно ясно выделяют группу, состоящую из Марии Магдалины, Марии, матери Иакова и Иосии, и Саломии, матери сынов Заведеевых. Это выделение доходит до степени еще большей определенности у двух остальных Евангелистов. Евангелист Иоанн, говоря о женах, стоявших *при Кресте*, упоминает только эту группу, ставя во главе ее Матерь Господа; и так как Господь в это время поручает Ее с Креста Апостолу Иоанну (19:26-27), то, очевидно, эта группа стояла в последние моменты земной жизни Господа буквально *при Кресте*, т.е. совсем вблизи Его. Наоборот, Ев. Лука, говоря о женщинах, стоявших в эти же последние минуты *вдали*, обозначает их только как женщин, следовавших за Господом из Галилеи, не называя ни одной из Марий, ни Саломии. Итак, вырисовываются как бы две группы жен, присутствовавших при распятии Господа. В первой мы видим самых ближайших к Господу, во главе с Его Матерью; во вторую входят вообще галилейские жены, следовавшие за Иисусом, во главе, вероятно, с Иоанной, которую называет потом Ев. Лука (24:10). Может быть, вначале эти группы были вместе (Матфей и Марк), а потом (по Иоанну и Луке) одна стояла вблизи Креста, а другая - вдали. Вот первая черта различия, которую нам позволяет наметить само Евангелие среди жен Мироносиц.

Затем мы можем усмотреть и дальнейшее различие уже в действиях той и другой группы сейчас же по положению Господа во Гроб. Евангелист Лука, рассказав о последнем, затем говорит: "День тот был пятница, и наступала суббота. Женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, смотрели Гроб и как полагалось Тело Его. Возвратившись же, приготовили благовония и масти; и в субботу остались в покое по заповеди" (Лк.23:54-56). Евангелист Марк сообщает, что "по прошествии субботы, Мария Магдалина, Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его" (Мк. 16:1). Очевидно, та и другая группа по покупке ароматов совершили в разное время: первая - в пятницу *до* субботнего покоя; вторая - *по* прошествии субботы, когда последняя законная грань субботнего покоя уже миновала. Чем же можно объяснить такое различие?

Конечно, самое естественное - тем, что так как время положения Господа во Гроб было перед самым наступлением субботы, то одни жены, уйдя немного раньше, захватили еще лавки отпертыми и успели купить ароматы, а другие, промедлив у Гроба, не могли уже этого сделать и оставили по покупку до после субботы. Действительно, можно найти некоторый намек в самом Евангелии на то, что галилейские жены ушли несколько ранее от Гроба, чем другая группа. Дело в том, что Ев. Матфей и Марк со слов жен из первой группы сообщают, как Иосиф, после погребения Господа, привалил ко Гробу Его камень (Мф.27:60, Мк.15:46). А Ев. Лука, передавая известия со слов галилейских жен, не сообщает, что они видели это, оканчивая все такими словами: "И смотрели (они) Гроб и как полагалось тело Его" (Лк.23:55) Принимая безусловную точность в сообщениях жен, мы видим здесь ее очень тонкое подтверждение. Первая группа промедлила у Гроба и видела, как приваливали камень, а вторая ушла ранее и ничего такого не видела, а потому и не сообщила об этом. Таким образом определяется момент ухода галилейских жен от Гроба.

Однако этого объяснения для дела недостаточно. Если бы та и другая группа были у Гроба совсем вместе и жили бы тоже вместе, то разве ушедшие ранее не могли бы купить ароматов и на долю оставшихся? Разве те, которые, может быть, не имели сил оторвать своих глаз от Гроба, не могли бы все-таки попросить уходивших подруг сделать закупки? Очевидно, одним различием во времени ухода не вполне еще выясняется, почему жены совершили по покупку ароматов в разное время: одна группа *до* субботы, другая - *по* ее прошествии. Нужно предположить, что галилейские женщины ушли от Гроба, не переговорив с остальными и не сообщив им, что время уже совсем на исходе, и что они идут поскорее купить ароматов. Составляя как бы самостоятельную группу при распятии, они и от Гроба уходят как будто самостоятельно. Естественнее всего думать, что эта самостоятельность происходила от очень простой причины: то была группа родственниц Господа и самых ближайших к Нему лиц во главе с Его Матерью и Апостолом Иоанном, которому Господь только что поручил Ее; а это были хотя и верные Господу жены, но не так к Нему близкие; они не смели из внутренней сострадательной деликатности даже и напомнить о чем-нибудь Матери Господа и окружающим Ее в минуты такого безграничного для них горя и отчаяния. Мысль о помазании не была подготовлена: она явилась в душах любящих Господа жен уже тут при Кресте; события надвигались так невероятно быстро и так были поразительны и горестно потрясающи, что мысли жен не только не могли предвирать их, но не успевали и следить за ними. Когда в подавленном от тяжести горя сознании блеснула мысль, что нужно помазать Господа, что еще раньше нужно запастись благовониями, а Суббота уже наступает, - галилейские женщины должны были насколько возможно скорее спешить к продавцам погребальных ароматов. Они не могли знать в точности мыслей и намерений тех родных Господу лиц, которые сидели против Гроба и, позабыв все, не отрывали от Него своих взоров.

Самостоятельный уход галилейских жен становится еще более понятным и естественным, если мы примем во внимание, что та и другая группа жен, вероятно, и жилища свои имели в

разных местах. Это можно предполагать уже по тому одному, что они, конечно, находили приют на время праздника Пасхи у частных знакомых лиц и, следовательно, навряд ли могли помещаться в одном и том же доме. Но и само Евангелие дает несколько намеков на это.

Прежде всего мы знаем, что Евангелист Иоанн имел свой дом, куда он, по поручению Господа, и приютил Его Матерь (Ин.19:27). Около Нее в его же доме естественно было находить приют и всем остальным женам этой группы. Саломия была мать Иоанна и, по предположению некоторых, сестра Матери Господа; Мария Клеопова - Мать Иакова и Иосия - была или тоже сестрой, или во всяком случае родственницей Ее; Мария Магдалина постоянно упоминается с ними и, по беззаветно восторженной любви к Господу, стала близким и родным им лицом и, конечно, не оставляла их; тут же жил, может быть, и Иаков, родной брат Иоанна. Это была как бы отдельная колония ближайших ко Господу жен под главенством двух тоже ближайших к Нему Апостолов.

Жены другой группы жили, по-видимому, в ином месте и под главенством Апостола Петра; на это мы можем найти в Евангелии некоторые указания. Когда Мария Магдалина с отчаянием в сердце бежит сказать Петру и Иоанну, что во Гробе тела Господа нет, то сообщающий это Ев. Иоанн выражается так: "Бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус" (πρός Σίμωνα Πέτρον καὶ πρὸς τὸν ἄλλον μαθητὴν, ὃν ἐφίλει ὁ Ἰησοῦς) (Ин.20:2). Мы видим здесь повторение предлога к - πρὸς; не сказано: к Петру и другому ученику, как проще и естественнее всего сказать, если бы они жили вместе, а: к Петру и к другому ученику. Эта постановка предлога пред каждым именем отдельно, так сказать, пространственно обособляет друг от друга обоих Апостолов. Евангелист Иоанн как бы говорит: Мария Магдалина бежит к Симону Петру и затем к другому ученику и говорит им. Можно предположительно наметить и самый дом, где пребывал Апостол Петр и галилейские жены. От Евангелиста Луки мы узнаем, что лет четырнадцать спустя тоже во время Пасхи ап. Петр, чудесно освобожденный из темницы, идет прямо в дом Марии, Матери Евангелиста Марка; там всю ночь молилась о спасении Петра немногочисленная церковь Христова; Петра там узнают как своего близкого, по одному голосу, когда он стучится в дверь; сообщив о своем освобождении, Петр скрывается в другое место (Деян.12:12-17), указывая этим, что дом Марии как известное место его пребывания, был не безопасен от преследователей. Есть основание думать, что Тайная Вечеря Господа происходила в том же доме Евангелиста Марка, так как тогда проще всего объясняется присутствие последнего при взятии Господа воинами. Из этих двух известий не вправе ли мы предположить, что и в ночь воскресения Христова некоторые из Апостолов и жен пребывали в доме этой же Марии? Но мало этого; от самого Апостола Петра мы знаем, что он был с Ев. Марком в особенно близких отношениях; он называет его своим сыном (1Пет.5:13) и, как известно, имел его своим спутником; наконец, Марк и записал то, что Апостол Петр рассказывал и проповедовал о Христе и что теперь мы имеем под именем Евангелия Марка. Сопоставляя все эти соображения, мы вправе признать пребывание в доме Марии Апостола Петра весьма вероятным. Есть основание думать, что в том же доме были и некоторые святые жены Мироносицы. Обратим внимание на то, как описывает Ев Лука возвращение галилейских жен с вестью о воскресении: "И возвратившись от Гроба, возвестили все сие одиннадцати и всем прочим" (Лк.24:9) Прежде всего, должно отметить слова Евангелиста: "возвратившись от Гроба" (υποστρέψασαι ἀπὸ τοῦ μνημείου). Жены *возвратились*, т.е. вернулись туда же, откуда пошли ко Гробу, как и до этого Евангелист говорит, что жены, "возвратившись", приготовили благовония и масти (Лк.23:56). Следовательно, мы по Евангелисту Луке должны представлять дело так, что галилейские жены уходили из дому, чтобы сопровождать Господа на Крестном пути в пятницу, и опять вернулись, купив по дороге благовония, к себе и проводили у себя субботу; затем после нее, отправившись ко Гробу с ароматами и получив благовестие Ангелов, не пошли куда-либо в другое место, а опять "возвратились" к себе же. Мы, следовательно, имеем дело с их

собственным временным местопребыванием. Кого же они там находят? Апостола Петра и с ним других от одиннадцати и всех прочих (Лк.24:9); тут были некоторые и из семидесяти, как это мы можем видеть из того, что известия возвратившихся галилейских женщин слышали Еммаусские путники Лука и Клеопа и прямо их называют женщинами "из наших" (ἐξ ἡμῶν) (Лк.24:22). Таким образом, если одна группа жен Мироносиц была, вероятно, в доме Апостола Иоанна, то другая с прочими Апостолами могла пользоваться сравнительно обширным помещением (как это можно видеть из описания горницы при Тайной Вечери) близкого Апостолу Петру семейства - родителей Евангелиста Марка и во всяком случае во главе с Петром вместе с другими учениками помещалась не там, где родственницы Господа первой группы.

Итак, пред нами наметились некоторые черты, вносящие уже известный, хотя бы только и пространственный порядок в то, что рассказывают все Евангелисты. При Кресте было две группы жен; одна - из родственниц Господа и ближайших к Нему лиц; другая - из остальных галилейских женщин. Последняя группа от Гроба Господа отправилась купить благовония и затем возвратилась к себе в дом, где, вероятно, пребывали и другие Апостолы во главе с Петром. Мать же Господа с родственницами и с Марией Магдалиной замедлили у Гроба и прямо направились к дому Апостола Иоанна, отложив уже покупку ароматов до после субботы.

IV

Зашло солнце в субботу, и кончилось определенное законом время субботнего покоя. С возжением вечерних светильников воссиявал уже следующий день; наступал первый день недели.

В евангельских рассказах мы сейчас же находим несколько, теперь уже временных, точек для взаимного сравнения и упорядочения далее сообщаемого.

У Евангелиста Матфея мы читаем: "В вечер же субботний (ὄψε δε σαββάτων - т.е. поздно в субботу) свитаючи во едину от суббот (τῆ ἐπιφωσκουσῆ εἰς μίαν σαββάτων - т.е. когда воссиявал, или наступал первый день недели) прииде Мария Магдалина и другая Мария видети Гроб" (θεωρεῖσαι τὸν τάφον) (Мф.28:1). Так намечается первый пункт времени: "поздно в субботу", "когда воссиявал первый день недели". "Воссиявал" - здесь не значит в буквальном смысле - "рассветал". Из Матфея (27:62), и из Луки (23:54) мы видим, что положение тела во Гроб было в пятницу вечером до наступления еще захода солнца, когда начиналась уже суббота, и этот момент у Евангелиста Луки обозначается словами: "καὶ σάββατον ἐπέφωσκε", т.е. суббота воссиявала, или, как в русском переводе, наступала (Лк.23:54). Таким образом, "ἐπιφώσκω" - воссиявало, обозначает здесь не рассвет природного дня, а начало суток, которые на востоке считались с вечера, когда воссиявали, т.е. возжигались светильники в храме. Итак, "поздно в субботу" можно определить точнее: когда зажигались вечерние огни и наступал по закону следующий день, первый по счету в еврейской неделе. В это время Мария Магдалина и другая Мария приходят "посмотреть Гроб" (θεωρεῖσαι τὸν τάφον). Так повествует Ев. Матфей.

У Евангелиста Марка читаем: "По прошествии субботы (διαγενομένου τοῦ σαββάτου) Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его" (Мк.16:1). Устанавливается второй пункт - время покупки ароматов теми женами, которые не запасались ими в пятницу; это именно когда прошла суббота. Это обозначение - более общее сравнительно с предшествующим; покупка ароматов была вообще по прошествии субботы, но раньше или позже, чем Мария Магдалина с "другой" Марией ходили "смотреть Гроб", точно определить, на основании этого евангельского места, нельзя. Для уяснения этого, может быть,

можно сделать следующее предположение. Мы видели, что группа галилейских жен запасалась ароматами для помазания Тела Иисусова еще с пятницы, а жены первой группы не сделали этого. Может быть, причиной этого было не одно промедление у Гроба, а и то, что через Иоанна, который имел знакомство в первосвященническом кругу, они могли знать о предположении архиереев поставить стражу у пещеры и запечатать ее и потому не были вполне уверены, что можно будет совершить помазание ранним же утром, после субботы, и, вследствие этого, не принуждали себя в пятницу заранее спешить от Гроба ради покупки благовоний. Очень вероятно, что они в субботу уже знали о страже и печати, и, может быть, поэтому-то Мария Магдалина с "другой" Марией и отправились еще поздно вечером в субботу "посмотреть Гроб", т.е. сообразить - возможно ли будет и когда именно возможно совершить помазание при данных обстоятельствах. Когда это было узнано, Мария Магдалина, оставив "другую" Марию у гроба, сама отправилась известить о времени других жен из своей группы, с которыми и совершает покупку ароматов. Если это было так, то эту покупку лучше поместить после того, как Мария Магдалина и "другая" Мария были уже у Гроба и узнали, когда стража будет снята, и когда можно будет помазать Тело Господа.

Непосредственно за тем мы находим у того же Евангелиста Марка указания и еще на один пункт времени: "И весьма рано в первый день недели (καὶ λίαν πρῶν τῆς μίας σαββάτων) приходят ко Гробу при восходе солнца (ερχονται ἐπὶ τὸ μνημεῖον ἀνατείλαντος τοῦ ἡλίου)" (Мк.16:2). Тут уже обозначается утро следующего дня, когда было еще "очень рано", "когда восходило солнце". Значит, те же жены, которые купили ароматы с вечера, пошли ко Гробу для помазания Тела Господа только на следующее утро при восходе солнца.

Таким образом, в первой группе жен намечается три различных пункта времени. Во-первых - по наступлении вечера, когда зажглись огни, две жены идут посмотреть Гроб; во-вторых - по прошествии субботы три жены из той же группы покупают ароматы; в-третьих - на следующий день при восходе солнца жены той же группы идут ко Гробу для помазания Господа

Есть еще и четвертое указание времени, относящееся к той же группе женщин. У Евангелиста Иоанна читаем: "В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко Гробу рано, когда еще было темно (ἐρκεται πρῶν σκοτίας ἐτι οὐσης) - завтра еще сущей тьме)" (Ин.20:1). Здесь прямо определяется время еще до рассвета, когда было темно. Значит, Мария Магдалина хотя покупала ароматы вместе с другими женами из своей группы, но ко Гробу пришла отдельно от них и значительно раньше их; они - когда восходило солнце (ἀνατείλαντος τοῦ ἡλίου), она - когда еще было темно (σκοτίας ἐτι οὐσης). Таким образом, среди той же группы женщин мы должны отметить еще четвертый момент, - когда Мария Магдалина отделилась от них; это было во время ночи между покупкой ароматов и восходом солнца.

Евангелист Лука дает нам возможность установить некоторый момент времени и относительно другой группы - галилейских женщин с Иоанной во главе. Он сообщает: "В первый же день недели, очень рано (ὄρθρου βαθέος), неся приготовленные ароматы, пришли они ко Гробу" (Лк.24:1). В какой порядок времени мы поставим это: "очень рано"? Греческое "ὄρθρο" значит: рассвет, начало рассвета, а "βαθός" значит: глубокий; "(ὄρθρου βαθέος" обозначает, следовательно, в *глубокий рассвет*, т.е. когда едва брезжило, когда был еще предрассветный сумрак. Таким образом, это было во всяком случае до восхода солнца, когда пришли жены первой группы ко Гробу; но это было и после прихода Марии Магдалины ко Гробу, потому что она пришла, когда было еще совсем темно (σκοτίας ἐτι οὐσης), следовательно, это было между тем и другим приходом.

Так окончательно наметились пять временных пунктов. Первый - Мария Магдалина и "другая" Мария *поздно в Субботу, когда зажглись вечерние огни*, идут посмотреть Гроб; второй - Мария Магдалина, Мария Иаковлева и Саломия покупают ароматы, *когда прошла Суббота*; третий - Мария Магдалина приходит ко Гробу *в первый день недели, но когда было темно*; четвертый - *в предрассветной мгле* пришли сюда же Иоанна и другие галилейские жены и, наконец, пятый - *при восходе солнца* приходят Мария Иаковлева и Саломия.

V

Из сопоставления всего доселе найденного в евангельских рассказах мы можем приблизительно очертить положение и движение тех жен Мироносиц, которые были более всего вероятными авторами этих рассказов.

Начнем с Марии Магдалины. Она видно всюду. Она соединяет собою всех. Поздно в субботу она идет с "другой" Марией посмотреть Гроб. Затем, очевидно, возвращается назад и с другими женами своей же группы покупает ароматы. Потом, когда они остались у себя до рассвета, она идет ко Гробу, "еще сущей тьме". Это было совсем незадолго до прихода галилейских жен; их отделяла только незаметная грань между оттенками предрассветной мглы. Весьма даже вероятно, что она встречалась с ними, может быть, заходила к ним, может быть, шла с ними некоторое время. По крайней мере, когда она, приблизившись ко Гробу, увидела его пустым, то сейчас же побежала к Петру и Иоанну со словами: "Унесли Господа из Гроба и не знаем (ουκ οἶσαμεν), где положили Его" (Ин.20:2). Если бы она все время шла одна, то откуда бы у ней появилась эта потребность говорить от лица многих? Очевидно, она сознавала, что вот вслед за ней сейчас же придут ко Гробу другие ее подруги и увидят и почувствуют то же самое, что видела и почувствовала она; поэтому и говорит также и от их лица: не знаем, где положили Его. Петр и Иоанн идут с ней ко Гробу и, посмотрев, возвращаются обратно к себе, а она после этого вблизи Гроба удостоивается явления Господа. То, что касается самого события, т.е. как она видит Гроб пустым, как приходят Апостолы Петр и Иоанн и уверяются в том же, как затем ей являются два Ангела и Сам Господь, все это с ее слов с полной точностью и передает Евангелист Иоанн, дополняя существенно этим рассказы остальных Евангелистов об участии Марии Магдалины заодно с другими женами в подготовительных к тому моментах.

Это участие прежде всего выразилось в том, что она еще с вечера идет посмотреть Гроб с "другой" Марией (ἡ ἄλλη Μαρία). Эта "другая" Мария - вероятный автор рассказа Евангелиста Матфея. Церковь в лице многих Святых Отцов издревле полагала, что под этим словом смиренным именем разумеется Матерь Господа. Мы увидим потом, что это как нельзя более правдоподобно и объясняет встречающиеся недоумения. Теперь же наша задача только в том, чтобы в общем проследить путь этой "другой" Марии и точку Ее зрения при рассказе. Она идет поздно в субботу, когда воссиявал огнями первый день недели, посмотреть Гроб, в сопровождении Марии Магдалины. Последняя, как мы видели, возвращается к себе, чтобы с остальными женами, окружавшими Богоматерь, купить ароматов и прийти утром помазать Тело Иисуса. "Другая" Мария, вероятно, остается при Гробе и делается свидетельницей землетрясения и сошествия Ангела, отвалившего камень от Гроба. Затем, вероятно, последовало явление воскресшего Господа Своей Матери, во что верует церковь, согласно древнейшим преданиям; но Она об этом, как лично к материнству Ее относящемся факте, из смирения умалчивает, а описывает лишь гораздо позднее случившееся явление Ангела "женам" и повеление его возвестить ученикам, что воскресший Иисус предваряет их в Галилее (Мф.28:5-7). Кто были эти "жены"? Так как "другая" Мария передает слова Ангела так же, как передает их Евангелист Марк со слов или Саломии, или, что вероятнее, Марии Иаковлевой (Мф.28:5-7, ср. Мк.16:6-7), то, следовательно, можно полагать, что эти последние и были теми

"женами", о которых говорит "другая" Мария. Посему должно думать, что эта последняя, удостоенная явления воскресшего Сына, отошла от Гроба и возвратилась к Нему уже к восходу солнца, когда пришли Ее близкие Саломия и Мария Иаковлева, которым вместе с Нею и явился Ангел. Передав благовестие Ангела в тех же словах, как оно сообщается в Евангелии Марка, "другая" Мария затем присоединяет и совсем новые, другими не собираемые повествования о явлении Самого Господа, когда они с трепетом и радостью бежали уже обратно от Гроба. Господь встретил их со словами: "Радуйтесь"; они ухватились за ноги Его и поклонились Ему, а Он повелел им идти и возвестить братьям Его, что Он предваряет их в Галилее (Мф.28:8-10). Этим оканчивается рассказ "другой" Марии, и завершается ее путь движения ко Гробу и обратно к себе в великую для нее воскресную ночь.

Почему же, однако, только что упомянутого явления Господа не передает та жена, которая была автором повествования о воскресной ночи по Евангелию Марка? Из умолчания можно предположить, что она лично не была участницей в этом событии, хотя пред этим вместе с другими женами и видела явление Ангела, о чем и сообщила Петру в одинаковых словах с "другой" Марией. Вероятно, она от Гроба пошла не вместе с остальными, а направилась отдельно к Апостолу Петру; а потому и не была очевидицей явления Господа. Так как у Гроба были, как мы уже сказали, "другая" Мария, Саломия и Мария Иаковлева, то, следовательно, которая-нибудь из двух последних отделилась до явления Господа и была потом тем первоисточником, из которого почерпал Апостол Петр сообщаемые им сведения в Евангелии Марка. Вероятно, это была не Саломия, а Мария Иаковлева, чему мы находим основания у Евангелиста Луки, который, перечисляя жен, передававших Апостолам, во главе с Петром, благовестие Ангелов, называет именно Марию Иаковлеву. Следовательно, она от Гроба и направилась туда, где жил Апостол Петр с остальными учениками и женами. Этим самым мы уже перешли к Марии Иаковлевой, как первоисточнику рассказа о воскресной ночи по Евангелию Марка.

У этой святой жены отмечаются сами собой три ею пережитых момента. По прошествии субботы она идет вместе с Марией Магдалиной и Саломией купить ароматы; затем утром при восходе солнца приходит ко Гробу с Саломией, а затем к ним присоединяется и "другая" Мария, слышит благовестие Ангела и повеление его сказать ученикам и *Петру*, что Господь предваряет их в Галилее; наконец, бегство ее от Гроба с трепетом и ужасом к ученикам и Петру и, вследствие страха, боязливое умолчание о том, что она видела и слышала вместе с другими и что повелел сказать Ангел (Мк.16:8). В этой передаче благовестия Ангела и бегства от Гроба мы должны отметить две характерные черты. Во-первых, Мария Иаковлева обратила особенное внимание на то, не выделенное у Евангелиста Матфея, обстоятельство, что Ангел повелел сообщить о предварении Господа учеников в Галилее "и Петру" (Мк.16:7). Вероятно, вследствие этого она и не пошла вместе со своими спутницами обратно к себе, а направилась немедленно туда, где пребывал Апостол Петр с остальными. Во-вторых, тогда как, по описанию "другой" Марии, жены бежали от Гроба со страхом и радостью великой (Мф.28:8), чтобы поведать Апостолам, что они видели и слышали, Мария Иаковлева изображает волновавшие их чувства несколько иначе, оттеняя больше трепет и ужас (Мк.16:8), которые, очевидно, поглощали ее душу и сковывали ее язык.

Нам остается сказать о путешествии на гроб и обратно тех галилейских жен во главе с Иоанной, от которых почерпал свои сведения Евангелист Лука. Их путь и движения были очень просты. Как мы прежде видели, они еще с пятницы запаслись благовониями. Проведя субботу по закону в покое, они вслед за Марией Магдалиной, когда рассвет начал уже чуть-чуть брезжить, пришли ко Гробу. Затем они видят двух Ангелов, которые и сообщают им о воскресении Господа и напоминают пророчество Его об этом, когда Он был еще в Галилее. От Гроба они возвращаются обратно к себе и возвещают все это Апостолам и всем прочим

(Лк.23:56, 24:1-9). К ним присоединились и Мария Магдалина и Мария Иаковлева, тоже подтвердившие их весть о евангельском явлении и благовестии (Лк.24:10).

VI

Перед нами теперь общее очертание путей святых жен. Вечер субботы. Из дом Апостола Иоанна идут Мария Магдалина и "другая" Мария посмотреть Гроб. Мария Магдалина возвращается обратно и с Саломией и Марией Иаковлевой покупает ароматы. "Другая" Мария остается у Гроба и становится свидетельницей землетрясения и сошествия Ангела с неба, который отваливает камень от Гроба. После полуночи Мария Магдалина опять уходит из дому и, вероятно, идет по пути к другим женам, или же обгоняет их, идущих ко Гробу. Когда мрак ночи царил еще вполне, она была уже у Гроба. Увидев, что он пуст, она бежит к Петру и Иоанну. В это время, в самом начале рассвета, приходят галилейские жены и тоже в недоумении видят, что Тела Господа нет; затем им являются два Ангела и возвещают о Его воскресении. Когда они пошли опять к себе, чтобы рассказать ученикам о случившемся, приходят ко Гробу с Марией Магдалиной Петр и Иоанн, вероятно, от дома Иоанна, так как к нему Мария Магдалина отправилась уже после извещения Петра; удостоверившись, что Тела Господа действительно нет, они уходят обратно к себе, а Мария Магдалина, оставшись, достаивается видения двух Ангелов и вслед за этим - Самого Господа. Когда она шла возвестить о сем, приходят ко Гробу, уже при восходе солнца, Саломия и Мария Иаковлева, к которым присоединяется и "другая Мария". Они видят Ангела и получают благовестие от него о воскресении Господа и повеление идти и возвестить ученикам и Петру, что Он предваряет их в Галилее. Мария Иаковлева, обратив внимание, что повелено сказать Петру, объята страхом и трепетом, направляется к его жилищу, а остальные жены идут к себе, т.е. к дому Апостола Иоанна и по пути достаиваются явления Самого Господа. Между тем Мария Магдалина идет к ученикам и застает там галилейских женщин, рассказывающих о явлении им Ангелов и, вместе с пришедшей сюда же Марией Иаковлевой, присоединяется к их известиям и подтверждает их (Лк.24:10). Апостол Петр, выслушав, вторично бежит на Гроб и, наклонившись, опять видит только лежащие пелены и возвращается назад, полный удивления и недоумения.

Здесь мы не можем не обратить внимания на одну глубоко знаменательную и характерную черту. Галилейские жены видели только явление Ангелов и слышали только их благовестие о воскресении; Ангелы им ничего не говорили, чтобы ученики шли в Галилею и что Господь там их предварит. Мария Иаковлева пришла к Петру и ученикам уже после того, как получила повеление идти к ним и послать их в Галилею. Мария Магдалина была уже удостоена явления Самого Господа. И однако как та, так и другая, только присоединяются к рассказу галилейских женщин и говорят лишь о явлении Ангелов, ничего не говоря о другом, более важном, что они знали. Что это было так, мы видим из слов Евангелиста Луки. Он, сообщив то, что видели галилейские жены, говорит: "То были Магдалина Мария, и Иоанна и Мария, мать Иакова, и другие с ними, которые сказали о сем (т.е. о том, что слышали и видели галилейские жены) Апостолам" (Лк.24:10). Затем и другой раз он подтверждает то же, сообщая, что эммаусские путники, слышавшие женщин-благовестниц, знали от них только о явлении Ангелов, которые говорили, что Иисус жив (Лк.24:22,23). Что бы значило это молчание Марии Магдалины и Марии Иаковлевой? Это разъясняет нам Евангелист Марк. Он говорит, что жены, услышавшие повеление сообщить ученикам и Петру, чтобы они шли в Галилею, где предварит их Господь, были объаты "трепетом и ужасом и никому ничего не сказали, потом что боялись" (Мк.16:8). Очевидно, Апостол Петр здесь отмечает это событие именно потому, что оно ближе всего касалось его: ему не сообщили повеление Господа; и причиной этого была боязнь. Значит, Мария Иаковлева и Мария Магдалина, придя в дом, где пребывал Петр с остальными учениками, и услышав от галилейских жен их рассказ о виденном ими, не осмелились

сообщить прямо и открыто пред всеми о том, чему они одни удостоены были быть свидетелями. Мария Иаковлева была и так объята страхом; Мария Магдалина тоже боялась сказать все; ей, вероятно, представлялся вопрос, почему Ангелы не сказали того же повеления и галилейским женам, если это должны знать все? почему Господь не явил Себя всем им, если бы это было сейчас необходимо? вправе ли она предупредить волю Господа? не лучше ли подождать со своим рассказом, пока соберутся только одни одиннадцать Его учеников? Тогда воля Господа будет исполнена точно. Она не должна являть Его открыто, потому что Он не явил Себя так. Открыть всем тайну Господа, без воли Господа, казалось ей дерзновенным. И она молчала. Таковы могли быть соображения и таковы причины боязни, сомкнувшие уста Марии Магдалины и Марии Иаковлевой в присутствии всех жен и учеников. Изумительно, что мы можем находить некоторые косвенные указания у самого же Евангелиста Марка на то, что Мария Магдалина, умолчав в общем собрании всех, сообщила потом обо всем, когда собрались одни ближайšie ученики Господа. Упомянув о том, что жены ничего не сказали о повеленном им (Мк.16:8), он затем говорит совершенно неожиданно, как будто без связи с предыдущим: "Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов, она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим (Мк.16:9-10)". Очевидно, тут связь есть, именно связь впечатлений. Сперва, т.е. в присутствии всех, Мария Магдалина и Мария Иаковлева молчали о виденном и слышанном ими, потому что боялись неточно исполнить волю Господа. Потом, когда собрались одни бывшие с ним, т.е. ближайšie Его ученики, Мария Магдалина рассказала о явлении ей воскресшего Господа.

VII

Наполним теперь этот общий скелет полнотой содержания и постараемся воспроизвести все событие в его жизненной целостности, воспользовавшись всеми сближениями, которые мы усмотрели, и всеми указаниями, которые мы находим у Евангелистов.

Поздно в субботу, когда воссиявал первый день недели, Мария Магдалина и другая Мария пришли посмотреть Гроб (Мф.28:1).

Посмотрев его и узнав что нужно, Мария Магдалина вернулась обратно.

Так как суббота уже миновала, то она, Мария Иаковлева и Саломия покупают ароматы, чтобы утром помазать Иисуса (Мк.16:1).

Между тем "другая" Мария была у Гроба.

И вот сделалось великое землетрясение, и Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери Гроба и сел на нем. Вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег. Страхом пред ним потрясены были стерегущие и стали, как мертвые (Мф.28:2-4).

А Мария Магдалина после покупки ароматов, оставив своих подруг, опять спешит ко Гробу. Обогнав шедших тоже туда галилейских жен, она приходит на Гроб ранним утром в первый день недели, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от Гроба.

Под этим впечатлением она бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: взяли Госиода из Гроба и не знаем, где положили Его. Услышав это, вышел Петр, также и другой ученик, и пошли ко Гробу (Ин.20:1-3).

В то время, когда Мария Магдалина побежала к Петру и Иоанну, шедшие следом за ней галилейские женщины приближались ко Гробу, неся приготовленные ароматы. Только что забрезжил рассвет первого дня недели, когда они пришли. И нашли они камень опаленным от Гроба и, войдя, не нашли Тела Господа Иисуса. И было в то время, как они недоумевали об этом, вот два мужа предстали в одеждах блистающих и, когда они были в страхе и наклонили лица к земле, сказали им: "Что ищете живого с мертвыми? Он не здесь, но восстал; вспомните, как Он вещал вам, еще будучи в Галилее, говоря, что должно Сыну Человеческому быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту и в третий день воскреснуть". И вспомнили они слова Его и пошли от Гроба, чтобы, возвратившись, возвестить все это одиннадцати и всем прочим (Лк.24:1-9).

А Петр и Иоанн спешили тем временем с Марией Магдалиной ко Гробу. Они бежали оба вместе, но другой ученик бежал скорее Петра и пришел ко Гробу первый и, наклонившись, видит лежащие пелены, однако он внутрь не вошел. Вслед за ним приходит и Симон Петр и вошел в Гроб и видит лежащие пелены и плат, который был на главе Ею, лежащий не вместе с пеленами, но особо свитый в одно место. Тогда вошел и другой ученик, пришедший первый ко Гробу, и уверился: они еще не знали писания, что должно Ему из мертвых воскреснуть. И отправились опять к себе ученики (Ин.20:4-10).

Мария же плачущая стояла у Гроба. И когда плакала, наклонилась в Гроб и видит двух Ангелов в белом, сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало Тело Иисуса. И говорят ей они: жена, что ты плачешь? она говорит им: взяли Господа моего и не знаю, где положили Его. И сказав это, обратилась назад, и видит Иисуса стоящего и не узнала. Говорит ей Иисус: жена, что ты плачешь? Кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: Господин, если ты вынес Его, скажи мне, где положил Его, и я возьму Его. Говорит ей Иисус: Мария! Обратившись, она говорит Ему. Раввуни, т.е. Учитель! Говорит ей Иисус: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему, а иди к братьям Моим и скажи им' восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и к Богу вашему. И повинувшись слову, Мария Магдалина идет, чтобы возвестить ученикам, что видела Господа, и вот что Он сказал ей (Ин.20:11-18).

А раннее утро первого дня недели все более светлело, и уже восходило солнце. Подруги Марии Магдалины, покупавшие вместе с нею ароматы, Мария Иаковлева и Саломия, а вслед за ними и другая Мария, в это время приходят ко Гробу. И говорили они между собой: кто отвалит нам камень от двери Гроба?

И взглянув видят, что камень отвален, а он был весьма велик. И войдя во Гроб, увидели юношу, сидящего вправо, облеченного в белую одежду; и ужаснулись. Начав же речь, Ангел сказала женщинам: не бойтесь, ибо знаю я, что Иисуса Назарянина распятого ищете. Воскрес Он; нет Его здесь. Идите сюда, посмотрите, вот место, где положен был Он. Идите же скорей и скажите ученикам Его и Петру, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее. Там Его увидите, как Он сказал вам. И выйдя поспешно из Гроба со страхом и радостью великой, побежали они возвестить ученикам Его (М.16:1-8, Мф.28:5-8), а Мария Иаковлева, объятая трепетом и ужасом, направилась отдельно прямо к Петру.

Когда же они шли, се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Ею и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус, не бойтесь! пойдите, и возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там Меня увидят (Мф.28:9-10).

Между тем галилейские жены, возвратившись от Гроба, возвестили одиннадцати и всем прочим все с ними происшедшее, т.е. явление Ангелов и их благовестив о воскресении. К ним

присоединились и Мария Магдалина и Мария Иаковлева, так что все они вместе говорили Апостолам. И показались им слова женщин неправдоподобными и не поверили им. Но Петр, встав, побежал ко Гробу, и наклонившись, увидел только пелены лежащие и отошел, дивясь сам в себе происшедшему (Лк.24:9-12).

Мария же Магдалина и Мария Иаковлева, подтверждая пред всеми собравшимися, среди общего недоверия, свидетельство галилейских жен, никак не могли осмелиться присовокупить к нему еще то, что лично ими одними видено и слышано. Они никому и ничего не сказали - ни о повелении идти Петру и другим ученикам в Галилею, ни о явлении Самого Господа. Они боялись говорить об этом открыто перед всеми и дожидались, когда будут одни одиннадцать (Мк.16:8).

И вот, когда этот момент настал, Мария Магдалина возвещает им, "бывшим с Ним", плачущим и рыдающим, что видела Господа, и передает слова, которые Он сказал ей. Но они, услышав, что Он жив и она видела Его, не поверили (Мк.16:9-11).

Такова была воскресная ночь. Так происходили разнообразные движения жен Мироносиц; так получались ими различные и друг от друга обособленные впечатления, и так создавался материал для их, не похожих один на другой, рассказов, передаваемых Евангелистами.

VIII

Может быть, кто-нибудь подумает, что трудно представить себе, как это жены не встречались между собою на дороге, двигаясь то туда, то сюда? Естественно ли думать, что в продолжение немногих часов на небольших расстояниях, при участии в одном и том же событии, получились четыре различных группы свидетелей, каждая со своим особым путем, со своими особыми впечатлениями и описаниями?

Чтобы допустить это и признать вполне естественным, нужно помнить, что все это было на востоке, почти две тысячи лет тому назад, в большом восточном городе, с его темными перепутанными улицами и пересекающимися без всякого порядка запутанными переулками; что все происходило ночью и, конечно, при полном отсутствии всякого искусственного освещения; что время было пасхальное, когда сотни тысяч пришедших богомольцев наполняли город и окрестности. Как раз с вечера должна была происходить церемония сжатия первого снопа и ранним утором торжественное принесение его в жертву; конечно, миллионная толпа двигалась в предрассветном сумраке по всем путям по направлению к храму, и отдельным лицам, которые проходили сквозь эту толпу, несравненно труднее было встретиться, чем не встретиться.

Затем нужно взять во внимание душевное состояние жен Мироносиц, когда они направлялись ко Гробу, или бежали от Него. Они, конечно, были полны одной мыслью, одним стремлением - или достигнуть Гроба и помазать Тело Господа, или прийти и возвестить Апостолам о том, что они видели и слышали. Не рассчитывая встретиться, совершенно спутанные в своих планах неожиданно происшедшим, они менее всего могли высматривать одна другую в несметной толпе, в полумраке ночи и предрассветной мглы; они не шли, а бежали и бежали поглощенные всецело могучим потоком таких ощущений, которые ничего общего с окружающей толпой не имели.

Наконец, какие же собственно были движения и пути, где бы жены Мироносицы не могли не встретиться? Разве когда Мария Магдалина и другая Мария шли посмотреть Гроб, или когда первая возвращалась обратно к своим подругам? Но тогда некого еще было им и встречать:

это был первый выход, предшествовавший всем. То же самое и относительно покупки ароматов: она совершена была женами одной группы при полной невозможности встретиться с другой. Затем Мария Магдалина идет ко Гробу вторично и приблизительно около того же времени, как и галилейские жены. Но мы уже сказали, что по нашему предположению, вероятно, она или обогнала их, или во всяком случае знала, что они идут тут же за ней; значит, здесь движения их несколько совпадают. Но потом, скажут, Мария Магдалина бежит сейчас же от Гроба к Петру и к Иоанну, следовательно, как раз навстречу галилейским женам. Вот первый раз, когда они могли бы встретиться, но, по-видимому, не встретились. Не говоря уже о всех, прежде сказанных соображениях, до того ли было в данный момент Марии Магдалине, чтобы искать встречи с галилейскими женами? Она не посмотрела даже хорошенько Гроба: она заметила лишь, что камень отвален от него, и это так поразило ее; она сейчас же бежит, полная одной мысли, что куда-то взяли Тело Господа, и неизвестно, где положили Его... И для чего ей было искать встречи с идущими женами? Передать виденное? Но они сами сейчас увидят то же. Не лучше ли ей как можно скорее бежать к Апостолам, чтобы они как-нибудь помогли делу? Может быть, она побежала по самым сокращенным путям, чтобы выиграть время, а галилейским женам не было, конечно, никакой нужды выбирать кратчайшие и глухие улицы и они могли идти более удобным и лучшим путем. Таким образом, и здесь встреча была маловероятна. После бегства от Гроба Марии Магдалины галилейские жены приходят к Нему и уходят обратно к себе. Но им не с кем в это время было встречаться. Они шли к тому жилищу, где пребывал Петр, а Мария Магдалина, захватив Петра, направлялась в это время к Иоанну и оттуда с ними обоими ко Гробу; очевидно, пути их не пересекались взаимно. Остается рассмотреть путь Петра и Иоанна с Марией Магдалиной ко Гробу и обратно и таковой же Марии Иаковлевой с Саломией. Они все шли с одного места и направлялись к одной цели. Следовательно, была некоторая возможность, чтобы где-нибудь на пути они встретились. Но мы уже видели, что это предположить очень трудно, ввиду льющейся со всех сторон миллионной толпы, и если встречи не произошло, то это вполне объяснимо и естественно. Кроме того, Мария Иаковлева и Саломия, выйдя ранее, чем прибежала от Гроба Мария Магдалина, и имея в виду, что помазание Господа могло быть только на рассвете, конечно, не выбирали тех переулков и путей, которые скорее всего вели ко Гробу, и по которым бежали Петр и Иоанн и Мария Магдалина. Очень естественно, что им весьма трудно было встретиться. А когда Мария Магдалина, удостоившись явления Господа, шла обратно, то она направлялась по тому же пути, по которому шли галилейские жены, так как мы видим ее среди них пред Апостолами. Значит, ее обратный путь не пересекался с путем Марии Иаковлевой и Саломии, когда они шли ко Гробу от жилища Иоанна. Ничего указывать на обратное движение другой Марии, Саломии и Марии Иаковлевой от Гроба. Они не могли ни с кем встретиться из своих, потому что в это время никто уже не шел ко Гробу. Таким образом, из всех движений жен Мироносиц только в двух случаях мы можем предполагать возможность встречи, но и то возможность очень маловероятную.

* * *

Для полноты впечатления нельзя не заключить боговдохновенно правдивых евангельских картин воскресной ночи, где среди любящих Господа и близких Ему лиц весть о Его воскресении встречает или изумление пред неожиданностью у одних, или полное сомнение и неверие у других, последней мрачной картиной сознательной и бесчестной к Нему злобы среди Его врагов. Когда жены, обрадованные явлением воскресшего Господа, шли к себе, "некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали. И, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим. Они, взяв деньги,

поступили, как научены были; и пронеслось слово сие между иудеями до сего дня" (Мф.28:11-15).

На таком темном, но обычном всегда и всюду, фоне человеческой косности и маловерия у любящих Господа, и злобной энергии у ненавидящих Его ярче, молниеноснее, благодатнее должен воссиять для нас нисшедший прямо с неба помимо всего людского, вопреки всем и всему, светоносный облик нашего воскресшего Спасителя.